

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ
- СТРАХОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В СОЕДИНЁННЫХ
ШТАТАХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ
- КАНАДА В ТЕНИ США: СТРАТЕГИЯ УСИЛЕНИЯ
В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
- РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ 2024 ГОДА НА ТАЙВАНЕ:
РАЗДЕЛЁННОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖБЕРЕГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
- ПОЛЯРНОСТЬ МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ:
РОЛЬ США И БРАЗИЛИИ
- ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-АВСТРАЛИЙСКОГО
АЛЬЯНСА: РОЛЬ АУКУС И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ АВСТРАЛИИ В ИТР
- СДЕРЖИВАНИЕ КИТАЯ: ОТВЕТ ВАШИНГТОНА
НА ИНИЦИАТИВУ "ПОЯС И ПУТЬ"

НАУКА
— 1727 —

11 • 2024

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 11 (659)

Ноябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Чрезвычайный и полномочный
посол Российской Федерации, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН,
Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО,
Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия);
С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия);
В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия);
Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Пан Давэй (Шанхайская академия
общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава,
Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс,
Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США);
Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский
университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония);
Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул,
Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 11 (659)

November

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada); John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada); Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan); Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 11 (659)

На актуальную тему

Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь».....	7
Володин Д.А. Канада в меняющейся архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона.....	25
Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности.....	47
Кочегуров Д.А. Австралия во внешней и оборонной политике США на современном этапе.....	58

США и мир

Голиней В.А. Основные черты и ограничения межамериканской системы как полюса в современном мире.....	76
---	----

Вопросы управления

Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации.....	93
--	----

Размышляя над прочитанным

Самуйлов С.М. Америка против всех. Борьба США за сохранение своей гегемонии в мире.....	111
--	-----

Справки

Архангельский И.Ю. Определение статуса резидента в целях налогообложения в США.....	119
--	-----

Информация для авторов	127
-------------------------------------	-----

Contents

2024, No. 11 (659)

Burning Issue

Leksyutina, Ya.V. The U.S. Response to China's Belt and Road Initiative.....	7
Volodin, D.A. Canada and the Changing Security Architecture of the Indo-Pacific Region.....	25
Voloshina, A.V. Taiwan's 2024 Elections: Implications for Regional Stability.....	47
Kochegurov, D.A. Australia in U.S. Foreign and Defense Policy at the Present Stage.....	58

The U.S. and the World

Goliney, V.A. Main Features and Limitations of the Inter-American System as a Pole in the Modern World.....	76
--	----

Management

Bartenev, V.I. The U.S. Model of Insuring Development Investments Against Political Risks: Tracking Transformative Changes.....	93
--	----

Reader's Deliberations

Samuylov, S.M. America against all: The United States' Struggle to Maintain Global Hegemony.....	111
---	-----

Background Material

Arkhangelsky I.Yu. Determining Resident Status for Taxation in the USA.....	119
--	-----

Поздравляем!

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации юбилейной медалью «300 лет Российской академии наук» награждены члены РАН, а также представители научных организаций, чей стаж работы превышает 20 лет и чей труд способствовал развитию науки.

Честь получить её выпала учёным и специалистам Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН), внёсшим значительный вклад в развитие изучения международных отношений как в России, так и на международной арене.

Академик РАН Сергей Михайлович Рогов, научный руководитель ИСКРАН, выдающийся российский политолог и историк, специализирующийся на вопросах международной безопасности и российско-американских отношений.

Член-корреспондент РАН Валерий Николаевич Гарбузов, главный научный сотрудник ИСКРАН, видный исследователь истории и внутренней политики США, российско-американских отношений.

Член-корреспондент РАН Виктор Борисович Сунян, главный научный сотрудник ИСКРАН, эксперт в области экономики США, мировой экономики, международной торговли.

Доктор экономических наук Владимир Сергеевич Васильев, главный научный сотрудник ИСКРАН, известный российский экономист.

Кандидат исторических наук Павел Терентьевич Подлесный, ведущий научный сотрудник ИСКРАН, один из самых давних членов коллектива института, специалист по российско-американским отношениям.

Доктор политических наук Надежда Александровна Шведова, главный научный сотрудник ИСКРАН, специалист по внутренней и социальной политике США.

Ольга Борисовна Кузнецова, редактор первой категории, Редакционный отдел Института.

Поздравляем наших дорогих коллег, наших многолетних авторов и друзей!

Ваши достижения служат примером для следующих поколений учёных и вдохновляют их на новые открытия.

Желаем вам дальнейших успехов в научной и профессиональной деятельности!

Сотрудники Института

Редакция журнала

«США & Канада: экономика, политика, культура»

УДК: 327(73)

DOI: 10.31857/S2686673024110011

EDN: YNHRVO

США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь»

Я.В. Лексютина

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ResearcherID: I-6134-2013 Scopus ID: 57194420243 PIIИЦ ID: 543970

ORCID: 0000-0001-6766-1792 e-mail: lexyana@ya.ru

Резюме. Начиная с администрации Д. Трампа, важным направлением американской политики сдерживания Китая стало реагирование на его инициативу «Пояс и путь». В статье раскрывается американское видение основных вызовов, которые китайская инициатива представляет для США, и характеризуются ответные меры Вашингтона на неё. Ответ Вашингтона включал – но не ограничивался – реорганизацией агентств по развитию США в целях создания прочной и гибкой институциональной основы для зарубежного инфраструктурного финансирования, поддержкой американского бизнеса при его выходе на мировые рынки, консолидацией усилий стран – единомышленниц с целью создания альтернативы «Поясу и пути» (им стала инициатива «Построим лучший мир», трансформировавшаяся в Глобальное инвестиционное и инфраструктурное партнёрство), выдвижением проектов экономических коридоров.

Ключевые слова: США, Китай, инициатива «Пояс и путь», соперничество, политика сдерживания, инфраструктурное развитие, помощь развитию, агентства развития.

Для цитирования: Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь». *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(11): 7–24.

DOI: 10.31857/S2686673024110011 EDN: YNHRVO

The U.S. Response to China's Belt and Road Initiative

Yana V. Leksyutina

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nakhimovsky pr-t, Moscow 117997, Russian Federation.

ResearcherID: I-6134-2013 Scopus ID: 57194420243 Author ID: 543970

ORCID: 0000-0001-6766-1792 e-mail: lexyana@ya.ru

Abstract: Since the Trump administration, an important part of U.S. policy of containing China has been its response to the Belt and Road initiative. The article reveals the American perspective on the main challenges that the Chinese initiative poses and characterizes Washington's response. Washington's actions included, but were not limited to, reorganizing U.S. development agencies to create a strong and flexible institutional framework for foreign infrastructure financing, supporting American businesses as they enter global markets, consolidating the efforts

of like-minded countries to create an alternative to the Belt and Road (e.g. the “Build Back a Better World” initiative, which transformed into the Global Investment and Infrastructure Partnership), and the promotion of economic corridor projects.

Keywords: the U.S., China, Belt and Road Initiative, rivalry, containment policy, infrastructure development, development assistance, development agencies.

For citation: Leksyutina, Ya.V. The U.S. Response to China’s Belt and Road Initiative. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(11): 7–24.

DOI: 10.31857/S2686673024110011

EDN: YNHRVO

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе, спустя более десятилетия, прошедшего с обнародования председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути», китайская инициатива вызывает гораздо больше озабоченности в Вашингтоне, чем в момент её инициирования и первые годы её реализации. За прошедшее десятилетие изменилось многое и в первую очередь характер отношений между двумя странами: от тесного сотрудничества по целому спектру глобальных и региональных вопросов эпохи Б. Обамы стороны перешли к открытому стратегическому великодержавному соперничеству при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена. Американская политика в отношении Китая претерпела существенную трансформацию – ориентация на вовлечение Китая в международную систему и сотрудничество в интересах решения остро стоящих в мировой повестке вопросов сменилась курсом на сдерживание развития Китая и его внешнеполитического влияния. При администрации Трампа заговорили о «декаплинге» (*decoupling*) с китайской экономикой, а при Байдене – о «дерискинге» (*de-risking*) или необходимости снижения экономической, технологической, финансовой и иной уязвимости ввиду контроля Китая над важнейшими аспектами глобального экономического и технологического обмена. Способствующая усилению экономической мощи и международного влияния Китая инициатива «Пояс и путь» стала расцениваться в Вашингтоне как противоречащая американским интересам и требующая реагирования.

Существенные трансформации за прошедшие годы претерпел не только характер отношений между США и Китаем, но и сама инициатива. Она приобрела всеобъемлющий по своей направленности и глобальный по своему географическому охвату характер. На этапе выдвижения инициативы «Пояс и путь» Пекин в первую очередь руководствовался потребностями решения ряда внутренних проблем. Посредством реализации инициативы Пекин намеревался сократить разрыв между богатыми прибрежными провинциями Китая и его отсталыми западными и юго-западными районами (с акцентом на СУАР), тем самым содействуя обеспечению внутривластного политического стабильности. Пекин искал

возможности выгодного вложения огромных накопленных международных золотовалютных резервов. Стимулирование инфраструктурного строительства в развивающихся странах путём реализации «Пояса и пути» позволило Китаю эффективно использовать эти избыточные сбережения и одновременно найти применение своим избыточным производственным мощностям в ряде секторов, открыть новые рынки для китайского экспорта товаров и услуг, а также обеспечить источник ресурсов для производственного сектора.

Сами по себе эти задачи не вызывали неприятие со стороны Вашингтона. Не устраивало Вашингтон то, как Китай реализовывал инициативу – отсутствие прозрачности в ходе кредитования развивающихся стран и реализации проектов (включая тендерные процедуры), несоблюдение принципа финансовой ответственности при выдаче кредитов развивающимся странам (и, как следствие, попадание некоторых из них в «долговые ловушки»), игнорирование трудовых, экологических и иных стандартов, а также возможного негативного влияния реализуемых проектов на местные сообщества. Вашингтон обвинял Пекин в том, что при кредитовании развивающихся стран он пренебрегал анализом устойчивости долга, финансировал проекты с сомнительной экономической выгодой в странах с уже существующей большой задолженностью и безответственно способствовал увеличению долгового бремени этих стран, что подрывает глобальную макроэкономическую стабильность и повышает вероятность наступления долгового кризиса.

Более того, по мере реализации инициативы «Пояс и путь» в Вашингтоне стали всё отчетливее видеть долгосрочные вызовы, которые китайская инициатива несёт непосредственно для США – позициям американского бизнеса и влиянию США в мировой экономике и торговле, да и в целом американскому мировому превосходству. В частности, формируемые при поддержке «Пояса и пути» новые транспортные коридоры стали рассматриваться как переориентирующие торговлю развивающихся стран с США и Западной Европы на Китай. Углубляющиеся экономические связи Китая с развивающимися странами стали видеться как дающие Пекину рычаги давления на эти страны по политическим вопросам, а инвестиции Китая в зарубежные порты – как предоставляющие китайским вооружённым силам больше возможностей для проецирования военной мощи [Sacks D., 2023]. Инициатива стала оцениваться Вашингтоном не только как направленная на решение внутренних проблем Китая и продвижения его экономических интересов (захват новых рынков, расширение использования китайской национальной валюты и пр.), но и как способ внедрения в мире китайских стандартов и распространения китайского геоэкономического влияния. В официально артикулированной в 2020 году позиции администрации Трампа по вопросу развития отношений с Китаем инициатива «Пояс и путь» была охарактеризована как предназначенная для изменения международных норм, стандартов и рамок с целью продвижения глобальных интересов и видения Пекина [1].

«ПОЯС И ПУТЬ» КАК СЕРЬЁЗНЫЙ ВЫЗОВ ИНТЕРЕСАМ США

Китайская инициатива «Пояс и путь», как это видится в Вашингтоне, создаёт для США многочисленные и серьёзные вызовы. Она задаёт «несправедливые» условия для конкуренции на мировых товарных рынках и в сфере услуг ввиду огромной роли в её реализации государства, которое оказывает широкую поддержку китайскому бизнесу при выходе за рубеж, включая, но не ограничиваясь субсидированием, льготным кредитованием и выдачей гарантий, а также практикой выдачи странам-реципиентам «связанных» кредитов и пр. Посредством применения «нерыночных» практик Китай облегчает китайским компаниям доступ на рынки зарубежных стран, что ставит в невыгодные условия американский бизнес, работающий с опорой на рыночные принципы.

При реализации проектов в русле «Пояса и пути» широко применяется модель «связанных» кредитов, когда получение финансирования от Китая предусматривает согласие страны-реципиента в качестве подрядчиков на соответствующие проекты нанимать китайские компании, приобретать китайское оборудование и материалы и пр. Одно из проведённых исследований показало, что среди подрядчиков, занятых в финансируемых Китаем зарубежных проектах, 89% составляют китайские компании, только 7,6% – местные компании со штаб-квартирой в стране реализации проекта и всего лишь 3,4% – иностранные. В проектах, финансируемых многосторонними банками развития (такими как Всемирный банк, Азиатский банк развития и т. п.), предпочтение отдаётся местным подрядчикам – их доля достигает 40,8%, тогда как доля китайских компаний составляет 29%, а других иностранных компаний – 30,2% [Hillman J., 2018: 3]. Таким образом, продвигая инфраструктурное развитие в развивающихся странах и выдавая им на эти цели масштабные кредиты в русле инициативы «Пояс и путь», Пекин обеспечивает китайские компании крупными подрядами, тем самым способствуя постепенному укреплению их позиций на мировых рынках. Так, китайские строительные компании за десятилетие реализации инициативы «Пояс и путь» смогли войти в число мировых лидеров. Если в 2013 году в двадцатке крупнейших мировых строительных компаний (по размеру выручки от строительства за рубежом) было только 2 китайских подрядчика (они занимали 10-ю и 20-ю позиции), то в 2023 году их стало уже 7, и одна из них – «Китайская компания строительства коммуникаций» (*China Communications Construction Group, CCCC*) занимает уже 3-е место [2]. При этом американские компании серьёзно сдали свои позиции, опустившись в 2023 году на 18-е и 19-е место в данном рейтинге, тогда как десятилетием ранее они занимали 3-ю и 5-ю позиции.

Американцы весьма обеспокоены и тем, что китайская инициатива имеет значимый потенциал и вовсе вытеснить американские компании из стран «Пояса и пути» посредством внедрения там технических стандартов,

несовместимых с американской продукцией. Пекин расширяет использование китайских технических и промышленных стандартов в ключевых технологических секторах, что является частью усилий по укреплению позиций своих собственных компаний на мировом рынке за счёт некитайских фирм [1]. Инициатива «Пояс и путь» увеличивает шансы на то, что Китай успешно установит технические стандарты, регулирующие промышленные процессы и телекоммуникации во многих странах. В этой связи американцев особенно беспокоят два аспекта. Во-первых, это перспектива доминирования Китая в цифровых сетях следующего поколения. Растущая мощь Китая в производстве и продаже цифровых товаров может позволить ему экспортировать взгляды на управление Интернетом, противоречащие позициям США [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 17–18]. Более того, с китайскими телекоммуникационными системами Вашингтон нередко связывает экспорт Пекином технологий слежки, укрепляющих возможности авторитарных режимов контролировать население. Во-вторых, растущая роль китайских компаний в предоставлении финансовых услуг, основанных на технологиях (финтех), может привести к таким неблагоприятным для США результатам, как широкое использование за рубежом разработанных китайскими компаниями приложений для банковских нужд, а также к увеличению числа транзакций, совершаемых в юанях и китайской цифровой валюте [Lew J., Roughead G., Hillman +J., Sacks D., 2021: 17–18].

В целом инициатива «Пояс и путь» снижает способность американских компаний сохранять рыночную долю и конкурировать с китайскими компаниями на мировых рынках. За годы её реализации Китай сместил США в роли крупнейшего торгового партнера многих стран, включая страны Западного полушария, рассматриваемые Вашингтоном в качестве своего «заднего двора» или естественной сферы влияния.

Серьёзный вызов китайская инициатива представляет Вашингтону и в контексте его глобальных устремлений, продвигаемых им мировых правил, практик, стандартов, норм и ценностей, равно как и усилий, предпринимаемых на глобальном уровне. Так, например, предлагаемые Пекином простые и быстрые инфраструктурные решения, не требующие тщательной оценки экологических и социальных последствий реализуемых проектов, ограничивают способность Всемирного банка и других многосторонних банков развития при реализации инфраструктурных проектов настаивать на высоких стандартах и распространять передовой опыт управления проектами [Sacks D., 2023]. Это приводит к эрозии западных норм в области развития и сложившихся практик оказания официальной помощи развитию развивающимся странам. Практика предоставления Китаем заёмных средств странам-реципиентам не соответствует международным стандартам и нормам в области предоставления помощи, таким как прозрачность, открытость, принципам финансовой ответственности, должного управления, верховенства

закона, соблюдения экологических стандартов и пр. Китай не является членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Парижского клуба, при выделении кредитования развивающимся странам он не руководствуется стандартами, разработанными Комиссией по оказанию помощи развитию ОЭСР, что способно приводить к финансовым кризисам в странах-реципиентах [Лексютина Я., 2020: 7].

Долгое время серьёзным пунктом критики со стороны Вашингтона было то, что китайская инициатива «Пояс и путь» содействует развивающимся странам в создании там углеродоёмкой инфраструктуры, что, соответственно, осложняет борьбу с глобальным изменением климата. На фоне отказа США и крупнейших многосторонних банков развития от финансирования строительства угольных электростанций, Китай оставался одним из немногих крупных источников финансирования создания угольной генерации в развивающихся странах. Однако после того, как в 2021 году на Генеральной Ассамблее ООН председатель КНР Си Цзиньпин объявил о том, что Китай увеличит поддержку «зелёной» и низкоуглеродной энергетики в развивающихся странах и не будет строить новых угольных электростанций за рубежом, многие угольные проекты были отменены, и Китай сконцентрировался на продвижении в рамках «Пояса и пути» проектов в области чистой энергетики.

Но быстрая экспансия Китая в сфере возобновляемых источников энергии на внешних рынках вызвала новую волну критики со стороны Вашингтона. В США заговорили о стремлении Пекина монополизировать новейшее поколение технологий в сфере чистой энергетики и о необходимости противодействовать этому. В Вашингтоне с обеспокоенностью обратили внимание на то, что Китай разрабатывает месторождения критически важных минералов и металлов по всему миру и доминирует в цепочках поставок полезных ископаемых, необходимых для энергоперехода, от их добычи до переработки. Так, Китай перерабатывает 68% никеля в мире, 40% меди, 59% лития, 73% кобальта [3: 2]. Серьёзность стоящей перед Вашингтоном проблемы усугубляется и сильной зависимостью самих США от поставок из Китая критически важных минералов и металлов, а также низкой по сравнению с Китаем конкурентоспособностью производимой американскими компаниями продукции «зелёной» энергетики. Так, например, экспортируемые Китаем солнечные модули на 57% дешевле производимых в США [Sharifli Y., 2023].

В этой связи, в июне 2022 года США инициировали Партнёрство по безопасности полезных ископаемых (*Minerals Security Partnership*), членами которого стали также Австралия, Канада, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Япония, Республика Корея, Норвегия, Швеция, Великобритания и Европейская комиссия. Партнёрство предполагает обмен информацией, координацию государственного финансирования и иную поддержку и нацелено на стимулирование

инвестиций (как государственных, так и частного сектора) в проекты по добыче полезных ископаемых, которые защищают уязвимые части цепочек поставок. Инициатива направлена на поддержку не только добычу полезных ископаемых в развивающихся странах, но и их вторичную переработку как создающую добавочную стоимость и отвечающую интересам этих стран. Вашингтон в сотрудничестве с партнёрами работает над выявлением рентабельных проектов по всему миру.

Наконец, инициатива «Пояс и путь» расценивается американцами как усиливающая международное влияние Китая, вовлекающая страны в более тесные экономические и политические отношения с Пекином, делающая страны более восприимчивыми к политическому давлению со стороны Пекина, позволяющая Китаю более широко проецировать свою мощь [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 3–4]. США видят значительные для себя риски в тех странах, где китайские компании построили критически важную инфраструктуру, такую как телекоммуникационные сети, электростанции и порты, и где китайская сторона получила оперативный контроль над инфраструктурой. Американские эксперты допускают вероятность того, что Китай может отключить энергосистему или телекоммуникационную сеть страны, чтобы заставить её предпринять предпочтительные для Пекина действия, или использовать этот рычаг, для оказания давления на страну, чтобы она отказала в доступе американским вооружённым силам. Наибольшие опасения связаны с созданием критически важной инфраструктуры в странах – союзниках США (а некоторые американские союзники и близкие партнёры сотрудничают с Китаем в русле реализации китайской инициативы), поскольку это могло бы усложнить планирование действий США на случай чрезвычайных ситуаций и затруднить защиту их союзников [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 14].

Между тем, примечательно то, что затруднительное положение, в котором Вашингтон оказался, связывается американскими экспертами не только с напористостью Пекина, но и с бездействием США и их союзников, создавшим вакуум, который Китай стал заполнять посредством реализации своей инициативы [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 4]. Американские эксперты вменяют в вину администрации США (прежде всего, администрации Трампа) неспособность разработать современные торговые правила и присоединиться к многосторонним торговым блокам, выход или сокращение участия в многосторонних организациях, выход из органов, устанавливающих мировые стандарты, отход от предоставления глобальных общественных благ [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 19]. В частности, на протяжении длительного времени Вашингтон, играющий ведущую роль во Всемирном банке и ряде других многосторонних банках развития, игнорировал неуклонное сокращение финансирования инфраструктурного развития, что в конечном счёте привело к тому, что нынешние

потребности в инфраструктуре в мире достигли циклопических масштабов и оцениваются, например, Вашингтоном в размере 40 трлн долл.

Хотя США ещё при администрации Б. Обамы – в русле курса на «возвращение в Азию» – обозначили заинтересованность в развитии инфраструктуры, торговли и связей в Азии, удовлетворить потребности этого региона в инфраструктурном финансировании и инвестициях они не смогли. Инвестиции и кредитование США во многих странах «Пояса и пути» были ограничены и продолжают сокращаться. Вашингтон не присоединился к региональным торговым и инвестиционным соглашениям, которые могли бы расширить экономические связи США с Азией (точнее, при Обаме было согласовано ТПП, но Трамп вывел США из этого соглашения). Более того, сокращение федерального финансирования исследований и разработок (НИОКР) и инвестиций в передовые технологии позволили Китаю продвинуться в разработке и продаже технологий мобильной связи пятого поколения (5G), прокладке высокоскоростных железных дорог, производстве оборудования для генерации солнечной и ветровой энергии, распространении электронных платежных платформ, развитии систем передачи сверхвысокого напряжения и многом другом [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 4]. Вашингтон оказался неспособным предложить конкурентоспособные альтернативы предлагаемым Китаем критически важным технологиям.

В целом в Вашингтоне утвердилось мнение, что, если США не противопоставят что-то инициативе «Пояс и путь», Китай утвердится в роли центра мировой торговли, установит технические и промышленные стандарты, которые поставят в невыгодное положение не китайские компании, консолидирует способности Пекина влиять на политические решения других стран и расширит возможности проецирования военной силы [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 4]. На взгляды американцев на инициативу «Пояс и путь» существенно влияют соображения геополитического характера – её иногда даже рассматривают как преднамеренную попытку экономической маргинализации США, создания евразийской сферы влияния или как предлог для расширения зарубежного военного присутствия Китая [Chance A., 2016].

РЕАГИРОВАНИЕ ВАШИНГТОНА НА КИТАЙСКУЮ ИНИЦИАТИВУ

Реагирование или даже противодействие китайской инициативе «Пояс и путь» сейчас является важным направлением американской политики «сдерживания» Китая. Но так было не всегда. В первые годы реализации «Пояса и пути», которые пришлось на период администрации Обамы в США, китайской инициативе уделялось в Вашингтоне незначительное внимание. В экономической сфере фокус усилий Обамы был сконцентрирован на создании продвигающей

высокие стандарты крупной зоны свободной торговли для АТР – Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), с помощью которого Вашингтон намеревался продвинуть собственную модель экономической интеграции в этом важном для мировой экономике регионе. Вашингтон также прилагал усилия по поощрению Пекина к использованию лучших практик в китайских двусторонних и многосторонних проектах. Как указывает А. Качинс, администрация Обамы не только не отреагировала на инициативу «Пояс и путь», но реализацией политики «возвращения в Азию» и поддержкой ТТП, которые были восприняты Пекином как часть политики сдерживания Китая, а лишь укрепила намерение Китая продвигать свою инициативу [Kuchins A., 2018: 129]. Сдержанную и даже «в целом позитивную реакцию» администрации Обамы на китайскую инициативу Э. Эшби объясняет общим настроением Вашингтона на сотрудничество с Китаем в тот период и тем, что тогда мало кто в правительстве США осознавал масштаб китайской инициативы и её последствия [Ashbee E., 2023: 41].

При администрации Трампа была существенно усилена публичная критика китайской инициативы, стало оказываться давление на развивающиеся страны, близких союзников и партнёров США, чтобы они ограничивали своё сотрудничество с Китаем в русле реализации инициативы «Пояс и путь», в частности, оказывалось давление на страны, чтобы они не сотрудничали с Китаем в вопросах создания сетей пятое поколение мобильной связи и не использовали китайские компоненты в своей инфраструктуре. В ноябре 2019 года США совместно с Японией и Австралией выдвинули инициативу «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*), предусматривавшую создание системы сертификации инфраструктурных проектов с точки зрения финансовой прозрачности, экологической устойчивости и воздействия на экономическое развитие. Как указано на сайте Министерства иностранных дел России, подлинной целью было торпедирование экономических проектов «Пояса и пути», их противопоставление «высококачественным» проектам, реализуемым под эгидой США и их союзников [4].

Вашингтон также провёл некоторую реорганизацию своих правительственных агентств развития, чтобы они помогли лучше конкурировать с Китаем в странах «Пояса и пути». В октябре 2018 года Трамп подписал закон «О лучшем использовании инвестиций, способствующих развитию» (*Better Utilization of Investments Leading to Development Act, BUILD*), предусматривавший создание Финансовой корпорации международного развития (ФКМР, *International Development Finance Corporation, DFC*), которая заменила Корпорацию частных зарубежных инвестиций (*Overseas Private Investment Corporation, OPIC*) в качестве специального агентства при правительстве США, призванного содействовать американскому бизнесу в осуществлении вложений в новые и развивающиеся рынки путём предоставления кредитов и гарантий. Управление кредитования развития Агентства США по международному развитию (*USAID*) было передано

Финансовой корпорации международного развития. ФКМР также получила дополнительные полномочия (в дополнения к тем, которыми обладала Корпорация частных зарубежных инвестиций), включая возможность вести бизнес с неамериканскими компаниями, принимать участие в проектах и кредитовать государственные компании. Замысел состоял в том, чтобы помочь американскому частному сектору конкурировать с Китаем, обеспечить противовес, «лучшую и более устойчивую альтернативу» государствоцентричной китайской инициативе «Пояс и путь». Как обозначил представитель ФКМР, в отличие от китайского подхода к финансированию развития, который часто сопровождается формированием в развивающихся странах задолженности и реализацией проектов, не соответствующих местным условиям, усилия ФКМР направлены на поддержку частных компаний, мобилизацию частного капитала и созданию устойчивых рыночных экономик [3: 27]. Наделение ФКМР новыми полномочиями было призвано предоставить более гибкие условия финансирования и при участии правительства США в качестве партнёра снизить регуляторные и политические риски американского частного сектора в зарубежных проектах.

Бюджет ФКМР, предназначенный для инвестирования в инфраструктурные проекты в развивающихся странах, был определён в 60 млрд долл. – вдвое больше того, которым располагала Корпорация частных зарубежных инвестиций. За период 2020–2023 годов общий объём портфеля проектов ФКМР достиг 41 млрд долл. в 112 странах [5]. Финансирование направляется на реализацию инфраструктурных проектов, на продвижение связанности, на цели смягчения последствий изменения климата, укрепления продовольственной безопасности и глобального здравоохранения. ФКМР поддерживает проекты, диверсифицирующие цепочки поставок за пределы Китая, в том числе по критически важным минералам и солнечным панелям (например, были одобрены проекты по разработке никель-кобальтового месторождения в Бразилии и строительству в Индии крупного завода по производству солнечных батарей).

Для сравнения, бюджет Фонда Шёлкового пути, специализированного китайского инвестфонда по поддержке инфраструктурных проектов «Пояса и пути», в момент его создания в 2014 году составлял 40 млрд долл. Он был дофинансирован на 100 млрд юаней (около 13,6 млрд долл.), а в ходе прошедшего в октябре 2023 года третьего Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» Си Цзиньпин объявил о ещё одном его дофинансировании на 80 млрд юаней (около 10,9 млрд долл.). К концу 2023 года Фонд Шёлкового пути инвестировал почти в 70 стран и регионов на общую сумму более 23,5 млрд долл. [6].

Помимо создания ФКМР, в целях повышения способности США конкурировать с китайской инициативой администрация Трампа предоставила больше полномочий Экспортно-импортному банку США (Эксимбанк США). В 2019 году была принята специальная «Программа по Китаю и трансформационному

экспорту» (*Program on China and Transformational Exports*), наделившая Эксимбанк полномочиями предлагать более низкие ставки и гибкие условия для конкуренции с китайскими кредитами в секторах высоких технологий, включая возобновляемые источники энергии, связь пятого поколения, квантовые вычисления, биомедицину и финтех. Конгресс США поручил Эксимбанку выделить на эту программу не менее 20% общих финансовых полномочий агентства (27 из 135 млрд долл.). В декабре 2020 года Эксимбанк смягчил требования для компаний, которые могут претендовать на экспортное финансирование в десяти секторах, определённых в «Программе по Китаю и трансформационному экспорту». Эти требования были призваны помочь американским компаниям лучше конкурировать с Китаем в рамках «Пояса и пути».

В свете инициативы «Пояс и путь» работа других правительственных программ США также приобрела новую направленность. Например, реагируя на китайскую инициативу и продвигаемые ею практики, Программа коммерческого права и развития Министерства торговли США (*Commerce Department's Commercial Law and Development Program, CLDP*) в Центральной Азии сосредоточилась на развитии прозрачных и подотчётных систем государственных закупок, которые позволят правительствам стран региона лучше подготовиться к заключению контрактов с Китаем.

Значимым направлением усилий Вашингтона в русле ответа на вызовы, которые создаёт, стало содействие американскому бизнесу в его конкуренции на глобальных рынках. В частности, в феврале 2020 года Вашингтон запустил инициативу «Команды по сделкам» (*Deal Team Initiative*) [7], целью которой стала поддержка американских компаний, заключающих сделки за рубежом, и выявление перспектив новых сделок. В американских зарубежных дипломатических представительствах были сформированы «команды по сделкам» – межведомственные группы, работающие над определением экспортных и инвестиционных возможностей для американского бизнеса на местах, чтобы помочь американским компаниям победить в глобальной конкуренции. «Команды по сделкам» призваны помочь американским компаниям вести бизнес за рубежом и продвигать стратегические коммерческие интересы США. В ходе состоявшихся в июне 2023 года в Конгрессе слушаний на тему «Оценка усилий США по противодействию китайской дипломатии “Пояса и пути”» помощник министра торговли США по глобальным рынкам и гендиректор американской Внешнеторговой службы А. Венкатараман привёл примеры [3: 33] того, как «Команды по сделкам» отвечают на вызовы, связанные с инициативой «Пояс и путь». Так, они работают с правительствами иностранных государств, чтобы обеспечить открытость и прозрачность проводимых тендеров, противодействуют практике заключения Китаем с иностранными партнёрами межправительственных соглашений, предоставляющих китайским компаниям безусловные подряды. Благодаря таким усилиям

американские компании получают возможность участвовать в открытых тендерах, конкурировать и побеждать.

Между тем, как отмечают американские эксперты, реакция администрации Трампа на «Пояс и путь» была слишком слабой и запоздалой. Решение Трампа отказаться от многосторонности и исторической роли, которую США играли в координации союзников и партнёров в решении общих проблем, также снизило способность Вашингтона противостоять китайской инициативе. Разрозненные ответные меры США не смогли защитить американские интересы в продвижении устойчивого и инклюзивного мирового развития, обеспечении доступа американских товаров и услуг к зарубежным рынкам, установлении стандартов, которые будут способствовать развитию качественной цифровой и физической инфраструктуры, а также обеспечению макроэкономической стабильности и роста [Lew J., Roughead G., Hillman J., Sacks D., 2021: 87].

Администрация Байдена, напротив, во главу угла своей стратегии противодействия китайской инициативе «Пояс и путь» поставила многосторонний подход и объединение усилий со своими союзниками и близкими партнёрами. Отправной точкой многостороннего подхода служат представления о том, что потребности развивающегося мира в инфраструктуре настолько велики, что ни одно государство или многосторонний банк развития не в состоянии их самостоятельно удовлетворить, что обуславливает необходимость развивать многостороннее сотрудничество (равно как и привлекать к развитию инфраструктуры частный бизнес). Многосторонний подход позволяет объединять финансовые ресурсы и совместно работать над мобилизацией инвестиций из многих источников, а также выработать общие стандарты, требования и законодательные нормы в области финансирования инфраструктурных проектов и консолидировано их продвигать, противопоставляя применяемым в инициативе «Пояс и путь».

В 2021 году администрация Байдена вместе со своими партнёрами по Группе семи (G7) на 47-м саммите объединения запустила программу «Построим лучший мир» (*Build Back Better World, B3W*) по противодействию китайской инициативе «Пояс и путь». Название этой программы резонировало с предложенной Байденом ещё в преддверии его инаугурации на пост президента национальным проектом возрождения американской экономики после ковида-19 «Построить лучше, чем было» (*Build Back Better*). Однако проект встретил сильную оппозицию в Сенате, что, по оценкам экспертов, могло побудить Вашингтон отказаться от созвучного ему наименования многосторонней программы «Построим лучший мир» [Masina P., 2022: 13].

Программа «Построим лучший мир» задумывалась как «основанное на ценностях высококачественное и прозрачное партнёрство» крупнейших демократий, нацеленное на удовлетворение огромных потребностей в инфраструктуре в странах с низким и средним уровнем дохода по всему миру. Перед партнёрами

ставилась задача вместе с частным сектором коллективно привлечь инвестиции в инфраструктуру на «сотни миллиардов долларов» для стран с низким и средним уровнем доходов в ближайшие годы. В качестве важной задачи в русле противодействия инициативе «Пояс и путь» Вашингтон видел разработку альтернативы, которая бы способствовала созданию устойчивой инфраструктуры, отвечающей высоким экологическим, антикоррупционным и иным стандартам, позволяла бы американским компаниям работать в равных условиях с другими иностранными компаниями и помогала бы развивающимся странам сохранять политическую автономию (от Китая).

На прошедшем в июне 2022 года 48-м саммите Группы семи инициатива «Построим лучший мир» была перезапущена, получив новое название – «Глобальное инвестиционное и инфраструктурное партнёрство» (*Partnership for Global Infrastructure and Investments, PGII*). На саммите Байден объявил о намерении США мобилизовать 200 млрд долл. для Глобального инвестиционного и инфраструктурного партнёрства в течение 5 лет за счёт грантов, федерального финансирования и привлечения инвестиций частного сектора. Совместно с партнёрами и программами Группы семи, такими как «Глобальные ворота» (*Global Gateway*) ЕС и Агентством международных инвестиций (*British International Investment*) Великобритании, Глобальное инвестиционное и инфраструктурное партнёрство к 2027 году предположительно мобилизует 600 млрд долл. [8]. В рамках инициативы были выделены четыре приоритета: изменение климата и энергетическая безопасность, здравоохранение и безопасность здоровья, цифровые технологии, гендерное и социальное равенство. Предполагалось, что разработка стандартов для Партнёрства и принципов их внедрения будет вестись в рамках инициативы «Сеть голубых точек». В структуре американских специализированных агентств закреплялась следующая схема распределения функций в контексте продвижения партнёрства: Агентство США по международному развитию – работа со странами-реципиентами по адаптации институтов и законодательства к разработанным стандартам, корпорация «Вызов тысячелетия» (*Millennium Challenge Corporation*) – работа со странами-реципиентами по определению и стратегированию проектов, Эксимбанк США – кредитование реализуемых проектов в странах-реципиентах, Финансовая корпорация международного развития – финансовая поддержка проектов на начальных стадиях, Агентство США по торговле и развитию (*US Trade and Development Agency*) – обеспечение американских компаний, участвующих в проектах [Кислицын С.В., 2023: 36].

В сентябре 2023 года стало известно о новой инициативе Вашингтона, направленной на интеграцию партнёров на Ближнем Востоке, в Европе и Южной Азии в общую геоэкономическую архитектуру – экономический коридор Индия – Ближний Восток – Европа (*IMEC*). На прошедшем в Дели саммите Группы двадцати (G20) семь стран (Саудовская Аравия, Индия, ОАЭ, Франция, Германия,

Италия, США) и ЕС подписали меморандум о взаимопонимании, в котором стороны заявляли о намерении сотрудничать в создании двух коридоров, один из которых соединит Индию с Персидским заливом, а другой – Персидский залив с Европой. Создание коридора предполагает строительство железнодорожных путей и портовой инфраструктуры, прокладку электрических кабелей и кабелей передачи данных, а также трубопроводов для экспорта водорода. Они также будут связаны с Израилем и Иорданией, хотя эти страны не подписали соглашение. Инициатива направлена на стимулирование экономического развития за счёт усиления связанности (и, соответственно, увеличения пропускной способности маршрутов перевозки экспортных и транзитных грузов) и экономической интеграции Азии, Персидского залива и Европы. Американские эксперты расценивают экономический коридор как попытку отреагировать на перекося Саудовской Аравии и ОАЭ в сторону Китая, способствовать экономической интеграции между Израилем и арабским миром и продвигать альтернативу российским энергопоставкам [Sacks D., 2023]. Немаловажным в расчётах Вашингтона является и более тесная привязка Индии к США и его союзникам.

В октябре 2023 года на полях Форума «Глобальные ворота» в Брюсселе был подписан меморандум между США, ЕС, Африканским банком развития и Африканской финансовой корпорацией о создании коридора Лобито и новой железнодорожной линии Замбия – Лобито. Коридор призван соединить медный пояс Замбии и Демократической Республики Конго с мировыми рынками (через порт Лобито в Анголе), увеличить производство и торговлю критически важными минералами, такими как медь и кобальт, и, соответственно, содействовать снижению зависимости США и ЕС от Китая в цепочках поставок критически важных минералов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ещё при администрации Трампа в Вашингтоне твёрдо закрепилось понимание необходимости решительного ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь», риски и вызовы от реализации которой стали оцениваться как значительно перевешивающие потенциальные выгоды. «Пояс и путь» ныне рассматривается как серьёзно реализуемая Пекином инициатива, способная нанести удар по позициям американского бизнеса в мировой экономике, привести к эрозии западных норм и стандартов в области развития, предоставления помощи развитию и реализации инфраструктурных проектов, а также потенциально радикально изменить экономический и даже политический мировой ландшафт. Взятый Вашингтоном при администрации Трампа и продолженный администрацией Байдена курс на реагирование на китайскую инициативу «Пояс и путь» тесно переплетён со стремлением сохранить за США конкурентоспособность при выходе американских компаний на мировые рынки, превосходство в вопросах

технологического развития, лидерство в ключевых областях (например, в глобальном энергетическом переходе и цифровой трансформации), а также обеспечить функционирование мировой системы на продвигаемых Вашингтоном принципах, стандартах и правилах.

В контексте содействия американскому бизнесу в его конкуренции на глобальных рынках в условиях развития инициативы «Пояс и путь» правительство США прикладывает усилия по продвижению экспорта, чтобы помочь американскому бизнесу добиться успеха в секторах, где присутствуют поддерживаемые государством китайские компании. Повышается взаимодействие с иностранными правительствами в вопросах обеспечения открытости рынка в ключевых секторах и прозрачности тендерных процедур при реализации инфраструктурных проектов. Повышаются возможности США в стратегических областях, важных для обеспечения экономической и национальной безопасности, таких как «зелёная» трансформация, критически важные минералы и металлы, полупроводники, критическая инфраструктура и пр. Таким образом, усилия США концентрируются на трёх направлениях: завоевание доли рынка, содействие открытости рынка, обеспечение экономической и национальной безопасности (через «декаплинг» или «дерискинг»).

В контексте ответа на представляемые инициативой «Пояс и путь» вызовы в области развития и инфраструктурного строительства в развивающихся странах, еще администрацией Трампа была проведена реорганизация и реформирование институтов развития США в целях создания прочной институциональной основы для расширения возможностей зарубежного инфраструктурного финансирования. Ключевую роль в повышении конкурентоспособности США на фоне инициативы «Пояс и путь» сейчас играют такие институты, как Эксимбанк и созданная в 2019 году Финансовая корпорация международного развития США. Вместе с тем залогом успешности этих институтов является получение достаточного финансирования и наличие у них необходимых полномочий для предоставления гибких решений развивающимся странам. Нередко во время слушаний в Конгрессе и экспертных докладах внимание акцентируется на серьёзных бюджетных ограничениях, с которыми сталкиваются США при реализации мер, направленных на конкуренцию с китайской инициативой.

В целом предпринимаемые Вашингтоном меры свидетельствуют о том, что там есть понимание того, что ответом на китайскую инициативу «Пояс и путь» в контексте её потенциального влияния на развивающийся мир является не публичная критика действий китайского правительства, а предоставление развивающимся странам альтернативы. Например, альтернативы при выборе цифровых технологий и технологий в области развития «зелёной» энергетики в развивающихся странах. А это значит, что США должны быть способны предоставлять такую продукцию по конкурентоспособным ценам. Альтернативы при реализации

развивающимися странами задач их инфраструктурного строительства. И в этом от Вашингтона требуется консолидация лидерства США в многосторонних банках развития в целях их переориентации на финансирование инфраструктурных проектов. При Байдене был усилен фокус на поиск многостороннего ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь», результатом чего стала инициатива объединения усилий и ресурсов американских единомышленников в целях выработки альтернативы для развивающихся стран – ею стала Глобальное инвестиционное и инфраструктурное партнёрство. В качестве альтернатив Вашингтоном стали предлагаться и экономические коридоры, наиболее обсуждаемыми из которых стали Индия – Ближний Восток – Европа и коридор Лобито.

ИСТОЧНИКИ

1. United States Strategic Approach to the PRC. 19.05.2020. Available at: <https://www.andrewerickson.com/2020/05/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 19.03.2024).
2. ENR's 2023 and 2013 Top 250 International Contractors. *Engineering News-Record*. Available at: <https://www.enr.com/toplists/2023-Top-250-International-Contractors-Preview>(accessed: 20.03.2024).
3. Assessing U.S. Efforts to Counter China's Coercive Belt and Road Diplomacy. Hearing Serial No. 118–33. U.S. Congress, 14.06.2023. Available at: <https://www.congress.gov/118/chrp/CHRG-118hrg53672/CHRG-118hrg53672.pdf>(accessed: 20.03.2024).
4. О китайской инициативе «Один пояс, один путь». МИД РФ, 02.07.2021. Available at: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (accessed: 22.03.2024).
5. DFC at Work 2023 Highlights. *DFC*, 2023. Available at: <https://dfc.gov.my.canva.site/fy23> (accessed: 16.03.2024).
6. Investment Overview. *Silk Road Fund*. Available at: <http://www.silkroad-fund.com.cn/enweb/tzdt/tzgl/index.html> (accessed: 11.03.2024).
7. Economic and Commercial Diplomacy. State and Commerce Could Build on Efforts to Improve Coordination and Effectiveness. *U.S. Government Accountability Office*, 2022. Available at: <https://www.gao.gov/assets/730/720998.pdf>(accessed: 19.03.2024).
8. About Us. Office of the U.S. Special Coordinator for the Partnership for Global Infrastructure and Investment. *U.S. Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/about-us-office-of-the-u-s-special-coordinator-for-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/> (accessed: 21.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кислицын С.В. Партнёрство по глобальной инфраструктуре и инвестициям: задачи и перспективы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 10. С. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-30-39>.

Лексютина Я.В. Китайская инициатива «Пояс и путь»: вызовы и сложности реализации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.101>.

REFERENCES

Ashbee, E. Countering China: US Responses to the Belt and Road Initiative. London, Lynne Rienner Publishers, 2023. 200 p.

Chance, A. American Perspectives on the Belt and Road Initiative. Sources of Concern, Possibilities for US-China Cooperation. *Institute of China-America Studies*, 2016. Available at: <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2017/02/American-Perspectives-on-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf> (accessed: 14.03.2024).

Hillman, J. Statement Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission "China's Belt and Road Initiative: Five Years Later". *U.S.-China Economic and Security Review Commission*, 25.01.2018. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Hillman_USCC%20Testimony_25Jan2018_FINAL.pdf (accessed: 12.03.2024).

Kislitsyn, S.V. Partnerstvo po global'noi infrastrukture i investitsiiam: zadachi i perspektivy razvitiia [Partnership for Global Infrastructure and Investment: Goals and Development Prospects] (In Russ.). *World Economy and International Relations*. 2023. Vol.67. No. 10. P. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-30-39>.

Kuchins, A. What is Eurasia to US (the U.S.)? *Journal of Eurasian Studies*, 2018, 9, pp. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.001>.

Leksyutina, Ya.V. Kitaiskaia initsiativa «Poias i put'»: vyzovy i slozhnosti realizatsii [China's Belt and Road Initiative: Challenges and Difficulties in its Implementation] (In Russ.). *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.101>.

Lew, J., Roughead, G., Hillman, J., Sacks, D. China's Belt and Road Implications for the United States. Independent Task Force Report No. 79. *Council of Foreign Relations*, 2021. Available at: <https://www.cfr.org/task-force-report/chinas-belt-and-road-implications-for-the-united-states> (accessed: 10.03.2024).

Masina, P. Challenging the Belt and Road Initiative: The American and European Alternatives. RSC Policy Paper 2022/09. *European University Institute*, 2022. Available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74905/RSC_PP_2022_09.pdf (accessed: 17.03.2024).

Sacks, D. Will the U.S. Plan to Counter China's Belt and Road Initiative Work? *Council of Foreign Relations*, 14.09.2023. Available at: <https://www.cfr.org/blog/will-us-plan-counter-chinas-belt-and-road-initiative-work> (accessed: 20.03.2024).

Sharifli, Y. Eclipsing Russia: China's Green Energy Expansion into Central Asia. *The China Project*, 18.07.2023. Available at: <https://thechinaproject.com/2023/07/18/eclipsing-russia-chinas-green-energy-expansion-into-central-asia/> (accessed: 14.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997
Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Yana V. LEKSYUTINA, Doctor of Sciences (Political), Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).
32, Nakhimovsky prospekt, Moscow
117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024 / Received 05.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 21.06.2024 / Revised 21.06.2024.

Статья принята к публикации 22.06.2024 / Accepted 22.06.2024.

УДК 327(71:5-0)

DOI: 10.31857/S2686673024110025

EDN: YNHNOZ

Канада в меняющейся архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона

Д.А. Володин

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады РАН имени академика
Г.А. Арбатова Российской Академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Scopus Author ID 6505811996 РИНЦ ID 250126

<https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> d.volodin@iskran.ru

Резюме. Усиление противостояния между США и Китаем втягивает в этот процесс всё большее количество стран. Для Канады, которая связана с США теснее, чем любая другая страна в мире, выбор стороны в этом противостоянии был очевиден. В последние два года Канада предприняла активные действия, направленные на поддержку стратегии США по сдерживанию Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Прежде всего, в ноябре 2022 года правительство Дж. Трюдо впервые опубликовало стратегию Канады в этом регионе и выделило деньги на реализацию этой стратегии. В рамках этой стратегии правительство Дж. Трюдо ежегодно начало направлять в регион дополнительный (третий) фрегат, увеличило участие канадских вооружённых сил в военных учениях в регионе вместе с американскими и японскими войсками и развивает военно-техническое сотрудничество с Южной Кореей. Так же, как и США, Канада поддерживает Филиппины в территориальном споре между этой азиатской страной и Китаем в Южно-Китайском море. Копируя действия США и их ближайших союзников в регионе, Канада в 2023–2024 годах подписала с Филиппинами несколько соглашений в сфере обороны и безопасности. Проблема заключается в том, что США не считают Канаду ценным партнёром в этом регионе из-за её военной слабости и игнорируют Канаду при создании новых многосторонних структур в регионе. Неспособность Канады встроиться в новую архитектуру безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе может побудить Канаду войти в эту региональную систему безопасности не при помощи США, а через установление максимально тесных военных связей с главным союзником США в регионе – Японией, что позволит Канаде стать частью новой архитектуры безопасности Индо-Тихоокеанского региона вместе с Японией.

Ключевые слова: военная политика Канады; АУКУС; Индо-Тихоокеанская стратегия Канады; канадско-китайские отношения; военные связи Канады и Японии.

Для цитирования: Володин Д.А. Канада в меняющейся архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(11): 25–46. DOI: 10.31857/S2686673024110025 EDN: YNHNOZ

Canada and the Changing Security Architecture of the Indo-Pacific Region

D.A. Volodin

*Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canadian Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID 6505811996 PIИЦ ID 250126

<https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> d.volodin@iskran.ru

Abstract: The growing confrontation between the U.S. and China is drawing an increasing number of countries into this process. For Canada, which is more closely tied to the U.S. than any other country in the world, choosing a side in this confrontation was an obvious decision. Over the past two years, Canada has taken active steps to support the U.S. strategy to contain China in the Indo-Pacific region. First, in November 2022 the Trudeau government published Canada's Indo-Pacific strategy for the first time and allocated funds for its implementation. As part of this strategy, Trudeau's government began annually deploying an additional (third) frigate to the region, increased the participation of the Canadian Armed Forces in military exercises alongside American and Japanese troops, and is developing military-technical cooperation with South Korea. Like the U.S., Canada also supports the Philippines in its territorial dispute with China in the South China Sea. Mirroring the actions of the U.S. and its closest allies in the region, Canada signed several defense and security agreements with the Philippines between 2023 and 2024. However, the U.S. does not consider Canada a valuable partner in the region because of its limited military strength and excludes Canada from new multilateral structures in the region. Canada's inability to fit into the new Indo-Pacific security architecture may encourage it to integrate into this regional security system not through U.S. assistance, but by establishing closer military ties with the United States' primary ally in the region, Japan. This approach would allow Canada to become part of the new Indo-Pacific security architecture alongside Japan.

Keywords: Canadian defence policy; AUKUS; Canada's Indo-Pacific strategy; Canada-China relations; Canada-Japan military ties.

For citation: Volodin, D.A. Canada and the Changing Security Architecture of the Indo-Pacific Region. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (11): 25–46.

DOI: 10.31857/S2686673024110025 EDN: YNHNOZ

ВВЕДЕНИЕ

Главным событием в системе международных отношений в течение последних нескольких десятилетий является возрастание роли Китая, что рассматривается как угроза не только Соединёнными Штатами, которые видят в нём своего главного соперника, но и многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона

(АТР), который в последнее время часто называют Индо-Тихоокеанским (ИТР)*. Именно на этой, прежде всего антикитайской, основе архитектура безопасности региона начала серьёзно трансформироваться в последнее десятилетие. Причём особенно активно этот процесс пошёл после избрания в ноябре 2020 года американским президентом Дж. Байдена, чья администрация, помимо укрепления двусторонних военных альянсов США со странами региона, активно развивает многосторонние формы сотрудничества в области безопасности с союзниками и дружественными странами ИТР, а также поощряет усиление таких связей между ними.

Канада с некоторым опозданием отреагировала на новую динамику в области безопасности в АТР, вызванную попытками США вместе со своими союзниками и партнёрами обеспечить сдерживание Китая. Важнейшую роль в подобной медлительности официальной Оттавы играл экономический фактор. Китай является крайне важным экономическим партнёром Канады: достаточно сказать, что эта азиатская страна уже длительное время удерживает второе место в списке крупнейших торговых партнёров Канады после США [Хорошилов Е.Е. 2023].

УВЕЛИЧЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ КАНАДЫ В ИТР

В течение полутора лет правительство Дж. Трюдо представило два документа, где были обозначены ключевые установки военной политики Канады в ИТР. Сначала, в ноябре 2022 года, была опубликована давно ожидавшаяся Индо-Тихоокеанская стратегия (ИТС), а в апреле 2024 года и новая оборонная стратегия страны. И в обоих документах главным вызовом для Канады в регионе было объявлено «возвышение Китая как глобального игрока» [12:3; 27:8]. И именно решению этой задачи была подчинена деятельность канадских вооружённых сил в ИТР.

В Индо-Тихоокеанской стратегии отчётливо выделялись два уровня: общерегиональный и субрегиональный. На общерегиональном уровне было обещано увеличение канадского военного присутствия, разведывательных возможностей и потенциала по борьбе с киберугрозами. В частности, было заявлено, что Канада увеличит военно-морское присутствие и участие в военных учениях в регионе [12:15]. Некоторые дополнительные детали о военной составляющей Индо-Тихоокеанской стратегии Канады привела министр обороны А. Ананд, выступившая на эту тему одновременно с обнародованием ИТС (27 ноября 2022 года) и показавшая таким образом, что данный документ готовился при участии нескольких ведомств, а не только Министерства иностранных дел. Говоря об усилении военно-морского присутствия, Ананд отмечала, что речь идёт об увеличении

* В канадских официальных документах в настоящее время принят термин «Индо-Тихоокеанский регион».

количества ежегодно развёртываемых фрегатов в регионе с двух до трёх, причём дополнительный, третий, фрегат будет отправляться из Галифакса и действовать главным образом в Индийском океане [25].

План по увеличению количества канадских фрегатов в Индо-Тихоокеанском регионе начал реализовываться с марта 2023 года, когда туда на полгода был направлен из Галифакса фрегат «Монреаль» (*HMCS Montréal*), что стало первой отправкой канадского военного корабля в ИТР с восточного побережья Канады. В августе 2023 года в Индо-Тихоокеанский регион, но уже с западного побережья Канады, были отправлены фрегаты «Оттава» (*HMCS Ottawa*) и «Ванкувер» (*HMCS Vancouver*), а также судно снабжения «Астерикс» (*MV Asterix*). В ходе своей пятимесячной миссии эти два фрегата участвовали в двусторонних и многосторонних учениях со странами-партнёрами в регионе: «Оттава» отвечала за Юго-Восточную Азию, а «Ванкувер» - за Северо-Восточную. Как указывалось по этому поводу в сообщении канадского военного ведомства, «увеличивая количество ежегодно развёртываемых фрегатов с двух до трёх, Канада усиливает свою способность проводить операции в Индийском и Тихом океанах» [30].

В то же время, в абсолютных цифрах военное присутствие Канады в регионе остаётся крайне скромным. Учитывая, что численность экипажа фрегата составляет 240 человек, то даже в тот небольшой промежуток времени, когда в регионе будут находиться три канадских фрегата, канадский военный контингент едва превысит 700 человек. Эта скромность, если не сказать скупость, видна и в объёме финансирования военной составляющей ИТС (492,9 млн долл.* в течение пяти лет). Львиная доля из этой суммы (369,4 млн долл.) приходится как раз на ежегодную отправку в ИТР трёх фрегатов. Другие заметные статьи расходов: увеличение участия в военных учениях (48,7 млн долл.); усиление военного потенциала стран – партнёров Канады в регионе (68,2 млн долл.) [4].

Тем не менее, даже такое небольшое увеличение канадского военного присутствия в регионе заставило Министерство обороны Канады провести определённые организационные изменения. В июне 2023 года на международной конференции «Диалог Шангри-Ла» в Сингапуре А. Ананд объявила, что с 2023 года канадские фрегаты в Индо-Тихоокеанском регионе будут развёртываться не как элемент операции «Переброска» (*PROJECTION*), а в качестве самостоятельной операции «Горизонт» (*HORIZON*). Соответственно, с 2023 года военная активность Канады в ИТР строится на основе двух операций: основной операции – «Горизонт», которая предусматривает ежегодное развёртывание и поддержание в регионе военных судов и участие в военных учениях и манёврах со странами региона, и узкоспециализированную операцию «Неон» (*NEON*), задачей которой является контроль за соблюдением санкций СБ ООН в отношении Северной Кореи. Причём для операции «Неон» не привлекаются дополнительные военные

* Здесь и далее, если не указано иное, имеются в виду канадские доллары.

ресурсы, а используются те, которые выделены на операцию «Горизонт», например те же фрегаты.

Стоит отметить, что военное присутствие Канады в ИТР (включая и предусмотренное его увеличение) – это военно-морское присутствие. Военное руководство Канады рассматривает Индо-Тихоокеанский регион как сугубо морской театр военных действий (ТВД). Любопытные комментарии о распределении ролей между различными видами канадских вооруженных сил сделал командующий военно-морскими силами Канады вице-адмирал А. Топши, выступая в ноябре 2023 года по видеосвязи в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований. По его словам, в настоящее время канадские сухопутные силы концентрируют своё внимание на возможных боевых действиях на суше в Европе; канадские военно-воздушные силы тесно связаны с Соединёнными Штатами в Командовании аэрокосмической обороны Северной Америки; а канадские военно-морские силы обращают взоры на Тихоокеанский регион [19].

ОБОЗНАЧЕНИЕ КИТАЯ ГЛАВНОЙ УГРОЗОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИТР

Помимо функционального подхода, то есть реализации канадской ИТС, исходя из её пяти стратегических целей, в данном документе применяется и географический подход. Выделены четыре субрегиона в рамках Индо-Тихоокеанского региона: Китай, Индия, Северная Пацифика (то есть Япония и две Кореи), страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Примечательно, что такой значимый субрегион, как Океания не был отдельно обозначен в Индо-Тихоокеанской стратегии. Это может означать, что Канада рассматривает Австралию и Новую Зеландию не как тихоокеанские страны, а прежде всего как англосаксонские страны вместе с США и Великобританией, связанные вместе одним языком и общим культурным кодом, которые являются ближайшими союзниками Канады в независимости от своего географического положения.

Основное внимание уделено Китаю, который характеризуется как «всё более разрушительная мировая держава». Признание Китая как «плохого» Китая, тем более в долгосрочных доктринальных документах, – это важная веха для канадской внешней политики. На протяжении нескольких десятилетий Канада стремилась к максимальному развитию отношений с Китаем на фоне проведения этой страной экономических реформ и большей открытости миру после смерти Мао Цзэдуна.

Китай рассматривается в ИТС как главный фактор, дестабилизирующий архитектуру безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, как в силу своей огромной экономической и военной мощи, так и за счёт своих действий по

невыполнению международных норм в регионе. Среди примеров такого непослушания отмечено «несоблюдение Китаем резолюций ООН по спорам в Южно-Китайском море, милитаризация региона и оспаривание прав на судоходство и полёты в регионе» [12:7]. В то же время Китай не оценивается исключительно в негативном ключе: допускается, что эта страна может быть потенциальным партнёром Канады при решении ряда глобальных вопросов, таких как изменение климата или нераспространение ядерного оружия.

Попытка найти правильный баланс с Китаем видна также в том, что в Индо-Тихоокеанской стратегии обозначены сразу четыре уровня, которые должен включать канадский подход к этой стране: внутренний (в рамках Канады), двусторонний, региональный, многосторонний. Такая многоуровневая система как раз должна позволить Оттаве одновременно и противостоять Пекину, и сотрудничать с ним. Так, например, на двустороннем уровне предлагается сотрудничать с Китаем в интересах Канады, а на региональном речь, наоборот, идёт о совместной с партнёрами борьбе «против любых односторонних действий, которые угрожают статус-кво в Тайваньском проливе, а также в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях» [12:8]. На внутреннем уровне Китай выступает лишь как угроза: либо через вмешательство в канадские выборы, либо через инвестиции в канадские предприятия для установления контроля над ними. На многостороннем уровне Канада могла как взаимодействовать с Китаем для решения глобальных вопросов, так и выступать против него, если он нарушал международные нормы.

На практике, однако, канадский подход к Китаю – сочетать сдерживание с избирательным сотрудничеством – не может устроить ни союзников Канады, ни сам Китай. С одной стороны, главные канадские военные партнёры – США и Великобритания – будут воспринимать такой подход как показатель её ненадёжности и ещё один аргумент, чтобы не рассчитывать на Канаду при создании новой архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. С другой стороны, Китаю вряд ли понравится увеличение канадского военного присутствия рядом с его территорией, поскольку в ИТС достаточно чётко сказано, что эта мера направлена против китайских претензий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Большее участие канадских сил в военных учениях США и Японии в ИТР также будет трактоваться Пекином как антикитайский шаг, поскольку он считает эти страны своими главными противниками.

Особое раздражение у Пекина вызывает регулярный проход канадских военных кораблей вместе с американскими через Тайваньский пролив (см. таблицу 1). Как видно из неё, развёртывание дополнительного фрегата в ИТР резко увеличило частоту таких канадских плаваний. Собственно, об этом прямо говорила М. Джоли вскоре после публикации Индо-Тихоокеанской стратегии. В декабре 2022 года в интервью газете «Файнэншл таймс» она заявляла о необходимости

сохранения за Тайваньским проливом статуса международного и намерения Канады ради этого направлять больше фрегатов через этот пролив [31].

Китай, однако, придерживается другой позиции, исходя прежде всего из того, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая и что ширина вод между ними не превышает 220 миль. Соответственно, на всю акваторию Тайваньского пролива распространяется либо суверенитет, либо юрисдикция Китая. Это ещё не даёт ему права запрещать проход иностранных судов за пределами 12-мильной зоны территориальных вод. Но Пекин воспринимает проходы военных кораблей США или их союзников через Тайваньский пролив как провокационные действия [20; 16; 26]. Соответственно, Канада, направляющая туда свои военные корабли вместе с американскими выглядит в глазах китайских властей как страна-provokator, оспаривающая права Китая на Тайвань.

Таблица 1

Проходы канадских военных кораблей через Тайваньский пролив

Дата	Название судна	Корабли сопровождения
Ок- тябрь 2021 года	фрегат «Виннипег» (HMCS Winnipeg)	американский ракетный эсминец «Дьюи» (USS Dewey)
Сен- тябрь 2022 года	фрегат «Ванкувер» (HMCS Vancouver)	американский ракетный эсминец «Хиггинс» (USS Higgins)
июнь 2023 года	фрегат «Монреаль» (HMCS Montreal)	американский ракетный эсминец «Чун-Хун» (USS Chung-Hoon)
сен- тябрь 2023 года	фрегат «Оттава» (HMCS Ottawa)	американский ракетный эсминец «Ральф Джонсон» (USS Ralph Johnson)
ноябрь 2023 года	фрегат «Оттава»	американский ракетный эсминец «Рафаэль Перальта» (USS Rafael Peralta)

Составлено по: US, Canadian Warships Sailed Through Taiwan Strait Last Week. Reuters. 17.10.2021; Canadian, U.S. Warships Sail Through Taiwan Strait for Second Time in a Year. Reuters, 21.09.2022; China Rebukes US, Canadian Navies for Taiwan Strait Transit. Reuters, 4.06.2023.; US, Canadian Warships Transit Taiwan Strait in Latest Joint Mission. Reuters, 9.09.2023; US Destroyer, Canadian Frigate Transit Taiwan Strait – US Military. Reuters, 2.11.2023.

Попытки канадских властей несколько нормализовать или хотя бы стабилизировать канадско-китайские отношения сразу упираются в «тайваньский вопрос». В частности, эта тема была поднята в ходе телефонного разговора М. Джели с министром иностранных дел Китая Ван И в январе 2024 года, состоявшегося по инициативе канадской стороны.

О желании восстановить диалог со своими коллегами из Китая говорят и канадские военные. Выступая 29 января 2024 года на парламентских слушаниях, генеральный директор бюро по вопросам политики в области международной безопасности Министерства обороны Канады генерал-майор Г. Смит заявил, что его ведомство хочет уйти от обмена демаршами и вернуться к более содержательному общению с представителями Министерства обороны Китая [9].

Однако канадские военные, так же как и канадские дипломаты, в своих усилиях по восстановлению каналов связи с китайской стороной наталкиваются на вопрос о статусе Тайваня. В интервью канадскому информационному агентству «Кэнэдиен пресс» (*Canadian Press*) в феврале 2024 года посол Китая в Канаде Конг Пейву (*Cong Peiwu*) заявил, что отправка Канадой военных кораблей в Тайваньский пролив подрывает политику одного Китая, которой придерживается Канада и которая признаёт только Китайскую Народную Республику (КНР) как единственное законное китайское правительство. По словам посла, его страна «решительно осуждает любые провокации, особенно по тайваньскому вопросу. Всё, что противоречит принципу одного Китая, является опасным. Если люди не говорят об этом самом базовом принципе, нет основы для плодотворного и значимого диалога или общения» [11].

Противоречивость подхода правительства Дж. Трюдо к Китаю нашла отражение и в новой оборонной стратегии Канады, опубликованной в апреле 2024 года. С одной стороны, Китай критикуется за его попытки установить контроль за морскими путями в регионе и готовность присоединить Тайвань силой. С другой стороны, отмечается важность «откровенного и уважительного диалога» с этой страной [27:8]. С целью налаживания такого диалога 2 июня 2024 года состоялась встреча министров обороны двух стран, что произошло впервые с 2013 года.

КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ С ИНДИЕЙ

Индия, несомненно, является одним из главных элементов новой архитектуры безопасности Индо-Тихоокеанского региона, что видно даже из его названия. Важную роль Индии в своей стратегии по сдерживанию Китая в регионе отводят и США – главный союзник Канады [21]. Учитывая, что Индия вместе с Канадой входит в Британское содружество наций, можно было бы ожидать укрепление связей между двумя странами в сфере безопасности, однако в последние несколько лет ситуация развивалась противоположным образом.

Прежде всего, обращает внимание, что раздел Индо-Тихоокеанской стратегии, посвящённый Индии, в пять раз меньше по объёму, чем раздел о Китае. Акцент в документе сделан на развитии экономических связей и не предусматривает никаких совместных действий между Канадой и Индией в сфере безопасности в ИТР. Но дело даже не в этом. Какие бы планы ни существовали в Оттаве в отношении Индии, они оказались фактически перечёркнуты разразившимся в сентябре 2023 года кризисом в двусторонних отношениях из-за публичных обвинений Дж. Трюдо в причастности индийских властей к убийству в Канаде несколькими месяцами ранее известного сикхского активиста Хардипа Сингха Ниджара. Несмотря на попытки канадских властей снизить градус противостояния с Индией, выход из тупика пока найти не удаётся. Более того, арест в Канаде трёх индийцев в мае 2024 года по подозрению в совершении этого преступления может ещё больше затруднить нормализацию отношений между двумя странами.

Также стало очевидно, что в этом двустороннем конфликте Канада является более слабым игроком, особенно с учётом того, что США не желают выступать на её стороне из-за опасения подорвать свою стратегию по сдерживанию Китая в ИТР [24]. Видимо, в том числе и американским давлением объясняется сдержанность канадских властей. Например, правительство Дж. Трюдо не стало зеркально отвечать на высылку десятков своих дипломатов из Индии в октябре 2023 года.

В каком-то смысле кризис у Канады в отношениях с Индией напоминает её кризис в отношениях с Китаем. И в том и в другом случае правительство Дж. Трюдо в конечном счёте упирается в вопрос, по которому невозможны компромиссы для азиатской страны. Если в отношениях с Китаем таким вопросом является тайваньский, то в отношениях с Индией – сикхский. В мае 2024 года, после ареста подозреваемых в убийстве Ниджара, Верховный комиссар Индии в Канаде Санджай Кумар Верма предупредил, что канадские сикхи, выступающие за отделение штата Пенджаб от Индии и создание на его территории независимого государства Халистан, пересекают «большую красную линию», и что подобные требования рассматриваются индийскими властями как вопрос национальной безопасности [29].

УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ЯПОНИЕЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ

Северная Пацифика означает для Канады прежде всего её важнейших экономических партнёров в Азии – Японию и Южную Корею. Канадская ИТС предусматривает расширение сотрудничества с этими двумя странами. В частности, сказано, что Канада «создаст новые возможности для сотрудничества в области безопасности через заключение Общего соглашения о безопасности информации

(General Security of Information Agreement) с Японией, а в будущем – с Южной Кореей» [12:11]. Также говорится об усилении сотрудничества с ними в области обороны. На данный момент наиболее заметным элементом такого сотрудничества стало подключение Канады к военным учениям США и Японии в регионе (см. таблицу 2).

Таблица 2

Участие Канады в военных учениях в Индо-Тихоокеанском регионе

название учений	дата	Место проведения	Страны-участники	Военный вклад Канады
«Благородный ворон 22» (<i>Noble Raven 22</i>)	30 августа – 7 сентября 2022 года	Филиппинское море	Япония; США; Канада	фрегат «Ванкувер»
«Благородный ворон 22-2» (<i>Noble Raven 22-2</i>)	23 сентября – 1 октября 2022 года	Южно-Китайское море	Япония; США; Канада	фрегат «Виннипег»
«Благородный туман» (<i>Noble Mist</i>)	октябрь 2022 года	Южно-Китайское море	Япония; США; Австралия; Канада	фрегат «Виннипег»
«Острый меч»* (<i>Keen Sword</i>)	ноябрь 2022 года	Япония и окружающие ее воды	Япония; США; Австралия; Канада; Великобритания	фрегаты «Ванкувер» и «Виннипег»; самолёт CP-140 «Аврора»
«Морской дракон» (<i>Sea Dragon</i>)	март 2023 года	воды в районе о. Гуам	США; Канада; Япония; Южная Корея; Индия	самолёт CP-140 «Аврора»
«Благородный волк» (<i>Noble Wolf</i>)	3–5 июня 2023 года	Восточно-Китайское море	Япония; Канада; США; Австралия	фрегат «Монреаль»; судно снабжения «Астерикс»
«Благородный тайфун» (<i>Noble Typhoon</i>)	10–14 июня 2023 года	Восточно-Китайское море	США; Япония; Канада; Франция	фрегат «Монреаль»

«Благородный ворон 23» (<i>Noble Raven 23</i>)	14–19 июня 2023 года	Южно-Китайское море	США; Япония; Канада;	фрегат «Монреаль»
«Сабля-талисман»** (<i>Talisman Sabre</i>)	22 июля – 4 августа 2023 года	Австралия и омывающие ее воды	13 стран, включая Канаду	фрегат «Монреаль»
«Благородный Чинук» (<i>Noble CHINOOK</i>)	август 2023 года	воды у Курильских островов	Япония; США; Канада	фрегаты «Оттава» и «Ванкувер»; судно снабжения «Астерикс»
«САМА-САМА»*** (<i>SAMA-SAMA</i>)	2–13 октября 2023 года	Филиппины и окружающие их воды	Филиппины; США; Япония; Австралия; Канада; Великобритания	фрегат «Ванкувер»
«Аннуалекс»**** (<i>AnnualEx</i>)	10–20 ноября 2023 года	Филиппинское море	Япония; США; Австралия; Канада	фрегаты «Оттава» и «Ванкувер»; судно снабжения «Астерикс»; самолёт СР-140 «Аврора»
РИМПАК (<i>RIMPAC</i>)	27 июня – 1 августа 2024 года	на Гавайских островах и водах вокруг них	29 стран, включая Канаду	фрегат «Ванкувер»; патрульный ледокол «Макс Бернайс»; судно снабжения «Астерикс»; 300 военнослужащих

* Японо-американские учения «Острый меч» проводятся с 1986 года раз в два года. Канада начала в них участвовать с 2020 года.

**Учения «Сабля-талисман» проводятся раз в два года. Начинались в 2005 году как американо-австралийские, с 2015 года в них участвуют и другие страны (Канада – с 2017 года).

*** «САМАСАМА» – начинались в 2017 года как филиппинско-американские военные учения. С 2019 года в них участвует Япония, а с 2022 года – Австралия.

**** «Аннуалекс» – проводятся с 1954 года и являются крупнейшими учениями морских сил самообороны Японии. С 1981 года в них участвуют США (Канада – с 2017 года);

Составлено автором по: материалам СМИ и сообщениям Министерства обороны Канады.

Из таблицы 2 видно, что наиболее активно канадские вооружённые силы в регионе взаимодействуют с японскими войсками. Это подтверждают и канадские официальные лица. Выступая в феврале 2022 года по видеосвязи на конференции, организованной Центром восточноазиатских исследований при Университете Уотерлоо, военный атташе посольства Канады в Японии капитан Х. Канюэль отмечал, что «за прошедшее десятилетие произошло исключительное увеличение сотрудничества и двусторонней деятельности между канадскими и японскими вооружёнными силами, причём некоторые события произошли впервые вообще или впервые за несколько десятилетий» [Canuel H. 2022]. Среди таких событий он выделил первую за более чем пятьдесят лет отправку канадской подводной лодки в Японию, начало проведения канадско-японских военно-морских учений «КАЕДЕКС» (*KAEDEx*), первое участие Канады в японо-американских учениях «АННУАЛЕКС» и «Острый меч», начало регулярных переговоров между канадскими и японскими военными на уровне штабов ВМС и ВВС и, наконец, проведение в 2019 году первых переговоров на уровне объединённых (генеральных) штабов.

Развивается военное сотрудничество Канады и с Южной Кореей. Отправной точкой для его активизации стал визит южнокорейского президента Юн Сок Ёля в сентябре 2022 года в Оттаву, во время которого была достигнута договорённость о повышении уровня двусторонних отношений до Всеобъемлющего стратегического партнёрства [Израелян Е.В. 2023а]. Одно из направлений такого партнёрства включает усиление сотрудничества в области безопасности и обороны [34]. Важность этого приоритета была подтверждена и в совместном заявлении лидеров двух стран по итогам визита Дж. Трюдо в Южную Корею в мае 2023 года [23]. В рамках реализации данного направления Канада и Южная Корея подписали в декабре 2022 года новый Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области оборонной промышленности и логистики (*Memorandum of Understanding on the Arms Industry and Logistics Cooperation*), расширивший возможности для военно-технического сотрудничества двух стран, в том числе за счёт совместных военных НИОКР и испытаний вооружений [33]. В апреле 2023 года было объявлено о начале двумя странами переговоров по заключению Общего соглашения о безопасности информации.

Однако наиболее интересной применительно к Северной Пацифике была идея правительства Дж. Трюдо создать четырёхсторонний союз из США, Японии, Южной Кореи и самой Канады [Израелян Е.В. 2023b; 10]. В частности, этим планом канадские власти пытались заинтересовать японского премьер-министра Ф. Кисида в ходе его визита в Оттаву в январе 2023 года. Данное предложение, несомненно, надо рассматривать в контексте усилий администрации Дж. Байдена трансформировать двусторонние военные союзы США с Японией

и Южной Кореей в трёхсторонний альянс. План Байдена выглядит вполне логичным, учитывая тесные многолетние связи США с этими азиатскими странами. Стремление же Канады присоединиться к этому альянсу в качестве четвёртого участника представляется странным, поскольку, в отличие от США, она не связана с этими странами договорами о безопасности или обороне и не имеет там своих войск. Достаточно сказать, что численность американских войск в Японии и Южной Корее больше, чем численность всей канадской армии (83 тыс. против 63 тыс.). Таким образом, принятие в альянс Канады ничего не дало бы в военном плане, но лишь усложнило и замедлило бы принятие решений. Провал этой канадской затеи стал окончательно ясен 18 августа 2023 года, когда лидеры США, Японии и Южной Кореи на саммите в Кэмп-Дэвиде оформили создание военно-политического партнёрства между своими странами [6].

ФИЛИППИНЫ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ВОЕННЫЙ ПАРТНЁР КАНАДЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Важное место в усилиях Канады по повышению своего военно-политического положения в ИТР отводится странам АСЕАН. Прежде всего, в ИТС была поставлена задача добиться признания Канады стратегическим партнёром этой организации, что и было достигнуто на саммите АСЕАН-Канада в Джакарте в сентябре 2023 года путём принятия соответствующего заявления [22]. Кроме того, в ИТС было заявлено, что Канада будет добиваться участия во встречах министров обороны стран – членов АСЕАН в расширенном составе (*ASEAN Defence Ministers Meeting Plus*), а также увеличит сотрудничество в области обороны с этими странами. В отличие от такого сотрудничества с Японией и Южной Кореей акцент в отношениях со странами АСЕАН сделан на увеличение их военного потенциала и обучение местных военнослужащих.

На практике сотрудничество Канады с государствами Юго-Восточной Азии в сфере обороны после публикации её Индо-Тихоокеанской стратегии развивалось неравномерно. Дело в том, что в АСЕАН входят десять стран, и не все они готовы были поддержать канадские утверждения о Китае как «разрушительной мировой державе» и несоблюдении им постановлений ООН в отношении его границ в Южно-Китайском море. Наибольшее понимание подобные тезисы должны были встретить у тех стран АСЕАН, которые вовлечены в территориальные споры с Китаем в регионе: Брунея, Малайзии, Вьетнама и Филиппин. Причём наибольшие противоречия у КНР с двумя последними. Конфликт между Пекином и Манилой особенно обострился после того как в 2016 году Постоянная палата третейского суда (*Permanent Court of Arbitration*) удовлетворила иск Филиппин и признала незаконными претензии Китая на 80% акватории Южно-Китайского моря (так называемая девятипунктирная линия).

В этих условиях вполне логично, что именно у Филиппин ИТС встретила самый сильный отклик и именно с этой страной у Канады наиболее активно стал развиваться диалог по вопросам безопасности и обороны. В сентябре 2023 года две страны провели совместные военно-морские учения в той части Южно-Китайского моря, которую Филиппины считают своей исключительной экономической зоной (ИЭЗ) и с чем не согласен Китай. С канадской стороны в учениях участвовал фрегат «Оттава», а с филиппинской – фрегат «Антонио Луна» (*BRP Antonio Luna*). В данном случае Канада последовала примеру США, которые провели такие учения с Филиппинами несколькими неделями раньше. В октябре 2023 года между Манилой и Оттавой было заключено соглашение о предоставлении Филиппинам доступа к канадской системе обнаружения неизвестных судов (*Dark Vessel Detection System*) для борьбы с незаконным рыболовным промыслом в филиппинских водах, что означало автоматическую поддержку территориальных претензий этой страны в Южно-Китайском море. Наконец, в январе 2024 года стороны подписали Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в сфере обороны (*Memorandum of Understanding on Defence Cooperation*), который предусматривает сотрудничество в области военного образования, обмена информацией, проведения миротворческих операций и ликвидации последствий стихийных бедствий. Представляя этот документ, министр обороны Филиппин Г. Теодоро допустил возможность заключения с Канадой соглашения, позволяющего двум странам временно развёртывать свои войска на территории друг друга (*Visiting Forces Agreement*) [28]. По состоянию на июнь 2024 года такое соглашение с Филиппинами имеют только США и Австралия, а переговоры по его заключению помимо Канады ведут также Япония и Франция. Это лишний раз говорит о том, что усилия Канады по укреплению военных связей с Филиппинами надо рассматривать не в контексте двусторонних отношений, а как часть более широкой стратегии США и их союзников по усилению оборонного сотрудничества с этой страной.

На фоне резко участвовавших с середины 2023 года стычек филиппинских и китайских судов в районе отмели Аюнгин (кит. название – Жэньай) официальная Оттава возлагает всю вину за такие инциденты на китайскую сторону и указывает на необходимость соблюдения решения Постоянной палаты третейского суда 2016 года. В свою очередь поддержка правительством Дж. Трюдо правовой позиции Филиппин в отношении их границ в Южно-Китайском море стала дополнительным раздражителем в канадско-китайских отношениях. Так, в декабре 2023 года после очередного осуждения канадским МИД действий Пекина в отношении филиппинских судов в спорном районе Южно-Китайского моря китайское посольство в Оттаве выступило с заявлением, в котором Канада была обвинена в том, что «поощряет нарушение Филиппинами суверенитета Китая» [13].

БОРЬБА ЗА ЧЛЕНСТВО В АУКУС

Уже отмечалось, что создание в сентябре 2021 года Соединёнными Штатами, Великобританией и Австралией военно-технического партнёрства АУКУС (AUKUS) стало полной неожиданностью для Канады [Володин Д.А. 2022]. Хотя новая структура создавалась прежде всего для обеспечения Австралии атомными подводными лодками, многие в Канаде были встревожены тем, что их страну не пригласили в этот альянс.

Первыми такую обеспокоенность стали выражать канадские военные, которые сразу оспорили утверждение Дж. Трюдо, что АУКУС предназначен лишь для строительства атомных подлодок, в которых Канада не нуждается. Выступая в тот же день, что и Трюдо (16 сентября 2021 года), бывший заместитель начальника штаба национальной обороны вице-адмирал М. Норман назвал комментарии премьер-министра «ошибочными» и «вводящими в заблуждение», указав, что «Соглашение АУКУС включает в себя гораздо больше, чем строительство новых подводных лодок; оно предусматривает обмен информацией и технологиями» [14]. Позднее аналогичные мысли стали высказывать уже и действующие высокопоставленные канадские военные. Как отмечал в январе 2023 года в интервью информационному агентству «Кэнэдиен пресс» глава Канадского командования совместных операций (*Canadian Joint Operations Command*) Р. Очтерлони, «технология строительства (атомных подлодок) давно известна, поэтому её передача не играет большой роли. Проблема возникает, когда вы начинаете говорить о передовых технологиях в области искусственного интеллекта, машинного обучения, квантовых технологиях, всех тех вещей, которые действительно имеют значение для дальнейшего развития. Это те разговоры, в которых Канада должна участвовать» [7].

Впервые об интересе Канады к участию в АУКУС стало известно в мае 2023 года, когда одна из ведущих газет страны «Глоб энд Мейл» сообщила, что правительство Дж. Трюдо уже ведёт соответствующие переговоры. Газета утверждала, что официальную Оттаву интересуют не атомные подводные лодки, а второй компонент АУКУС – обмен информацией и тесное сотрудничество его участников для ускоренной разработки передовых военных технологий [18].

Первоначально казалось, что США отрицательно относятся к приёму в АУКУС новых стран. Так, в июне 2023 года координатор по стратегическим коммуникациям СНБ США Дж. Кирби в интервью канадскому телеканалу Си-ти-ви (CTV) заявил, что Соединённые Штаты пока не планируют менять состав АУКУС, который предназначен лишь для обеспечения Австралии атомными подводными лодками [35]. Однако в том же месяце другой представитель СНБ США К. Кэмпбелл фактически опроверг его слова, признав, что члены АУКУС ведут переговоры со странами, желающими присоединиться к ним, и что шансы кандидатов

«будут зависеть от пользы, которую они смогут принести объединению» [1]. О готовности членов АУКУС к сотрудничеству с другими государствами упоминал в июле 2023 года и госсекретарь США Э. Блинкен.

Разговоры о приёме в АУКУС новых стран особенно усилились в 2024 году на фоне попыток участников этого объединения активизировать его второй компонент. Чаще всего в этом отношении упоминалась Япония, но периодически называлась и Канада. В частности, в феврале 2024 года большой резонанс вызвал доклад британского «Института Легатум» о необходимости превращения АУКУС из трёхстороннего в четырёхсторонний альянс за счёт привлечения Канады к проектам блока в рамках его второго компонента [Gray A., Stokes D. 2024]. Сразу после публикации этого исследования данный тезис поддержали три бывших премьер-министра: австралийский – Э. Эбботт, и два британских – Б. Джонсон и Э. Трасс [3; 17].

В марте 2024 года стало известно о попытках участников АУКУС привлечь к работе объединения другие дружественные страны, чтобы укрепить его на случай возможного выхода США после победы Д. Трампа на президентских выборах. Американское издание «Политико» (*Politico*) утверждало, что в конце 2024 года или в начале 2025 года Япония и Канада могут присоединиться к работе АУКУС в рамках его второго компонента [8]. Об этом же вскоре сообщила и британская газета «Файнэншл таймс», однако она упоминала лишь Японию как единственного конкретного кандидата для участия в проектах АУКУС [32].

Опубликованное 8 апреля 2024 года совместное заявление министров обороны стран АУКУС подтвердило информацию газеты и опасения канадских властей. Хотя в документе и говорилось о намерении этих стран провести в 2024 году консультации с «перспективными партнёрами» об их участии в проектах в рамках второго компонента, конкретно была названа лишь одна страна – Япония [5].

Видимо, осознавая, что Канада является менее интересным партнёром для участников АУКУС, чем Япония, руководство страны стало более активно выступать в поддержку канадской заявки. Представляя 8 апреля 2024 года новую оборонную стратегию Канады, премьер-министр Дж. Трюдо признал, что его правительство рассматривает возможность участия Канады во втором компоненте АУКУС, и что оно уже провело «прекрасные переговоры» с властями США, Великобритании и Австралии о более тесном с ними сотрудничестве в соответствующих проектах [15]. Слова премьер-министра подтвердил и министр обороны У. Блэр, который сообщил на международной конференции по безопасности в Сингапуре 2 июня 2024 года, что он обсуждал этот вопрос с коллегами из стран АУКУС, и что «Канада может внести большой вклад в таких областях, как искусственный интеллект, квантовая физика, сенсоры и другие сложные технологии» [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, хотя правительство Дж. Трюдо и предприняло определённые усилия в последние пару лет, чтобы укрепить положение Канады в Индо-Тихоокеанском регионе и стать составной частью формирующейся там новой архитектуры безопасности, достичь этого пока не удалось. Во многом это связано с крайне ограниченными финансовыми ресурсами, выделенными как на саму ИТС (2,3 млрд долл.), так и на её военную составляющую (493 млн долл.). При таких скромных ассигнованиях трудно было рассчитывать на какой-то серьёзный прорыв.

Фактически этих денег хватило лишь на развёртывание в регионе дополнительного канадского фрегата. Однако его отправку можно рассматривать не столько как показатель силы, сколько военной слабости Канады как тихоокеанской державы. Дело в том, что этот фрегат отправляется с восточного побережья Канады и для того, чтобы выполнить какую-либо миссию в Индо-Тихоокеанском регионе, ему сначала нужно обогнуть Северную Америку. Соответственно, в случае реального кризиса в ИТР, этот корабль может просто не успеть добраться до места боевых действий. Более того, не гарантировано участие в операциях на тихоокеанском ТВД даже тех канадских военных судов, которые отправляются с западного побережья страны. Дело в том, что канадские фрегаты и эсминцы фактически уже выработали свой срок службы и им на смену должны прийти 15 новых надводных боевых кораблей*. Однако проект по строительству этих новых судов постоянно откладывается. Соответственно, существует вероятность, что в ближайшем будущем у Канады какое-то время вообще не будет военных судов для отправки в ИТР. Стоит вспомнить, что тихоокеанский ТВД – это морской ТВД, и если у страны нет ВМС, то она не может рассчитывать, что её серьёзно будут воспринимать в регионе.

Из-за малочисленности канадских вооружённых сил и нежелания правительства Дж. Трюдо серьёзно увеличивать военные расходы Соединённые Штаты не рассматривают Канаду как ценного партнёра в реализации своей стратегии по сдерживанию Китая в ИТР. Наиболее яркой демонстрацией этого стало отсутствие Канады во всех многосторонних объединениях, созданных США в регионе за последние несколько лет. Канада оказалась в крайне неблагоприятной ситуации. В отличие от тихоокеанских стран, многие из которых связаны теперь с Соединёнными Штатами не только двусторонними военными связями, но и могут взаимодействовать с ними и между собой через новые американские многосторонние региональные структуры, Канада лишена такой возможности. В этом смысле положение Канады даже хуже, чем у стран, которые не являются

* Возраст канадских эсминцев превышает 50 лет, фрегатов – от 28 до 34 лет.

американскими союзниками, а выступают как «попутчики» США в ограничении влияния Китая в регионе, вроде той же Индии или Вьетнама. В данном случае для США решающую роль играет не то, насколько дружественна к ней та или иная страна, а общий и, прежде всего, военный потенциал этой страны в ИТР. Ситуацию усугубляет и кризис в отношениях Канады с двумя крупнейшими странами региона – Китаем и той же Индией.

Неспособность Канады встроиться в новую архитектуру безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе может заставить её изменить тактику. В этом плане особого внимания заслуживает стремление канадских властей к развитию максимально тесного военного сотрудничества с Японией. Дело в том, что какую бы систему ни выстраивали Соединённые Штаты для сдерживания Китая в ИТР, центральную роль в ней будет играть именно Япония. Не будучи способна войти в новую архитектуру безопасности ИТР при помощи США, Канада может попытаться войти туда через «японскую дверь», то есть доведя уровень военного сотрудничества с этой азиатской страной до такой высокой отметки, что она окажется частью новой системы вместе с Японией.

ИСТОЧНИКИ

1. США сообщили, что блок АУКУС ведет переговоры с заинтересованными в партнерстве странами. ТАСС. *Международная панорама*. 27.06.2023.

2. 21st Asia Security Summit. The Shangri-La Dialogue. 6th Plenary Session. Connecting Indian Ocean and Pacific Security. 2.06.2024. Available at: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/shangri-la-dialogue/2024/transcripts/final/p6/sixth-plenary-session-qa--as-delivered.pdf> (accessed 22.06.2024).

3. Abbott, T. Signing Up Canada Would Help AUKUS Take on the Tyrants. *The Times*, 8.02.2024.

4. Active and Engaged: The Future of the Canadian Armed Forces in the Indo-Pacific. 30.01.2023. Available at: <https://connect2canada.com/2023/01/active-and-engaged-the-future-of-the-canadian-armed-forces-in-the-indo-pacific/> (accessed 26.06.2024).

5. AUKUS Defence Ministers Joint Statement. 8.04.2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/aukus-defence-ministers-joint-statement-april-2024/aukus-defence-ministers-joint-statement-april-2024> (accessed 22.06.2024).

6. Baker, P. Biden to Cement a 3-Way Alliance to Check Beijing. *The New York Times*, 18.08.2023.

7. Berthiaume, L. Canada's Absence from Security Pact a "Concern". *The Toronto Star*, 16.01.2023.

8. Boscia, S. Britain and US Race to Expand Pacific Defense Pact Before Election Turmoil. *Politico*. 19.03.2024. Available at: <https://www.politico.eu/article/aukus->

donald-trump-joe-biden-david-cameron-britain-us-pacific-defense-pact/ (accessed 22.06.2024).

9. Canada. House of Commons. Standing Committee on National Defence. 29.01.2024. Available at: <https://www.ourcommons.ca/Content/Committee/441/NDDN/Evidence/EV12837864/NDDNEV88-E.PDF> (accessed 26.06.2024).

10. Canada Seeking to Set Up 4-Way Framework with Japan, South Korea, U.S. *Kyodo News*. 20.03.2023.

11. Canada's Effort to Restore Military Talks Hinges on Taiwan Policy: Chinese Ambassador. 12.02.2024. Available at: <https://ca.news.yahoo.com/canadas-effort-restore-military-talks-192419812.html> (accessed 26.06.2024).

12. Canada's Indo-Pacific Strategy. – Ottawa: Global Affairs Canada, 2022, 23 p.

13. China Condemns Canada's Support for Philippines on South China Incidents. *Reuters*, 14.12.2023.

14. Connoly, A. Was Canada Invited to Join AUKUS? 16.09.2021. Available at: <https://globalnews.ca/news/8196164/aukus-defence-deal-canada-china-relations/> (accessed 20.06.2024).

15. Cowan, J. Canada Exploring Possibility of Joining AUKUS Security Alliance, Trudeau Says. 9.04.2024. Available at: <https://www.thepochothtimes.com/world/canada-exploring-possibility-of-joining-aukus-security-alliance-trudeau-says-5625317> (accessed 22.06.2024).

16. Crossley, G. China Condemns Britain for Taiwan Strait Warship Mission. *Reuters*, 27.09.2021.

17. Diver, T., Barr, L. Boris Johnson Backs Canada Joining AUKUS Military Pact. *The Telegraph*, 9.02.2024.

18. Fife, R., Chase, S. Canada Seeks to Join Non-Nuclear Pillar of AUKUS Alliance. *The Globe and Mail*. 8.05.2023. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canada-eyes-entry-into-aukus-alliance-to-help-keep-china-in-check/> (accessed 20.06.2024).

19. Grady, J. Chief of Royal Canadian Navy Outlines Ottawa's Pacific Strategy. 7.11.2023. Available at: <https://news.usni.org/2023/11/07/chief-of-royal-canadian-navy-outlines-ottawas-pacific-strategy> (accessed 26.06.2026).

20. Hille, K., Mallet, V. China Accuses France of Illegally Sailing Warship in Taiwan Strait. *Financial Times*, 25.04.2019.

21. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 16.06.2024).

22. Joint Leaders' Statement on ASEAN-Canada Strategic Partnership. Jakarta, Indonesia. 6.09.2023. Available at: <https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2023/09/06/joint-leaders-statement-asean-canada-strategic-partnership> (accessed 18.06.2024).

23. Leaders' Joint Statement in Commemoration of the 60th Anniversary of Diplomatic Relations Between the Republic of Korea and Canada: Stronger Together for the Next 60 Years. Seoul, Republic of Korea. 17.05.2023. Available at: <https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2023/05/17/leaders-joint-statement-commemoration-60th-anniversary-diplomatic> (accessed 18.06.2024).

24. Lee, M. US Fears Canada-India Row Over Sikh Activist's Killing Could Upend Strategy for Countering China. 7.10.2023. Available at: <https://apnews.com/article/us-canada-sikh-killing-india-china-pacific-ebec0fcec449f0335b3b0db6e3d30650> (accessed 16.06.2024).

25. Minister Anand Announces Defence and Security Elements of Canada's Indo-Pacific Strategy. 27.11.2022. Available at: <https://www.canada.ca/en/departement-national-defence/news/2022/11/minister-anand-announces-defence-and-security-elements-of-canadas-indo-pacific-strategy.html> (accessed 26.06.2024).

26. Orr, B. US Navy Sends First Warship Through Taiwan Strait Post-Election. *Reuters*, 24.01.2024.

27. Our North, Strong and Free: A Renewed Vision for Canada's Defence. – Ottawa: Department of National Defence, 2024, 36 p.

28. Philippines, Canada Sign Agreement on Defence Cooperation. *Reuters*, 19.01.2024.

29. Robertson, D. Indian Envoy Warns of "Big Red Line" Days After Charges Laid in Nijjar Case. *CBC*. 7.05.2024. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/india-envoy-to-adress-bilateral-relations-1.7196204> (accessed 26.06.2024).

30. Royal Canadian Navy Ships Deploy to Indo-Pacific Region. *Canada. Department on National Defence*. News Release. 14.08.2023.

31. Sevastopulo, D. Canada to Send More Warships Through Taiwan Strait in Signal to China. *Financial Times*. 5.12.2022. Available at: <https://www.ft.com/content/b19721e8-7bfc-44f2-9f72-971a63d2bfac> (accessed 26.06.2024).

32. Sevastopulo, D. AUKUS Weighs Expanding Security Pact to Deter China in Indo-Pacific. *Financial Times*. 7.04.2024. Available at: <https://www.ft.com/content/bd94b87a-0395-420b-a35c-909b1762650a> (accessed 26.06.2024).

33. Song Sang-ho. S. Korea, Canada Ink Revised Arms Industry Cooperation Pact. *Yonhap*, 16.12.2022.

34. The Republic of Korea and Canada: Stronger Together-Joint Leaders' Statement. 23.09.2022. Available at: <https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2022/09/23/republic-korea-and-canada-stronger-together-joint-leaders-statement> (accessed 18.06.2024).

35. Van Dyk, S. No Plans to Invite Canada to Join AUKUS: White House. *CTV News*. 11.06.2023. Available at: <https://www.ctvnews.ca/politics/no-plans-to-invite-canada-to-join-aukus-white-house-1.6436328> (4.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володин Д.А. 2022. Перезагрузка политики Канады в отношении Китая. *Россия и Америка в XXI веке*. № 1. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760018764-7-1/> DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760018764-7>.

Израелян Е.В. 2023a. Канада и страны Корейского полуострова: возможности и проблемы. *Россия и Америка в XXI веке*. № 3. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760026339-9-1/> DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760026339-9>.

Израелян Е.В. 2023b. Канадско-японские отношения: к 95-летию установления. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023060019>.

Хорошилов Е.Е. 2023. Экономические связи Канады и Китая в условиях переформатирования мирового порядка. *Россия и Америка в XXI веке*. № S2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760027912-0-1/?sl=ru> (accessed 26.06.2024) DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760027912-0>.

REFERENCES

Canuel, H. Canada-Japan Military Relations: Shaky Past, Uncertain Future? 1.09.2022. Available at: <https://www.ualberta.ca/prince-takamado-japan-centre/news/2022/september/jacac2022> (accessed 15.10.2024).

Gray, A., Stokes, D. From AUKUS to CAUKUS: The Case for Canadian Integration. Foreword by Hon. Tony Abbott AC. Legatum Institute. February 2024. 27 p.

Issraelyan, E.V. 2023a. Kanada i strany Koreiskogo poluostrova: vozmozhnosti i problema [Canada and the Countries of the Korean Peninsula: Opportunities and Challenges] (In Russ.). *Russia and America in the XXI Century*. No. 3. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760026339-9-1/> DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760026339-9>.

Issraelyan, E.V. 2023b. Kanadsko-iaponskie otnosheniia: k 95-letiiu ustanovleniia [Canadian-Japanese Relations: on the 95th Anniversary of the Establishment] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. Issue 6. P. 5–17. DOI: [10.31857/S2686673023060019](https://doi.org/10.31857/S2686673023060019).

Khoroshilov, E.E. 2023. Ekonomicheskie sviazi Kanady i Kitaia v usloviakh pereformatirovaniia mirovogo poriadka [Economic Relations Between Canada and China in the Context of World Order Transformation] (In Russ.). *Russia and America in the XXI Century*. Issue S2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760027912-0-1/>.

Volodin, D.A. 2022. Perezagruzka politiki Kanady v otnoshenii Kitaia [Reboot of Canada's Policy towards China after the 2021 Parliamentary Elections] (In Russ.). *Russia and America in the XXI Century*. No. 1. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760018764-7-1/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОДИН Дмитрий Анатольевич, Dmitry A. VOLODIN, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.
121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024.

Поступила после рецензирования 25.07.2024 / Revised 25.07.2024.

Статья принята к публикации 27.07.2024 / Accepted 27.07.2024.

УДК: 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024110036

EDN: YNDBTC

Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности

А.В. Волошина

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Researcher ID: AAN-4210-2021 ПИНЦ ID: 915311

ORCID: 0000-0002-7508-8735 e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Резюме. Данная статья посвящена анализу прошедших 13 января 2024 года президентских и парламентских выборов на Тайване. Рассматривая их итоги, автор исследует, как ситуация «разделённого правления» повлияет на способность избранного главы администрации Лай Циндэ управлять межбереговыми отношениями, и отмечает внешние факторы, которые будут воздействовать на курс Тайбэя в отношении материка на ближайшие четыре года. Выделяя ключевые события, которые окажут влияние на динамику отношений между КНР, Тайванем и США с 2024 по 2028 год, автор предлагает своё видение перспектив развития ситуации в Тайваньском проливе в этот период.

Ключевые слова: Тайвань, КНР, межбереговые отношения, Лай Циндэ, выборы, тайваньский вопрос.

Для цитирования: Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(11): 47–57. DOI: 10.31857/S2686673024110036 EDN: YNDBTC

Taiwan's 2024 Elections: Implications for Regional Stability

Anna V. Voloshina

Institute of China and Contemporary Asia

Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAN-4210-2021 ПИНЦ ID: 915311

ORCID: 0000-0002-7508-8735 e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Abstract: This article offers the analysis of the outcomes of the presidential and parliamentary elections held on January 13, 2024, in Taiwan. The author examines how the situation of “divided government” will affect president-elect Lai Ching-te’s ability to manage cross-strait relations and identifies the external factors that will influence Taipei’s policy toward the mainland over the next four years. By highlighting key events that will influence the dynamics of relations among the PRC, Taiwan and the U.S. from 2024 to 2028, the author offers her vision of the prospects for the development of the situation in the Taiwan Strait during this period.

Keywords: Taiwan, PRC, cross-strait relations, Lai Ching-te, elections, Taiwan issue.

For citation: Voloshina, A.V. Taiwan's 2024 Elections: Implications for Regional Stability. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(11): 47–57.
DOI: 10.31857/S2686673024110036 EDN: YNDBTC

ВВЕДЕНИЕ

Тайваньский вопрос лежит в основе коренных интересов Китайской Народной Республики. Китайское руководство неоднократно заявляло, что надлежащее управление отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива и достижение воссоединения страны – ключевые задачи на пути Китая к национальному возрождению. Председатель КНР Си Цзиньпин в новогоднем послании 2024 года подчеркнул, что «воссоединение Родины является исторической необходимостью», призвав соотечественников по обе стороны пролива «объединить усилия и разделить великую славу национального возрождения» [1].

Одними из ключевых событий, которые определяют динамику отношений материкового Китая и острова на ближайшие годы и будут иметь серьёзные последствия для региональной и мировой стабильности, стали состоявшиеся на Тайване 13 января 2024 года выборы «два в одном» – избрание главы администрации и выборы в тайваньский законодательный орган, Законодательный юань.

В рамках данной статьи предлагается анализ итогов этих выборов и влияния прихода новой администрации к власти на острове на межбереговые отношения, а также предпринимается попытка прогноза развития ситуации в зоне Тайваньского пролива на ближайшие четыре года.

ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ НА ТАЙВАНЕ 2024 ГОДА

На прошедших 13 января президентских выборах* победу одержал кандидат от Демократической прогрессивной партии (ДПП) и, по совместительству, её председатель Лай Циндэ, занимавший на тот момент пост вице-президента в администрации Цай Инвэнь. Пару ему составила баллотировавшаяся на должность его заместителя бывшая глава Тайбэйского экономического и культурного представительства в США Сяо Мэйцинь. Лай Циндэ, которого часто называют «золотым внуком независимости Тайваня», известен как принципиальный в отстаивании своих идей политик и более радикальный сторонник независимости острова, нежели находившаяся у власти с 2016 по 2024 год президент Цай Инвэнь.

* Российская Федерация не признаёт Тайвань как независимое государство и рассматривает его как неотъемлемую часть КНР в рамках политики, поддерживающей принцип «одного Китая». В настоящей статье термин используется в контексте внутренней политики Тайваня. В официальной риторике России лидер Тайваня не признаётся президентом. – *Ред.*

При явке в 71,86% пара Лай – Сяо набрала 40,05% (5 586,019) голосов избирателей. Второе место, получив 33,49% (4 671,021) голосов, заняли кандидаты Гоминьдана: баллотировавшийся на пост президента мэра Нового Тайбэя Хоу Юи и претендовавший на пост его заместителя председатель Китайской радиовещательной корпорации Чжао Шаокан. На последнем месте оказались кандидаты от Тайваньской народной партии (ТНП) – председатель ТНП Кэ Вэньчжэ и депутат Законодательного юаня У Синьин – с 26,46% голосов (3 690,466).

Несмотря на то что ДПП удалось нарушить закрепившееся с 1996 года¹ негласное «правило» ротации администраций, по которому власть передаётся другой партии не реже, чем раз в восемь лет, и её кандидат завоевал президентское кресло в третий раз подряд, Лай Циндэ и Сяо Мэйцинэ смогли получить лишь *относительное* большинство голосов избирателей. Более того, набранные ими 40,5% – это самый низкий результат победителей президентских выборов на острове с 2000 года.

Опираясь на опыт успешных для партии выборов 2016 и 2020 годов, ДПП в своей кампании вновь сделала ставку на разыгрывание «антикитайской карты». Однако в этот раз запросом избирателей стало решение, в первую очередь, проблем экономики: роста стоимости жизни на фоне инфляции, стремительного повышения цен на жилье и стагнирующих заработных плат, проблем социального обеспечения, энергетической политики и других. Это подтверждали опросы общественного мнения: 74,3% респондентов называли в качестве вопросов, вызывающих их наибольшую озабоченность на этих выборах, экономику, 42,2% – внутреннюю политику, и лишь 39,5% – межбереговые проблемы [2].

О неудовлетворённости тайваньского населения внутренней политикой администрации Цай Инвэнь и их недовольстве из-за периодически разгоравшихся вокруг правительства коррупционных скандалов красноречиво говорили данные опросов, фиксировавшие запрос на ротацию правящей партии у большей части избирателей. По данным Тайваньского фонда общественного мнения, в октябре 2023 года 59% опрошенных высказались против сохранения после выборов у ДПП всей полноты власти – президентского кресла и большинства в Законодательном юане («за» – 31,6%) [3]. В декабре 59,4% респондентов ответили положительно и лишь 34,1% отрицательно на вопрос «Ожидаете ли вы, что эти президентские выборы приведут к приходу к власти новой политической партии?» [4].

Несмотря на общественные настроения, из-за разделённости оппозиционных сил на этих выборах, приведшей к расколу голосов избирателей между Хоу Юи и Кэ Вэньчжэ, и особенностей избирательной системы острова, где победитель на должность главы определяется простым большинством голосов в один тур, ДПП удалось удержать за собой президентское кресло.

¹ Первые прямые президентские выборы на острове состоялись в марте 1996 года.

Иная картина сложилась на выборах в Законодательный юань: по их результатам ДПП потеряла удерживаемое в течение двух сроков подряд парламентское большинство. В 113-местном органе Гоминьдан получил 52 места, ДПП – 51 место, ТНП – 8 мест, 2 мандата получили независимые, но близкие по взглядам к Гоминьдану кандидаты.

Гоминьдан, таким образом, значительно усилил позиции в законодательном органе, став крупнейшей парламентской партией и закрепив позднее за своими представителями – бывшим мэром Гаосюна Хань Гоюем и бывшим председателем Гоминьдана Цзян Цичэнем – посты председателя и заместителя председателя Законодательного юаня.

ТНП же стала «третьей силой», которую больше невозможно игнорировать на политической арене Тайваня. В условиях, когда ни одной партии не удалось завладеть парламентским большинством (по меньшей мере, 57 мест), её фракция превратилась в «ключевое меньшинство», и присоединение депутатов ТНП к Гоминьдану или ДПП будет иметь решающее значение для исхода голосований в Законодательном юане.

АДМИНИСТРАЦИЯ ЛАЙ ЦИНДЭ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

Отметим, что планирование, разработка и реализация политики, касающейся межбереговых отношений, осуществляется Исполнительным юанем под непосредственным руководством президента. Поэтому в ситуации «разделённого правления» в руках оппозиции находится возможность оказывать сопротивление, главным образом, тем инициативам, для реализации которых требуется прохождение через Законодательный юань, а именно:

- изменение названия, границ Китайской Республики через пересмотр Конституции и проведение референдума. Предложение о внесении поправок в Конституцию перед выносом его на референдум должно набрать не менее 2/3 голосов «за» законодателей, присутствующих на заседании, при кворуме в 2/3 голосов общего числа депутатов, то есть как минимум 67 голосов, что недостижимо для ДПП, обладающей лишь 45% парламентских мест;

- изменение правовых рамок межбереговых обменов, заложенных в «Положениях, регламентирующих отношения жителей региона Тайваня и региона материкового Китая». Так, уже в мае 2024 года Гоминьдан и ТНП заблокировали инициированное законодателями от ДПП внесение поправок к статьям 9 и 91 данных положений, которые бы ужесточили контроль органов безопасности над контактами разных групп тайваньского населения на материке, в Макао и Гонконге. Эти поправки обязали бы, в частности, выборных должностных лиц получать разрешение «компетентных органов» для выезда туда. Продвижение через парламент других инициатив ДПП, затрагивающих тем или иным образом межбереговые

отношения, также в будущем может быть заблокировано при условии совместной работы Гоминьдана и ТНП;

– если конфликтность в отношениях правительства и законодателей будет нарастать, возможны трудности в принятии в Законодательном юане разработанного Исполнительным юанем бюджета, включая ассигнования на оборону. Помимо этого, и Гоминьдан и ТНП в ходе предвыборной кампании заявили о намерении бороться с активно практиковавшимися властями ДПП с 2016 по 2024 год выделением «специальных бюджетов» (дополнительных средств в обход основного бюджета) для закупки вооружений и финансирования оборонных программ.

Помимо этого, ведётся активная борьба Гоминьдана и ТНП за установление большего контроля над администрацией Лай Циндэ через принятие соответствующих законодательных инициатив. Знаковым событием первой парламентской сессии 2024 года стало совместное продвижение фракциями Гоминьдана и ТНП парламентской реформы с целью предоставить законодателям полномочия по проведению слушаний и расследований, ввести ответственность за дачу ложных показаний и «неуважение» к парламенту, а также обязать президента ежегодно представлять доклад о положении дел в стране в Законодательном юане с последующей сессией вопросов и ответов. Соответствующие законопроекты были приняты в третьем чтении 28 мая, 24 июня подписаны Лай Циндэ, но, ввиду оппозиции ДПП, по ходатайству президента, Исполнительного юаня и парламентской фракции ДПП, они были направлены в Конституционный суд, где продолжают находиться в ожидании решения об их «конституционности».

В ситуации разделённого правления ДПП нужно идти на контакт с оппозицией и быть готовой к частичным компромиссам, дабы избежать законодательных тупиков и гарантировать необходимые решения по бюджету, включая ассигнования на оборону. В ином случае ужесточение политической борьбы в Законодательном юане может парализовать работу правительства, что негативно скажется на возможностях решения внутренних проблем острова и общественной поддержке администрации Лай Циндэ. Перспективным игроком с точки зрения налаживания связей для ДПП предстаёт ТНП. Кэ Вэньчжэ – гибкий, не связанный идеологией политик, который может работать то с «синим», то с «зелёным» лагерем в зависимости от своих политических интересов**.

Помимо ограничений, которые накладывает на Лай Циндэ сложившаяся в результате выборов политическая система, стоит отметить ещё несколько серьёзных барьеров на пути радикальных шагов нового президента в течение его срока.

** В августе, во время нахождения данной статьи в редакции, Кэ Вэньчжэ стал фигурантом дела о коррупции во время его пребывания на посту мэра Тайбэя (2014–2022). Ведущееся расследование может непредсказуемым образом сказаться на его дальнейшей политической судьбе. Вопрос влияния этого дела на позиции ТНП также требует дальнейшего изучения.

Во-первых, это то, что практически 89% тайваньского населения выступают так или иначе в поддержку сохранения нынешнего статус-кво по вопросу объединения или независимости [5]. Неудивительно, что в преддверии выборов Лай Циндэ, дабы увеличить свои шансы на победу, заметно смягчил риторику, заменив лозунг «сопротивляться Китаю и защищать Тайвань» на призыв «мирно защищать Тайвань». Он акцентировал свой «прагматизм», утверждая, что «Тайвань уже является суверенным и независимым государством» и нет необходимости провозглашать независимость отдельно [6].

Во-вторых, красная черта на пути движения новой администрации к независимости де-юре проведена материком с помощью статьи 8 закона «О противодействии расколу страны» 2005 года, дающей Пекину право прибегнуть к «немирным средствам и другим необходимым мерам для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая» [7].

В-третьих, серьёзным сдерживающим фактором является отсутствие у Тайваня чётких гарантий безопасности со стороны США. Несмотря на ряд утверждений президента Дж. Байдена о наличии у Соединённых Штатов «обязательств» по защите Тайваня, Вашингтон, по сути, не отказался от политики «стратегической неопределённости». Эти заявления остались риторическим «повышением ставок» для Пекина без законодательной поддержки со стороны Конгресса в виде, например, предоставления президенту полномочий на использование военной силы для защиты Тайваня или резолюций, выражавших бы «мнение» Конгресса о необходимости помощи в защите Тайваня, как это было сделано в 1996 году.

Таким образом, в условиях текущих внешних и внутренних ограничений движение новой администрации в сторону независимости де-юре маловероятно. Но с учётом властных рычагов, которые, как было отмечено выше, находятся в руках исполнительной власти на острове, администрация Лай Циндэ сохранит широкое поле для действий в рамках тактики «крадущегося сепаратизма», расшатывания статус-кво «малыми шагами».

Действительно, в своей инаугурационной речи 20 мая Лай Циндэ не только не признал так называемый «консенсус 1992 года» (подтверждающий, что межбереговые отношения – это отношения в рамках одного Китая, не носящие межгосударственного характера), а, наоборот, пытался презентовать остров в качестве отдельной от материка суверенной единицы. Говоря о межбереговых отношениях, Лай Циндэ, в отличие от Цай Инвэнь, убрал из речи отсылки на «Конституцию Китайской Республики» и «Положения, регламентирующие отношения жителей региона Тайваня и региона материкового Китая», указывающие на де-юре единство Тайваня и материка в рамках Китайской Республики. Вместо этого он на протяжении всей речи демонстративно использовал политически чувствительный термин «Китай» в отношении материка и заявил, что «Китайская Республика, Тайвань является суверенной и независимой страной» и «Китайская Республика и Китайская Народная Республика не подчиняются друг другу» [8].

В ответ на эту речь 23 мая Восточный театр боевого командования НОАК объявил о начале двухдневных учений «Объединённый меч-2024А» в районах вокруг Тайваня, у Пескадорских островов (Пэнху), а также вокруг расположенных вблизи материка островов Цзиньмэнь, Мацзу, Уцю и Дуньинь. Также 31 мая Пекин заявил о приостановке с 15 июня действия тарифных льгот в отношении 134 товарных позиций тайваньского импорта, попадающих под действие Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между двумя берегами Тайваньского пролива.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ В БЛИЖАЙШИЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА

На сегодняшний день практически все эксперты материкового Китая, Тайваня и США солидарны в том, что приход к власти на острове администрации Лай Циндэ усугубит напряжённость в Тайваньском проливе. Однако прогнозы относительно того, останется ли эта напряжённость контролируемой или приведёт к вспышке конфликта, резко разнятся. На взгляд автора, это лишь подчёркивает, что в условиях нарастающего геополитического соперничества Китая и США, роста нестабильности как в зоне пролива, так и в рамках всей восточноазиатской подсистемы международных отношений, происходящие здесь процессы подвержены всё большей неопределённости. Ситуация в Тайваньском проливе достигает «точки бифуркации», что ограничивает возможности адекватного прогнозирования её дальнейшего развития.

С определённой степенью уверенности можно говорить о том, что до конца этого года тайваньский вопрос будет находиться в контролируемом состоянии. Учитывая перечисленные выше сдерживающие факторы для администрации Лай Циндэ, автор считает, что вероятность принятия радикальных мер крайне мала. Со стороны США и КНР также наблюдается совпадение интересов в том, чтобы ситуация в проливе развивалась в управляемом ключе. В преддверии ноябрьских президентских выборов демократической администрации нужно сосредоточиться на предвыборной гонке. США, уже вынужденные иметь дело с конфликтами на Украине и Ближнем Востоке, очевидно, не хотят усугублять внешнюю нестабильность кризисом в отношениях с Китаем. Это подтверждает корректировка риторики Вашингтона в виде майских заявлений Дж. Байдена [9] и конгрессмена М. Маккола [10], акцентировавших внимание на том, что предоставление помощи Тайваню возможно при условии одностороннего изменения статус-кво Пекином, и Тайбэй не должен быть стороной, совершающей провокационные действия.

Китай также сосредоточен на решении внутренних задач, в первую очередь, проблем экономики, и старается проявлять относительную сдержанность, дабы дополнительно не подстегнуть антикитайские настроения в США и не увеличить шансы на избрание там кандидата с более жёсткой повесткой в отношении КНР.

Президентские выборы в США станут важным событием, итоги которого повлияют на динамику в Тайваньском проливе. Риски возрастут в случае победы кандидата-республиканца. Так, именно республиканская администрация при Д. Трампе сняла ограничения на контакты с тайваньскими властями на официальном уровне и откровенно пересекала «красные линии» Пекина, продавая острову оружие наступательного характера, типа крылатых ракет AGM-84H/K SLAM-ER, реактивных систем залпового огня M142 HIMARS с ракетами ATACMS M57. Если Вашингтон поднимет отношения с Тайванем на уровень, который Пекин воспримет как возобновление дипломатических отношений или военного союза, либо подтолкнёт администрацию Лай Циндэ на рискованные действия, ситуация в проливе перетечёт в кризисную фазу. Тем не менее пока военные действия не утихнут на Украине и Ближнем Востоке, такой сценарий представляется менее вероятным. Также китайские исследователи справедливо отмечают, что, с одной стороны, Вашингтон ещё не завершил вооружение Тайваня, формирование «малых групп» и «азиатской версии НАТО» в регионе, и, с другой стороны, у него остаются практические интересы в поддержании дипломатических отношений с Китаем [11].

Следующей «вехой» станут местные выборы на Тайване в конце 2026 года. В своей стратегии по управлению тайваньским вопросом на ближайшие годы Пекин делает ставку на более дружественные материковому Китаю силы на острове. Как подчеркнул председатель Си Цзиньпин в статье в издании «Цюши», необходимо вести хорошую работу по «завоеванию сердец людей на Тайване», «развивать и укреплять силы тайваньского патриотического единства» [12]. В этом плане КПК активизирует взаимодействие с оппозицией ДПП на острове, особенно с Гоминьданом. Если оппозиции удастся усилить свои позиции на местных выборах, продемонстрировав, что ДПП теряет народную поддержку, это станет позитивным знаком для Пекина в преддверии президентских выборов на острове 2028 года.

Главный вопрос, на который предстоит найти ответ, состоит в следующем. Если негативные тенденции в развитии ситуации вокруг Тайваня продолжают нарастать (неубедительные результаты оппозиции на выборах 2026 года и малые шансы Гоминьдана на избрание на выборах 2028 года; продвижение деконтаизации и идей независимости властями ДПП на острове; рост доли населения, осознающего себя отдельной нацией, для которой объединение с материком будет неприемлемо в любой форме; всё большая привязка острова к себе Вашингтоном, поддерживающего ДПП, фактически закрепляющего ситуацию разделённости двух берегов Тайваньского пролива на неопределённый срок и продвигающего интернализацию тайваньского вопроса), может ли Пекин переосмыслить соотношение вызовов и прийти к выводу, что «все возможности мирного воссоединения полностью исчерпаны» и дальнейшее откладывание решительных действий будет лишь увеличивать стоимость решения тайваньского вопроса?

Как отмечал автор выше, в условиях роста напряжённости в Тайваньском проливе неопределённость вокруг развития ситуации увеличивается. Тем не менее,

глядя на сегодняшние реалии, отметим, что китайское руководство не отказалось от идеи «мирного воссоединения» [13]. Более того, поиск путей мирного воссоединения ведётся, и в его поддержку звучат влиятельные голоса на материке [14], что подразумевает определённый запас прочности у этой политики. Также представляется, что ограничения политического, экономического, военного плана на пути реализации вооружённого присоединения острова на ближайшие четыре года всё ещё слишком значительны для Китая. Поэтому, если только Вашингтон сознательно не пойдёт на провокацию КНР, в качестве более вероятного варианта развития событий на этот период автор видит продолжение Пекином текущей политики «кнута и пряника», сочетающей меры военного, дипломатического, экономического давления на власти ДПП при активизации диалога КПК с тайваньской оппозицией.

При этом, если противоречия в Тайваньском проливе продолжают эскалировать, Пекин может расширить арсенал давления на остров с помощью деятельности в «серой зоне» такой интенсивности, которая не дала бы достаточного стимула странам Запада для принятия скоординированного жёсткого ответа. Возможными вариантами могут стать рутинизация и проведение возле Тайваня затяжных масштабных военных учений, активизация деятельности морской полиции в Тайваньском проливе и вокруг острова для получения большего контроля над этими водами. Это может включать проведение инспекционных проверок и установление временных охраняемых зон для ограничения или запрета прохода и пребывания там судов и персонала (в соответствии с законом КНР «О морской полиции» 2021 года.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние годы Тайваньский пролив превратился в один из самых нестабильных регионов мира, вспышка конфликта в котором грозит обернуться противостоянием двух ядерных держав. Противоположные интересы, которые преследуют Пекин, Тайбэй и Вашингтон делают практически невозможным «распутывание» этого узла противоречий в обозримом будущем таким образом, который устроил бы все стороны этого «треугольника». Сложившаяся ситуация требует мудрости и гибкости лидеров трёх сторон, дабы предотвратить кризис, который имел бы разрушительные последствия для региональной и мировой безопасности, экономики и населения.

ИСТОЧНИКИ

1. 国家主席习近平发表二〇二四年新年贺词 [President Xi Jinping delivers 2024 New Year address]. 中华人民共和国中央人民政府 [Central People's Government of the People's Republic of China], 31.12.2023. Available at:

https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202312/content_6923673.htm (accessed: 10.06.2024).

2. 總統大選最重視的政見 [The most important political opinions in the presidential election]. *FTNN*, 06.12.2023. Available at: https://www.ftnn.com.tw/news/137350#google_vignette (accessed: 12.06.2024).

3. 國人是否支持民進黨2024繼續完全執政 (2023年10月21日) [Whether people support the Democratic Progressive Party to continue to be fully in power in 2024 (October 21, 2023)]. *台灣民意基金會* [Taiwanese Public Opinion Foundation], 21.10.2023. Available at: <https://clck.ru/3BGL8N> (accessed: 11.06.2024).

4. 選民是否期待第四次政黨輪替執政? (2023年12月29日) [Are voters looking forward to the fourth rotation of political parties in power? (December 29, 2023)]. *台灣民意基金會* [Taiwanese Public Opinion Foundation], 29.12.2023. Available at: <https://clck.ru/3BGLRi> (accessed: 10.06.2024).

5. 臺灣民眾統獨立場趨勢分佈(1994年12月~2023年12月) [Trend distribution of popular unification and independence support in Taiwan (December 1994 ~ December 2023)]. *政大選舉研究中心* [Election Study Center, National Chengchi University], 22.02.2024. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7805&id=6962> (accessed: 11.06.2024).

6. 賴清德：務實認定台灣已是主權獨立國家 沒有再宣布獨立必要 [Lai Ching-te: We pragmatically believe that Taiwan is already a sovereign and independent country and there is no need to declare independence again]. *LTN*, 18.01.2023. Available at: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/4188869> (accessed: 09.06.2024).

7. 《反分裂國家法》全文 [Full text of the Anti-Secession Law]. *大陸委員會* [Mainland Affairs Council]. Available at: <https://www.mac.gov.tw/cp.aspx?n=6ED529FBF24465B3&s=6C2E141D58017986> (accessed: 12.06.2024).

8. 就職演說 [Inauguration speech]. *中華民國總統府* [Office of the President, ROC], 20.05.2024. Available at: <https://www.president.gov.tw/Page/700> (accessed: 10.06.2024).

9. President Joe Biden's Interview with TIME. *TIME*, 05.06.2024. Available at: <https://time.com/6984968/joe-biden-transcript-2024-interview/> (accessed: 12.06.2024).

10. 麥考爾：美對台事務上 有些陸紅線不能跨 [McCaul: There are some red lines that cannot be crossed when it comes to U.S.-Taiwan affairs]. *UDN*, 28.05.2024. Available at: <https://udn.com/news/story/6656/7992268> (accessed: 12.06.2024).

11. 唐永红. 2024年台湾“大选”结果及其影响刍议 [Tang Yonghong. A brief discussion on the results of Taiwan's 2024 “general election” and its impact]. *华夏* [Huaxia], 16.01.2024. Available at: <https://www.huaxia.com/c/2024/01/16/1870854.shtml> (accessed: 09.06.2024).

12. 习近平. 完整、准确、全面贯彻落实关于做好新时代党的统一战线工作的重要思想 [Xi Jinping. Fully, accurately and comprehensively implement the important thought on doing a good job in the party's united front work in the new era]. 《求是》 [Qiushi], 15.01.2024. Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2024-01/15/c_1130059591.htm (accessed: 09.06.2024).

13. 大陸政協主席王滄寧：沒人想打仗 就是好好交流 [CPPCC Chairman Wang Huning: No one wants to fight, just have a good exchange]. 中時 [China Times], 01.05.2024. Available at: <https://www.chinatimes.com/newspapers/20240501000309-260108?chdtv> (accessed: 09.06.2024).

14. Mainland China adviser calls for 'unilateral opening up' to Taiwan for faster unification, cites Cold War West Germany. SCMP, 30.05.2024. Available at: <https://clck.ru/3BGmfa> (accessed: 12.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОШИНА Анна Валерьевна, Anna V. VOLOSHINA, Research fellow научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН). at the Centre for Modern History of China and China-Russia Relations, the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024 / Received 15.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 30.06.2024 / Revised 30.06.2024.

Статья принята к публикации 02.07.2024 / Accepted 02.07.2024.

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024110047

EDN: YNBDES

Австралия во внешней и оборонной политике США на современном этапе

Д.А. Кочегуров

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

РИНЦ ID: 1033347 ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: d.kochegurov@iskran.ru

Резюме. В статье представлен анализ военно-политических отношений США и Австралии на современном этапе. Рассмотрены ключевые доктринальные документы, откуда становится понятно, что для усиления стратегических позиций двух стран, требуется модернизация двустороннего альянса. Рассматриваются результаты сотрудничества во внешней политике и обороне, которые свидетельствуют об эволюции американо-австралийских отношений. Особое внимание уделяется АУКУС – флагманскому проекту Индо-Тихоокеанской политики администрации Дж. Байдена. Автор приходит к выводу о новой центральной роли Австралии в системе интегрированного сдерживания Китая и в архитектуре безопасности ИТР в целом.

Ключевые слова: Австралия, АУКУС, Дж. Байден, ИТР, СОА, США, Э. Альбанезе.

Для цитирования: Кочегуров Д.А. Австралия во внешней и оборонной политике США на современном этапе. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(11): 58–75. DOI: 10.31857/S2686673024110047 EDN: YNBDES

Australia in U.S. Foreign and Defense Policy at the Present Stage

Dmitry A. Kochegurov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 1033347 ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: d.kochegurov@iskran.ru

Abstract. The article analyses the political-military relations between the United States and Australia at the present stage. The key doctrinal documents are reviewed, which make it clear that, in order to strengthen the strategic positions of both countries, modernization of the bilateral alliance is required. The results of cooperation in foreign and defense policy are examined, indicating the evolution of U.S.–Australian relations. Particular attention is paid to AUKUS – the flagship initiative of the Indo-Pacific policy of the Biden administration. The author concludes

that Australia now holds a central role in the system of integrated deterrence against China and in the overall security architecture of the Indo-Pacific region.

Keywords: Australia, AUKUS, J. Biden, IPR, ADF, USA, A. Albanese.

For citation: Kochegurov, D.A. Australia in U.S. Foreign and Defense Policy at the Present Stage. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (11): 58–75.

DOI: 10.31857/S2686673024110047 EDN: YNBDES

КОРОТКО ОБ АМЕРИКАНО-АВСТРАЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Австралия – общепризнанная средняя держава [1; 2]. Позиционирует себя в качестве региональной державы с глобальными интересами [3: v]. С населением 27 млн и 6-м местом по площади Австралия занимает в ИТР выгодное географическое положение, связывая пространства двух океанов. Будучи ресурсной державой, она входит в тройку лидеров по запасам или производству большинства полезных ископаемых. По данным МВФ за 2024 год Австралия занимает 13-е место по ВВП (1,790 млрд долл. США*). Силы обороны Австралии (СОА) постоянно развиваются. В рейтинге *Global Firepower 2024* Австралия занимает 16-е место [4]. По объёму финансирования Австралия занимает 9-е место, тратя около 52 млрд. СИПРИ (SIPRI) оценил военные расходы в 32 млрд (13-е место) [5]. Австралия импортирует большую часть вооружений, но также обладает и собственной оборонно-промышленной базой (ОПБ). Крупнейшими военно-морскими судостроителями выступают ASC и Austal, чья дочерняя компания Austal USA занимается строительством судов для ВМС США [6: 230].

Дипломатические отношения между США и Австралией были установлены в 1940 году. Основой сотрудничества в области обороны и безопасности стал «Договор безопасности АНЗЮС» («Тихоокеанский пакт безопасности»), подписанный в Сан-Франциско 1 сентября 1951 года [7]. Австралия входит в разведывательный альянс «Пять глаз» (*Five Eyes*), который эволюционировал из Соглашения о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритании – США (UKUSA) 1946 года. В 1966 году состоялся первый визит президента США Л. Джонсона в Австралию. С 1985 года регулярно проводятся консультации на уровне министров иностранных дел и обороны – АУСМИН (AUSMIN). Среди других диалоговых форматов, направленных на координацию политики в области обороны и безопасности: запущенный в 2019 году форум *Strategic Policy Dialogue* (SPD) и более широкий формат *Defense Policy and Strategy Talks* (DPST). 1 января 2005 года вступило в силу соглашение о свободной торговле (AUSFTA). Австралия является активным участником многосторонних партнёрств, а также таких мегапроектов, как Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) и Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП).

* Здесь и далее, если не указано иное, имеются в виду доллары США.

Отдельно стоит отметить трёхстороннее взаимодействие с Японией, которое выглядит наиболее зрелым и сконцентрированным на фоне растущего числа минилатеральных группировок. Лидеры трёх стран регулярно подчёркивают важность этого «треугольника», а некоторые эксперты считают его внутренним ядром американской системы «ступицы и спиц» (*hub and spokes*) и ярким примером «стратегического минилатерализма» в рамках всей архитектуры безопасности ИТР [8]. Другим региональным группировкам также уделяется внимание, но они не могут сравниться по степени совпадения интересов, ценностей и главных военных возможностей трёх стран.

Из механизмов коллективной безопасности с участием Австралии, США и Японии можно назвать: трёхсторонний стратегический диалог (*TSD*) 2002 года; трёхсторонние встречи министров обороны (*TDMM*) 2012 года; трёхстороннее партнёрство по координации инвестиций в инфраструктуру (*Trilateral Partnership for Indo-Pacific Infrastructure Investment*), анонсированное в июле 2018 года и трёхстороннее инфраструктурное партнёрство (*TIP*); инициативу «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network, BDN*), от 2019 года для сертификации качества инфраструктурных проектов.

6 января 2022 года Австралия и Япония подписали Соглашение о взаимном доступе (*Reciprocal Access Agreement, RAA*), вступившее в силу в августе 2023 года. Договор установил юридические рамки для совершения военнослужащими взаимных визитов и повысил оперативную совместимость ВС двух стран. В октябре 2022 года вышло совместное заявление о возобновлении *TIP*. 22 октября 2022 года представлена Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности, улучшенная версия декларации 2007 года. Действующий премьер-министр Э. Альбанезе отметил, что этот знаковый документ направляет региону мощный сигнал о стратегической сплочённости альянса. В июне 2023 года Австралия и Япония подписали Меморандум о сотрудничестве в области оборонных исследований. Полноценного двустороннего соглашения достигли 23 января 2024 года, а в мае присоединились США. Параллельно министры обороны Австралии, США, Японии и Филиппин провели первую четырёхстороннюю встречу на полях саммита «Диалог Шангри-Ла» в Сингапуре.

Интенсификация многосторонних связей сопровождается проведением совместных военно-морских учений: ещё с 1971 году Австралия участвует в крупнейших в мире военно-морских учениях *RIMPAC*; с 2005 года каждые два года у восточного побережья Австралии проводятся учения «Сабля-талисман» (*Talisman Sabre*); а в октябре 2023 года в Южно-Китайском море с участием англосаксонских союзников и Японии состоялись учения «Северный олень» (*Noble Caribou*). На территории Австралии действуют три военные базы США: важнейший разведывательный объект США Пайн-Гэп (*Pine Gap*) в Алис-Спрингс (1966); военно-морская база на западе в Эксмауте (1967); военная база на севере в Дарвине (2001).

Таким образом, США и Австралия имеют долгую и богатую историю сотрудничества. Однако возросшие опасения Вашингтона и Канберры по поводу действий Пекина заставили союзников задуматься о модернизации альянса. В Австралии наблюдается широкий разброс мнений по поводу адекватного ответа на китайский вызов [9]. В официальных правительственных кругах растёт понимание угрозы: достаточно вспомнить предпринятые меры по блокированию приобретения китайскими компаниями критически важной инфраструктуры; создание Наблюдательного совета по иностранным инвестициям (*FIRB*) в 2017 году; принятие закона «О шпионаже и иностранном вмешательстве» в 2018 году; запрет компаниям «Хуавей» (*Huawei*) и «Чжунсин» (*ZTE*) участвовать в развёртывании инфраструктуры пятого поколения мобильной связи (5G) и другие шаги. Но в деловых и образовательных кругах, а иногда и в политических кругах, о китайской угрозе рассуждают с меньшим энтузиазмом.

К тому же между самими союзниками есть некоторые расхождения. Динамика альянса во многом определяется географией и несопоставимыми геополитическими амбициями и статусом. США поддерживают либеральный миропорядок на протяжении более семи десятилетий. Австралия, будучи средней державой, часто адаптируется к глобальной повестке, а не формирует её. Теперь, когда США и Австралия вместе столкнулись с растущим Китаем, эта динамика по-разному влияет на их ответные меры и политический выбор. США более склонны вносить коррективы в отношениях с великими державами, тогда как Австралия предпочитает действовать постепенно. С точки зрения Канберры, это позволяет оценить как приверженность Вашингтона своим обещаниям, так и возможную ответную реакцию Пекина. На экономическом фронте Австралия опасается поддерживать широкое наступление на Китай. Что касается международных институтов, Австралия больше заинтересована в их сохранении. Наконец, США, как правило, спокойнее воспринимают или просто привыкли к критике в свой адрес. Австралия предпочитает, чтобы её считали хорошим соседом и ответственным гражданином региона, и поэтому усерднее работает над поиском консенсуса, прежде чем действовать.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИИ

Австралийская внешняя и оборонная политика проецируется на двух уровнях: «внутреннее кольцо», включающее Южную часть Тихого океана и морские территории Юго-Восточной Азии, и «внешнее кольцо», охватывающее ИТР и остальной мир [2]. В «Белой книге по внешней политике» (*Foreign Policy White Paper*) 2017 года говорится, что геостратегический ландшафт изменился сильнее, чем когда-либо с начала холодной войны. Более чем когда-либо Австралия

должна быть суверенной, а также брать на себя ответственность за свою безопасность и процветание [3: iii]. В качестве первой из пяти целей декларируется формирование открытого, инклюзивного и процветающего ИТР [3: 3]. Ключевое место отводится союзу с США, чьё мировое лидерство Австралия решительно поддерживает, а также развитию отношений с Японией, Индонезией, Индией и Южной Кореей. Говорится об использовании региональными акторами экономического влияния в политических целях и об усилении конкуренции, особенно в области инфраструктурных проектов [3: 26]. Несмотря на экономические связи стран ИТР, торговля и инвестиции, которые раньше способствовали ограничению стратегического соперничества, теперь стимулируют его, что ведёт к милитаризации ИТР. Всё это противоречит интересам Австралии и требует от правительства модернизировать СОА, вести себя более активно и решительно в поддержании регионального баланса сил [3: 27].

В «Белой книге по обороне» (*Defence White Paper*) 2016 года говорится, что усиление конкуренции великих держав – США и Китая – будет оставаться определяющим фактором в условиях стремительной трансформации ИТР до 2035 года [10: 15]. Интересно, что идея «мирового порядка, основанного на правилах», стала приоритетом австралийской политики и как формулировка была введена именно в этом документе. Обозначены три стратегических императива: обеспечение безопасности в случае агрессии враждебной державы, безопасности в ЮВА и южной части Тихого океана, стабильного ИТР и основанного на правилах миропорядка [10: 17]. Достигнуто это будет за счёт увеличения военного бюджета до 2% ВВП к 2020–2021 годам и беспрецедентных инвестиций в оборонный потенциал в \$195 млрд в течение 10 лет [10: 9]. В документе изложен самый амбициозный план восстановления ВМС со времён Второй мировой войны [10: 10]. В список запланированных закупок техники и вооружений в течение 20 лет вошли: 12 новых подлодок на замену подлодок класса «Коллинз», спроектированных в конце 1980-х; 8 самолётов морского наблюдения «Боинг» P-8 «Посейдон», (*Boeing P-8 Poseidon*) и ещё 7 самолётов аналогичной конструкции; 12 надводных кораблей; 12 патрульных катеров; 7 БПЛА MQ-4C «Тритон» (*Triton*); 72 истребителя F-35A «Молния II» (*Lightning II*). В целом перспективам развития ВПК как точке роста экономики уделено достаточно много внимания. В дополнение был принят «План оборонно-промышленного потенциала», в котором изложена 10-летняя комплексная инвестиционная программа (*2016 Integrated Investment Program*).

«Белой книге по обороне» предшествовал «Обзор по вопросам обороны» (*Defence Force Posture Review*) 2014 года, где чётко прослеживается разделение функций с США: у себя на «заднем дворе» в регионе «непосредственной вовлечённости» (*immediate neighbourhood*) Канберра намерена действовать самостоятельно, тогда как в других районах – в составе коалиций с США. Как заявил премьер-министр С. Моррисон (2018–2022 годы) в ноябре 2018 года, Канберра вернёт Тихий

океан туда, где он должен быть – в центр стратегических инициатив Австралии. Ставка сделана на развитие ВМС, которые должны представлять собой «основательную и гибкую силу» (*credible and flexible force*).

1 июля 2020 года были утверждены «Обновление оборонной стратегии» (*Defence Strategic Update*) на период с 2020 по 2030 год [11] и «План структуры вооружённых сил» (*Force Structure Plan*) [12]. В своём выступлении С. Моррисон и министр обороны Л. Рейнольдс заявили о решимости правительства добиваться трёх поставленных целей: формировать (*shape*), сдерживать (*deter*), отвечать (*respond*). В документах было сказано о необходимости адаптации к стратегической среде, которая меняется намного стремительнее, чем прогнозировалось ранее. Одним из факторов изменений названо развитие технологий, обеспечившее появление новых видов вооружений. Китай недвусмысленно занял центральное место в этой мрачной оценке, хотя формально речь шла о странах, которые преследуют свои стратегические интересы, пренебрегая основанным на правилах миропорядком. Говорилось о повышенном риске конфликта между государствами, а также об угрозах, возникающих в «серой зоне». Всё это ставит вопрос о применении «сдерживания путём наказания» (*deterrence by punishment*), которое дополняет «сдерживание путём отрицания» (*deterrence by denial*) направленное лишь на демонстрацию противнику своей силы. Для защиты от внешних угроз в непосредственной близости от своего «ближайшего региона» (*immediate region*) Австралия приобретёт у США ракеты большой дальности. Было обещано выделение на нужды обороны 397,4 млрд, в том числе 187,25 млрд на техническое оснащение СОА. Как подытожили эксперты, хотя и допускается участие в составе коалиций, сама возможность ведения боевых действий в одиночку с опорой на собственные силы означает водораздел, переломный момент в стратегическом мышлении австралийцев [13].

Во внешней и оборонной политике Австралии наблюдается значительная преемственность. В результате выборов в мае 2022 года пришло лейбористское правительство, заявившее о своей поддержке увеличения расходов на оборону и о крупных инвестициях в рамках АУКУС. Несмотря на приверженность нового правительства восстановлению отношений с Китаем, оно не может себе позволить, чтобы стабилизация стала самоцелью. Правительство Э. Альбанезе продолжает придерживаться той же линии в отношении иностранного вмешательства, инвестиций и кибербезопасности, продвигает идею о том, что Австралии нужна мощная армия, и форсирует сотрудничество с США в ИТР [14].

В апреле 2023 года был опубликован «Стратегический обзор обороны» (*Defense Strategic Review, DSR*) на период 2023–2033 годов, поданный как наиболее существенный и амбициозный проект реформы в области обороны со времён Второй мировой войны (62 рекомендации) [15; 16].

Целый раздел был посвящён новой геополитической обстановке: авторы призывают к сотрудничеству с США и фокусируются на растущей угрозе, исходящей от Китая. В отличие от предыдущих документов, здесь даётся предельно чёткая оценка восприятия угроз в Канберре. Указывается, что ни одна страна со времён Второй мировой войны не осуществляла такого наращивания военной мощи, как Китай. Благодаря достижениям Китая США больше не расцениваются в качестве однополярного лидера ИТР. В ИТР вернулось стратегическое соперничество крупных держав, и его интенсивность следует воспринимать как определяющий тренд. Более того, отдалённое географическое положение Австралии не оградит её, так что необходимо приспособиться к быстро меняющейся стратегической среде. Содержится вывод о том, что СОА не соответствуют своему назначению, и потому нужно сменить приоритеты и нарастить внутреннее оборонное производство.

В ходе презентации документа министр обороны Р. Марлз обозначил шесть направлений, на которых требуется сосредоточиться: развитие атомного подводного флота; обеспечение возможности нанесения ударов большой дальности; наращивание потенциала СОА; внедрение инновационных технологий в военной сфере; инвестиции в личный состав; усиление оборонного сотрудничества с соседями.

Китай назван главной военной угрозой, в связи с чем содержится призыв к переходу к «военному планированию, основанному на угрозах» (*threat-based planning*). Австралия откажется от концепции «Защита Австралии» (*Defense of Australia*), которая фокусируется на конфликтах низкого уровня между малыми и средними державами, в пользу нового подхода к определению потенциальных угроз, возникающих при конкуренции крупных держав. Рекомендуются внести изменения в структуру СОА с внедрением «стратегии отрицания» (*strategy of denial*), которая заменит «сдерживание через отрицание» (*deterrence through denial*), и сводится к предотвращению проецирования противником военного потенциала или ограничению его перемещений за счёт новых возможностей подводной войны, ракетного удара большой дальности, а также интегрированной системы ПВО и ПРО. Ради этого будет осуществлён переход от «сбалансированных сил» к «сфокусированным силам», которые предназначены для устранения серьёзных военных рисков. СОА будут уделять приоритетное внимание не «ряду непредвиденных обстоятельств» (*a range of contingencies*), а наиболее значительным военным угрозам и реагировать соответствующим образом. Для этого СОА должны эволюционировать в «интегрированные силы», охватывая все пять военных областей. Уделяется внимание новым возможностям асимметричной войны (подводное и гиперзвуковое оружие) для нивелирования сильных сторон противника.

Авторы «Стратегического обзора обороны» придерживаются взвешенного подхода к структуре СОА и госзакупкам. Ключевой темой является создание

атомного подводного флота. Это изменит общий потенциал Австралии – особенно ВМС – и обеспечит то, что Р. Марлз назвал «эффективным проецированием» (*impactful projection*). «Обзор» подтверждает, что необходимы как большие инвестиции, так и компромисс между желаниями и возможностями. Австралийской ОПБ потребуются новые мощности, включая верфи, заводы и логистические службы. Ключевой вопрос заключается в финансировании: санкционированы дополнительные расходы на оборону на сумму 42 млрд с 2020 года, включая 1,9 млрд на АУКУС.

По мнению экспертов Фонда «Наследие», «Стратегический обзор обороны» является ответом на меняющуюся обстановку, а также на наращивание военной мощи и агрессивные действия Китая, и возросшую активность Пекина в регионе. Поскольку США и Китай оказались в новой холодной войне, Австралия вместе с союзниками может сыграть решающую роль в защите свободного и открытого ИТР. Бездействуя, Австралия рискует уступить влияние в Тихом океане Китаю и поставить под угрозу свою национальную безопасность [17].

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ОБОРОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

За последние несколько лет в отношениях США и Австралии произошёл сдвиг, вызванный активизацией сети альянсов и партнёрств США. В Индо-Тихоокеанской стратегии США говорится о новых ориентирах: объединении ОПБ, интеграции цепочек поставок, совместной разработке технологий [18: 13]. Путь к достижению этого проходит через модернизацию альянса с Австралией и партнёрство АУКУС. В сентябре 2021 года на встрече с С. Моррисоном «на полях» ООН Дж. Байден признался, что у США нет более близкого и надёжного союзника, чем Австралия [19]. С Э. Альбанезе у Дж. Байдена сложились очень хорошие отношения благодаря общей позиции (на фоне колебаний С. Моррисона) по изменению климата и переходу к «зелёной» энергетике. Первый заместитель госсекретаря, бывший координатор по Индо-Тихоокеанскому региону при Совете национальной безопасности и один из главных «архитекторов» внешней политики в Азии К. Кэмпбелл обозначил, что США намерены продвигаться вперёд в ИТР вместе с Австралией. Уже на первой странице СНБ-2022 упомянут блок АУКУС [20]. Всё это говорит о кратно возросшей роли Австралии в системе интегрированного сдерживания Китая, что США выстраивают и чему уделяют первоочередное внимание.

При Дж. Байдене Вашингтон предложил Канберре центральную роль в новой архитектуре безопасности в ИТР [21: 14]. Продолжаются переговоры о Стратегическом форуме *D-10* (инициатива Госдепа и Атлантического совета) во что гипотетически может эволюционировать Группа семи (G7) с добавлением Австралии, Индии и Южной Кореи. Австралия входит в «четвёрку» (QUAD). Накануне

четвёртого саммита «четвёрки» в Токио в мае 2022 года Австралия стала одним из 13 учредителей ИТЭС (*IPEF*) – альтернативы ТПП. Через месяц в июне Австралия вошла в объединение «Партнёры в голубом Тихом океане» (*PBP*) ради укрепления связей с островными государствами Тихого океана. Это произошло на фоне соглашения о сотрудничестве в области безопасности между Китаем и Соломоновыми островами, тогда как главным стратегическим императивом Австралии, согласно конституции 1901 года, является доминирование в южной части Тихого океана. В сентябре был проведён первый саммит объединения «Партнёры в голубом Тихом океане» в Вашингтоне.

В сентябре 2021 года было объявлено о создании АУКУС. Как заявил пресс-секретарь Пентагона Дж. Кирби, США обсуждают возможность увеличить своё ротационное присутствие в Австралии, однако никакого окончательного решения на этот счёт не было принято и, как ожидается, обсуждение этого вопроса будет продолжаться. По итогам параллельной встречи на уровне министров иностранных дел и обороны – АУСМИН – было принято только одно решение: о предоставлении Австралии технологий строительства атомных подводных лодок (АПЛ) в рамках АУКУС.

2022 год придал новый мощный импульс модернизации американо-австралийского альянса. В июле состоялся первый визит в США члена нового правительства Австралии. Как отметил после встречи с Л. Остином и Дж. Салливаном вице-премьер Р. Марлз: «У нас есть чувство общей миссии» в момент, когда основанный на правилах миропорядок находится под давлением [22]. Более детально обсуждались вопросы синхронизации ОПБ двух стран и обеспечения слаженной работы военных.

В декабре на 32-й встрече АУСМИН стороны договорились увеличить ротационное присутствие ВС США в Австралии и инвестиции в военную инфраструктуру, включая приоритетные базы на севере [23]. При этом Л. Остин заявил, что страны могут «сами определять своё будущее». Также стороны обсудили переход к возобновляемым источникам энергии, реализацию инфраструктурных проектов в ИТР в рамках трёхстороннего инфраструктурного партнёрства и возможность приглашения Японии для размещения своих вооружённых сил в Австралии в рамках «Инициативы по перестановке сил» (*Force Posture Initiatives, USFPI*). Инициатива была запущена в 2021 году согласно Соглашению о положении силы (*Force Posture Agreement*), подписанному в августе 2014 года и по которому американские военнослужащие проходят службу в Австралии [24]. Впервые была выражена сильная обеспокоенность по поводу наращивания ядерного арсенала Китаем.

Ещё более насыщенным на события стал 2023 год. В марте Э. Альбанезе совершил свой первый визит в США при Дж. Байдене, приуроченный к третьему саммиту АУКУС. Было объявлено о планах обеспечить ротационное присутствие

одной британской подлодки «Астют» (*Astute*) и четырёх американских подлодок «Вирджиния» (*Virginia*) на базе Стирлинг недалеко от Перта в рамках «Ротационные силы подводных лодок – Запад» (*Submarine Rotational Forces-West, SRF-West*) [25].

Через два месяца, в мае, на саммите Группы семи в Хиросиме стороны встретились вновь и обозначили, что их партнёрство, длиною более чем в сто лет, основано на общей приверженности поддержке открытого, стабильного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона, а также мирного, инклюзивного и основанного на правилах миропорядка [26]. Политики отметили прогресс в реализации планов АУКУС, а также размещение ВС США в рамках «Инициативы по перестановке сил». Дж. Байден пообещал обратиться к Конгрессу с просьбой включить Австралию в список «внутренних источников» (*domestic source*) согласно разделу III закона «Об оборонном производстве», что упростит коллаборацию двух стран.

Фоном для встречи стала отмена пятого майского саммита «четвёрки» в Сиднее, задуманного как крупнейшее международное политическое событие в Австралии с момента проведения саммита Группы двадцати (G20) в Брисбене в 2014 году (шестой саммит в Нью-Дели в январе 2024 года также перенесён). Лидеры всё же встретились «на полях» Группы семи, однако отсутствие Дж. Байдена вызвало дебаты о заинтересованности США в альянсе и необходимости для Австралии диверсифицировать свои внешнеполитические связи в сфере безопасности [27]. После отмены поездки в Сидней Дж. Байден извинился и пригласил Э. Альбанезе в США.

На 33-й встрече АУСМИН в июле 2023 года, во время беспрецедентных военных учений, стороны объявили об укреплении ротационного присутствия вооружённых сил США, увеличении числа заходов американских подлодок в австралийские воды и совместном производстве РСЗО (GMLRS) к 2025 году, а также боеприпасов, в частности 155-мм артиллерийских снарядов M795. Это подчёркивает интерес США к производственным возможностям Австралии [28]. Заявлено, что полным ходом идёт работа по модернизации баз ВВС Австралии: Дарвин и Тиндал на севере, а также в новых местах Шергер и Кертин. Также было объявлено о расширении сотрудничества в космосе, что Р. Марлз назвал «ключевым элементом военного и оборонного сотрудничества», и что открывает новые возможности для военно-технической кооперации.

В октябре 2023 года в ходе официального визита Э. Альбанезе в Вашингтон (первого с визита С. Моррисона в сентябре 2019 года), было заявлено о новой эре стратегического сотрудничества [29]. Если на встрече в Хиросиме двусторонний союз был описан как «Альянс нашего времени», то в этот раз заговорили про «Инновационный альянс». Было отмечено, что две страны неразрывно связаны общими демократическими ценностями и тремя столпами альянса: обороной,

экономикой, а также сотрудничеством в области изменений климата и получения экологически чистой энергии. Отмечены инвестиции «Майкрософт» (*Microsoft*) в объёме 3 млрд. Одобрено новое соглашение о гарантиях в области технологий (*Technology Safeguards Agreement*), обеспечивающее правовую и техническую основу для запуска американских космических ракет с территории Австралии. Как сказал Э. Блинкен: «У американцев появятся блестящие коллеги из Австралии». Также ведутся переговоры о рамочном соглашении по расширению сотрудничества в космосе. Стороны приветствовали реализацию австралийско-японского Соглашения о взаимном доступе, которое предоставило Австралии возможность участия в учениях вооружённых сил Японии и США “*Yama Sakura*” и “*Keen Edge*”, и пообещали рассмотреть перспективы трёхстороннего сотрудничества с Японией в области БПЛА.

Следующим шагом стало подписание в Кремниевой долине министрами обороны трёх стран нового соглашения по расширению технологического сотрудничества и обмена информацией в декабре 2023 года.

Стоит добавить, что взаимодействие США и Австралии поддерживается тесным сотрудничеством ВПК двух стран. В 2013 году вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в области обороны и торговли (*Defence Trade Cooperation Treaty, DTCT*) подписанное в 2007 году. В 2017 году Конгресс США внёс Австралию и Великобританию в Национальную технологическую и промышленную базу (*NTIB*), которая предоставит законодательные преференции в приобретении вооружений, но с оговоркой, что такие правила, как «Покупай американское» сохраняют свою силу. В апреле 2024 года Министерство торговли США сообщило, что ослабит требования экспортного контроля для Австралии и Великобритании. Важно, что Австралия является вторым по величине рынком экспорта оборонной продукции США, особенно в области расширения возможностей ВМС. С 2003 по 2021 год на экспорт в Австралию были поставлены 14 самолётов «Боинг» P-8 «Посейдон», 300 противолодочных торпед 324-мм Mk-54 МАКО, 6 БПЛА MQ-4C «Тритон», 24 вертолёт MH-60R «Си хок» (*Seahawk*) и 500 зенитных ракет RIM-162 ESSM. Австралия также активно закупает истребители F-35 [30]. В свою очередь, в апреле 2022 года ВВС США объявили о замене парка «Боинг» E-3 «Сентри» (*Sentry*) на Boeing E-7 Wedgetail. Кроме того, крупный оборонный подрядчик BAE Systems Australia совместно с США разработал один из популярных экспортных товаров австралийского ВПК – ракету для постановки активных помех MK-53 Nulka.

Не обходится и без препятствий: партнёры не должны нарушать законы и правила экспортного контроля, такие как Правила международной торговли оружием (ITAR) [31]. Есть и свои сложности в сроках реализации планов по нескольким причинам. Компании, как правило, не желают брать на себя финансовые риски без долгосрочных контрактов. Кроме того, существуют ограничения в квалифицированной рабочей силе и цепочках поставок, сдерживающие

производство оружия и боеприпасов. Альянсу также не хватает адекватных производственных мощностей и существующих запасов ракет для поддержания интенсивного конфликта. Наконец, эксперты отмечают амбициозные сроки выполнения планов.

АУКУС

15 сентября 2021 года было объявлено о создании трёхстороннего пакта безопасности АУКУС в составе Австралии, Великобритании и США. Это историческое и взаимовыгодное соглашение. Для Великобритании, уже имевшей опыт участия в Пятистороннем соглашении об обороне АНЗЮК 1971 года, АУКУС – прекрасный способ укрепить своё присутствие в ИТР в русле стратегии «Глобальная Британия». Австралийская сторона должна быть довольна уже тем фактом, что США поделились своей ядерной технологией с союзником впервые с подписания Договора о взаимной обороне 1958 года. Однако это потребовало от Австралии отказа от контракта с французской компанией *DCNS* на постройку атомных подводных лодок проекта «Барракуда» класса «Атака» (*Shortfin Barracuda – Attack*). С. Моррисон оценил соглашение как величайшую инициативу в области безопасности за последние 70 лет и заявил, что несмотря на увеличение оборонных расходов Австралии до 2% ВВП, инвестиции будут только расти. В заявлении говорится, что, руководствуясь общими идеалами и приверженностью миропорядку, основанному на правилах, участники полны решимости углубить сотрудничество в ИТР для ответа на вызовы XXI века [32]. Там же указано, что в качестве первой инициативы АУКУС верные своим традициям «морские демократии» обязуются поддержать Австралию в строительстве атомного подводного флота.

АУКУС создавался на фоне экспоненциального роста военной мощи Китая и его более наступательной внешней политики, что усилило обеспокоенность по поводу безопасности в ИТР и побудило членов альянса согласовать свои стратегии и ответить на вызовы, создаваемые Китаем. По сути, АУКУС – это ставка на то, что за счёт интеграции ОПБ и улучшения оперативной совместимости новое соглашение расширит возможности трёх стран, пошлёт Пекину сигнал о том, что его действия имеют пределы, и в конечном счёте укрепит стабильность в ИТР.

Но дело не только в субмаринах и оснащении австралийских эсминцев крылатыми ракетами «Томахок» (*Tomahawk*). Реальный потенциал заключается в том, что альянс был создан как механизм обмена информацией и новейшими технологиями в условиях стратегической конкуренции с Китаем, где решающую роль будет играть технологическая гонка, которая разворачивается как нигде более остро чем в ИТР [33]. Исследования показывают, что Китай лидирует во многих критически важных технологиях. В этом контексте союз задуман своевременно и имеет большой потенциал [34].

Сотрудничество в рамках АУКУС развивается по двум трекам (столпам) [35]. Цель *Pillar I* – поддержка Австралии в приобретении АПЛ классов «Вирджиния» и «Астют» и создание новых АПЛ класса *SSN-AUKUS*. Цель *Pillar II* – укрепление совместных возможностей и функциональной совместимости. Для ускорения реализации планов были предложены три меры: законодательные инициативы, упрощающие торговлю; внедрение инноваций в систему регулирования; создание общих стандартов экспортного контроля. Создано 17 трёхсторонних рабочих групп. Масштабы сотрудничества в сфере высоких передовых технологий просто огромные: кибернетика, ИИ, квантовые технологии и дополнительные подводные возможности. Через несколько месяцев были добавлены ещё четыре области: гиперзвук, радиоэлектронная борьба (РЭБ), инновации и обмен информацией.

Первый саммит АУКУС был организован в сентябре 2021 года в формате видеоконференции. В апреле 2022 года состоялся второй саммит, где были отмечены следующие достижения: обмен информацией в рамках вступившего в силу 8 февраля 2022 года Соглашения об обмене информацией о военно-морских ядерных двигательных установках (*ENNPIA*); выводы Объединённой руководящей группы (*Joint Steering Group*) от 28 февраля о состоянии инфраструктуры; подготовка рабочей силы; объявление 7 марта о планах по созданию новой базы подлодок на восточном побережье Австралии к 2027 году; подготовка верфи для строительства АПЛ в Осборне (Южная Австралия); заключение генерального директора МАГАТЭ 7 марта о приверженности АУКУС соблюдению самых высоких стандартов нераспространения и гарантий [36].

В марте 2023 года на третьем саммите, на военно-морской базе в Сан-Диего, было объявлено о трёхсторонней разработке новых АПЛ класса *SSN-AUKUS* и об «оптимальном пути» их доставки в Австралию [37]. Дж. Байден отметил, что мир на переломном этапе истории, и у США нет лучше союзников в ИТР, чем Австралия и Великобритания. Э. Альбанезе предвосхитил новую главу в отношениях между тремя странами, назвав АУКУС крупнейшей инвестицией в оборонный потенциал Австралии, и провёл историческую аналогию: как создание автопрома подняло весь производственный сектор, так и новые инвестиции станут катализатором инноваций и исследовательских прорывов, которые отразятся на всей экономике. Важно, что была принята дорожная карта реализации планов: обучение личного состава и модернизация инфраструктуры военно-морской базы Стерлинг; ротационное присутствие в Австралии АПЛ США и Великобритании, а именно группировки подводных лодок классов «Астют» и «Вирджиния» в рамках «Ротационные силы подводных лодок – Запад» к 2027 году; в начале 2030-х годов – покупка Австралией трёх подлодок класса «Вирджиния» с возможностью приобрести ещё две; а к началу 2040-х годов – совместная разработка нового поколения подлодок.

Стоит добавить, что ради ускорения этой программы в октябре 2023 года Министерство обороны Великобритании заключило серию контрактов на сумму 4 млрд фунтов стерлингов (4,8 млрд долл.) с ведущими британскими компаниями «БАЭ Системз» (*BAE Systems*), «Роллс-Ройс» (*Rolls-Royce*) и «Бэбкок Марин» (*Babcock Marine*). Вслед за тем в марте 2024 года Австралия и Великобритания подписали соглашение, расширяющее партнёрство в области обороны и безопасности [38].

Из последних новостей, связанных с развитием блока АУКУС и в целом сотрудничеством США и Австралии, стоит отметить проведение пятого форума в феврале в Гонолулу и очередной встречи в мае.

В заявлении министров обороны от 8 апреля были отмечены следующие достижения: в рамках *Pillar I* – выбор австралийской судостроительной корпорации (АСК – *ASC Pty Ltd*) и «БАЭ Системз» в качестве партнёров по строительству АПЛ; визит подлодки «Аннаполис» (*USS Annapolis*) на базу Стирлинг в марте; подготовка нормативно-правовой базы для передачи и строительства АПЛ к концу 2023 года; первая стажировка сотрудников АСК на верфи Пёрл-Харбора после принятия закона «О полномочиях в сфере национальной обороны» (*National Defense Authorization Act, NDAA*) на 2024 год. В рамках *Pillar II* были отмечены следующие инициативы: мероприятие «Сеть оборонных инвесторов» 28 февраля; гармонизация законодательства; оптимизация свободной торговли оборонной продукцией через такие механизмы, как закон «О полномочиях в сфере национальной обороны», *DTC Act (Defence Trade Controls Amendment Act 2024)*, *OGEs (Open General Export License Program)*; укрепление связей между оборонно-промышленными комплексами с проведением 9 апреля Отраслевого форума расширенных возможностей (*ACIF*); запуск первого коммерческого проекта серии «Инновационный вызов» 26 марта; обучение военнослужащих и привлечение новых членов [39].

На фоне перехода альянса ко второй фазе своего развития участились слухи о возможном расширении альянса. Хотя Э. Альбанезе заявил, что: «Пока не предлагается расширить число членов АУКУС». 9 апреля 2024 года стало известно, что Южная Корея, Канада и Новая Зеландия рассматриваются в качестве партнёров *Pillar II*. Заявление прозвучало на следующий день после того, как министры обороны трёх стран сообщили о партнёрстве с Японией (разработка гиперзвукового оружия и истребителей нового поколения). На саммите в Вашингтоне Дж. Байден объявил, что США, Япония и Австралия создадут архитектуру совместной ПВО и ПРО к 2027 году, а также ожидают проведения первых трёхсторонних учений с применением истребителей *F-35* [40]. Соответствующее соглашение о продвижении сотрудничества в сфере современных оборонных технологий подписали по итогам тринадцатой встречи трехсторонней встречи министров обороны США, Японии и Австралии 2 мая на Гавайях. В тот же день была проведена вторая в истории встреча Минобороны четырёх стран с подключением Филиппин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США и Австралия имеют долгую и богатую историю сотрудничества. На фоне других минилатеральных группировок с участием двух стран стоит отметить трёхстороннее взаимодействие с Японией – внутреннее ядро американской системы «ступицы и спиц» и возможная основа перехода к новой архитектуре безопасности в ИТР, где союзники и партнёры США более тесно взаимодействуют друг с другом.

Содержание стратегических документов США и Австралии становится всё более похожим. Изменения в австралийском военном планировании, несмотря на приход нового лейбористского правительства Э. Альбанезе, говорят о готовности политического руководства повысить статус Австралии на международной арене сыграть важную роль в системе интегрированного сдерживания Китая.

Внешняя политика двух стран, конкретные результаты сотрудничества в области обороны и безопасности последних лет свидетельствуют об эволюции американо-австралийского альянса, вступающего в период трансформации.

АУКУС – флагман индо-тихоокеанской политики администрации Дж. Байдена. Согласно заявленным целям, деятельность союза сосредоточена на передаче Австралии АПЛ и сотрудничестве в сфере высоких технологий. Однако не исключено, что в будущем альянс, изначально задуманный как проект, ориентированный на Австралию, трансформируется во что-то качественно новое с расширением состава участников.

ИСТОЧНИКИ

1. A Balancing Act. *Clingendael Institute*. 2018–2019. Available at: <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/> (accessed 10.05.2024).
2. No Longer a Middle Power. *IFRI*. September 2019. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/focus-strategique/no-longer-middle-power-australias-strategy-21st> (accessed 10.05.2024).
3. 2017 Foreign Policy White Paper. *DFAT*. Available at: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (accessed 10.05.2024).
4. 2024 Military Strength Ranking. *Global Firepower*. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed 10.05.2024).
5. Trends in World Military Expenditure, 2023. *SIPRI*. April 2024. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-04/2404_fs_milex_2023.pdf (accessed 10.05.2024).
6. The Military Balance 2023. Routledge, 2023.

7. Australia and the United States. Available at: <https://usa.embassy.gov.au/australia-and-united-states> (accessed 10.05.2024).
8. U.S.-Japan-Australia Trilateralism. *Asia Policy*. National Bureau of Asian Research. Volume 19. Number 2. April 2024. pp. 159–185.
9. The future of the US-Australia alliance in an era of great power competition. USSC. June 13, 2019. Available at: <https://www.ussc.edu.au/the-future-of-the-us-australia-alliance-in-an-era-of-great-power-competition#footnote-def-25> (accessed 20.05.2024).
10. Defence White Paper. Available at: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed 20.05.2024).
11. 2020 Defence Strategic Update. Available at: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update> (accessed 20.05.2024).
12. 2020 Force Structure Plan. Available at: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-force-structure-plan> (accessed 20.05.2024).
13. Australia's serious strategic update. *IISS*. July 3, 2020. Available at: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2020/07/apacific-australia-defence-update/> (accessed 20.05.2024).
14. How Australia's relationship with China went down, and then up again, and what comes next. *Australia - Asia Society*. October 22, 2023. Available at: <https://asiasociety.org/australia/how-australias-relationship-china-went-down-and-then-again-and-what-comes-next> (accessed 30.05.2024).
15. National Defence: Defence Strategic Review 2023. Available at: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed 30.05.2024).
16. Australia's 2023 Defence Strategic Review. *IISS*. May 2023. Available at: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2023/australias-2023-defence-strategic-review/> (accessed 30.05.2024).
17. Eye on China: Australia's Proposed Defense Reforms Are a Step in the Right Direction. *The Heritage Foundation*. June 14, 2023. Available at: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/eye-china-australias-proposed-defense-reforms-are-step-the-right> (accessed 30.05.2024).
18. Indo-Pacific Strategy. *The White House*. February 2022. 19 p.
19. Remarks by President Biden and Prime Minister Morrison of Australia Before Bilateral Meeting. *The White House*. September 21, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/09/21/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-morrison-of-australia-before-bilateral-meeting> (accessed 30.05.2024).
20. 2022 National Security Strategy. *The White House*. 48 p. October 12, 2022 Biden-Harris Administration's National Security Strategy.pdf (whitehouse.gov) (accessed 10.06.2024).
21. 2022 National Defense Strategy. *U.S. Department of Defense*. 80 p. October 27, 2022. 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review (accessed 10.06.2024).

22. Australian Official Sees Shared Mission with U.S. *U.S. Department of Defense*. July 18, 2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3096768/australian-official-sees-shared-mission-with-us/> (accessed 10.06.2024).

23. Joint Statement on Australia-U.S. Ministerial Consultations (AUSMIN) 2022. *DFAT*. Available at: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/joint-statement-australia-us-ministerial-consultations-ausmin-2022> (accessed 10.06.2024).

24. United States Force Posture Initiatives. Available at: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/programs-initiatives/united-states-force-posture-> (accessed 10.06.2024).

25. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines. *The White House*. March 13, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines> (accessed 10.06.2024).

26. Australia-United States Joint Leaders' Statement – An Alliance for our Times. *The White House*. May 20, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/australia-united-states-joint-leaders-state-ment-an-alliance-for-our-times/> (accessed 10.06.2024).

27. Australia and the US Under Albanese. *AIIA*. May 24, 2023. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/australia-and-the-us-under-albanese-relations-renewed-but-challenges-remain/> (accessed 20.06.2024).

28. Joint statement on Australia-United States Ministerial Consultations (AUSMIN) 2023. Available at: <https://www.minister.defence.gov.au/statements/2023-07-29/joint-statement-australia-united-states-ministerial-consultations-ausmin-2023> (accessed 20.06.2024).

29. United States-Australia Joint Leaders' Statement Building an Innovation Alliance. *The White House*. October 25, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/25/united-states-australia-joint-leaders-statementbuilding-an-innovation-alliance/> (accessed 20.06.2024).

30. Growing Challenges, Rising Ambitions. *CSIS*. December 1, 2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/growing-challenges-rising-ambitions-ausmin-2022-and-expanding-us-australia-cooperation> (accessed 20.06.2024).

31. Breaking the barriers. *USSC*. May 17, 2023. Available at: <https://www.ussc.edu.au/breaking-the-barriers-reforming-us-export-controls-to-realise-the-potential-of-aukus> (accessed 20.06.2024).

32. Joint Leaders Statement on AUKUS. *The White House*. September 15, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 25.06.2024).

33. The real potential of AUKUS is about far more than submarines. *ASPI*. September 20, 2021. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/the-real-potential-of-aukus-is-about-far-more-than-submarines/> (accessed 25.06.2024).

34. AUKUS Pillar Two. *CSIS*. July 10, 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/aukus-pillar-two-advancing-capabilities-united-states-united-kingdom-and-australia> (accessed 25.06.2024).

35. AUKUS: A Generational Opportunity. *U.S. Department of State*. September 6, 2023. Available at: <https://www.state.gov/aukus-a-generational-opportunity/> (accessed 25.06.2024).

36. FACT SHEET: Implementation of the Australia – United Kingdom – United States Partnership (AUKUS). *The White House*. April 5, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/05/fact-sheet-implementation-of-the-australia-united-kingdom-united-states-partnership-aukus/> (accessed 25.06.2024).

37. Joint Leaders Statement on AUKUS. *The White House*. March 13, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (accessed 25.06.2024).

38. Australia-UK ministerial consultations (AUKMIN) 2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/joint-statement-australia-uk-ministerial-consultations-aukmin-22-march-2024> (accessed 25.06.2024).

39. AUKUS Defense Ministers' Joint Statement. *U.S. Department of Defense*. April 8, 2024. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3733790/aukus-defense-ministers-joint-statement/> (accessed 25.06.2024).

40. LIVE: Biden, Japan PM Fumio Kishida hold press conference at White House. *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3hjhrhFIJRw> (accessed 25.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЧЕГУРОВ Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Dmitry A. KOCHEGUROV, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3, Khlebyny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024 / Received 31.05.2024.

Поступила после рецензирования 18.06.2024 / Revised 18.06.2024.

Статья принята к публикации 20.06.2024 / Accepted 20.06.2024.

JEL: F01, N46

УДК: 327.8

DOI: 10.31857/S2686673024110058

EDN: YMUFDР

Основные черты и ограничения межамериканской системы как полюса в современном мире

В.А. Голиней

Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН).

Российская Федерация, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы.

Российская Федерация, 117198, Москва, улица Миклухо-Маклая, 6.

Researcher ID: GYE-2156-2022 Scopus Author ID: 58030249600

РИНЦ ID: 1045328 ORCID: 0000-0002-1135-2322 e-mail: natli2009@yandex.ru

Резюме. В статье предпринимается попытка теоретического осмысления идеи полярности, и на примере межамериканской системы выявляются особенности и ограничения региональной системы, соответствующие чертам полюса. Автор показывает роль США в формировании данной системы, её вероятное положение на международной арене в сравнении с другими возможными полюсами при помощи модели геополитического потенциала. Во всех рассматриваемых конфигурациях отмечается важная роль Бразилии, без которой межамериканская система значительно теряет в своём весе и влиянии, что обуславливает особое отношение Вашингтона к этой стране.

Ключевые слова. Полюс, многополярность, межамериканская система, Латинская Америка, баланс сил.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Для цитирования: Голиней В.А. Основные черты и ограничения межамериканской системы как полюса в современном мире. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(11):76–92. DOI: 10.31857/S2686673024110058 EDN: YMUFDР

Main Features and Limitations of the Inter-American System as a Pole in the Modern World

Vladimir A. Goliney

Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences.

21/16, B. Ordynka, Moscow, 115035, Russian Federation.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

6 Mikluho-Maklaya str. Moscow, 117198, Russian Federation.

Researcher ID: GYE-2156-2022 Scopus Author ID: 58030249600

ПИНЦ ID: 1045328 ORCID:0000-0002-1135-2322 e-mail: natli2009@yandex.ru

Abstract. The article examines theoretical aspects of polarity in International Relations. The research identifies the features and limitations of the regional system, using Inter-American system as an example of a pole. The author demonstrates the significance of the USA in the formation of this system and its probable position in the international arena compared to other potential poles, using a model of geopolitical potential. The article highlights Brazil's special role in all relevant configurations; without this country, the Inter-American system significantly loses influence, which explains Washington's distinct attitude toward Brazil.

Keywords. Pole, multipolarity, Inter-American system, Latin America, balance of power.

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development, No. 075-15-2024-551 "Global and Regional Centers of Power in the Emerging World Order".

For citation: Goliney, V.A. Main Features and Limitations of the Inter-American System as a Pole in the Modern World. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(11): 76–92. DOI: 10.31857/S2686673024110058 EDN: YMUFR

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века тема полярности в международных отношениях получает большое внимание исследователей, позволяя представить определённые характерные черты системы международных отношений, где первостепенную роль играют концепты гегемонизма и центров силы [Фролов А.В. 2016]. Развивая данные идеи, исследователи в России и за рубежом постепенно приходят к пониманию необходимости обобщения накопленных знаний, что нашло отражение в отечественной политической науке, например, в виде появления теории многополярности, сформулированной российским политологом А.Г. Дугиным [Дугин А.Г. 2013] и пользующейся большой популярностью наравне с идеей многополярности, озвученной главой МИД РФ Е.М. Примаковым в 1990-е годы. Продолжение актуализации дискурса о полярности международных отношений можно найти в работах экспертов Валдайского клуба [17; 23] и Российского совета по международным делам [20, 21] (важно отметить богатую дискуссию, развернувшуюся в аналитических материалах РСМД [18, 19, 24, 25]), а также отечественных исследователей [Ильин И.В., Леонова О.Г. 2013; Degterev D.A., Timashev G.V. 2019; Черепанов К.В. 2022; Гребнев Р.Д. 2023а, 2023b]. Вместе с тем заметным остаётся доминирование западных концептуальных идей о полярности, что подчёркивается в трудах Дегтярева Д.А. [Degterev D.A. 2019], Солуянова В.С. [Солуянов В.С. 2021], Соляновой М.В. [Солянова М.В. 2011, 2016]. В иностранных исследованиях одним из трендов последних десятилетий остаётся не только нарратив многополярности [Wæver O. 2023; Horness P. 2015; Acharya A. 2022], но и бесполярности [Haass R.N. 2008; Schweller R.L. 2021; Тупан И. 2024].

Принимая во внимание тенденции последних лет – фрагментацию и деглобализацию [Братерский М.В., 2024; Ильин И.В., Леонова О.Г., 2023], можно заметить постепенную актуализацию темы многополярности как формы крупных региональных блоков или макрорегионов. Выбирая в качестве примера межамериканскую систему¹, в текущей статье поставлена цель выявить место данной системы в многополярном мире. Для этого потребуется дать определение такой категории, как «полюс», а также показать при помощи модели геополитического потенциала положение межамериканской системы в современной международной архитектуре. Решение поставленной цели и задач в исследовании позволит понять, обладает ли эта система нужными характеристиками, чтобы назвать данное региональное пространство полюсом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛЯРНОСТИ И СИЛЫ

Весь комплекс имеющихся представлений о полярности международных отношений, к сожалению, практически не даёт чёткого ответа на вопросы: что такое полюс международных отношений в целом? Является ли он государством или имеет какую-то другую форму? Чаще всего в исследованиях о полярности подразумевается «воображаемая геополитическая конструкция мира», и потому однозначное объяснение сущности полюса найти сложно [Голиней В.А. 2019]. В обыденном смысле понятие «полюс» означает «предел, границу, крайнюю точку чего-либо или что-либо, диаметрально противоположное другому» [16], и по формальной логике, полюсов не может быть более двух. В большинстве же социально-политических исследований вопрос об ограничении количества полюсов остаётся открытым, а под полюсом понимается непосредственно государство или цивилизация. Так, в трудах А.Г. Дугина, можно встретить следующую трактовку: «полюс многополярного мира должен представлять собой мощное военное, экономическое, демографическое, политическое, географическое и цивилизационное образование, которое было бы способно осуществить стратегическую интеграцию прилегающих к нему территорий» [Дугин А.Г. 2013: 245].

В своём исследовании И.В. Ильин и О.Г. Леонова дают более широкую трактовку: «полюс – это элемент глобальной политической системы, обладающей значительным военным, экономическим, политическим и цивилизационным потенциалом» [Ильин И.В., Леонова О.Г. 2013: 39], при этом каждое государство или

¹ Межамериканская система – это совокупность институтов, соглашений и договорённостей регионального сотрудничества между государствами Западного полушария, которые, с одной стороны, могут быть представлены ядром в лице США, а с другой – странами Латинской Америки, поэтому мы можем говорить о потенциальных двух ядрах в этой региональной системе, особенно принимая во внимание стремление Бразилии к региональному лидерству в Латинской Америке.

объединение стран может являться тем или иным элементом, образуя либо экономический, либо политический, либо военный, либо цивилизационный полюс. Полный набор характеристик (полюсов) делает страну центром силы. Таким образом, соглашаясь с авторами, можно сделать вывод, что центром силы следует считать те государства, которые по масштабу своего влияния и мощи сопоставимы со статусом глобального гегемона, а полюсами могут являться региональные лидеры.

В целом мы могли бы выделить некоторые теоретические черты для понимания полюса: это, скорее всего, не эфемерное понятие «цивилизация», а региональная система во главе с влиятельным государством, которое обладает собственным религиозным кредо; уникальными традициями (как культурными, так и управленческими, военными, нормативными), а также собственными научными школами и устоявшимся национальным самосознанием, которое выходит за рамки национального государства на карте, включая такие понятия, как Малая Родина и Большая Родина. Такое государство также обладает отличительным, но притягательным для других, набором ценностей и этики.

Полюс следует представлять как своего рода магнит, обладающий как положительным (притягивающим), так и отрицательным (отталкивающим) зарядами. Подобное отождествление с разными зарядами характерно для биполярного мира, однако, если предположить, что таких магнитов может быть несколько, это позволяет снять ряд противоречий в дискурсе о многополярном мире. В этом случае мы не будем ограничены принципами формальной логики, что полярность может быть либо положительной, либо отрицательной и что полюсов может оказаться максимум два. Наоборот, в международных отношениях мы должны соединять две полярные противоположности (диполи) в одно единое целое, то есть представлять магнит, причём не один (что характерно для однополярности), а неограниченное количество (что характерно для многополярности).

С теоретической точки зрения остаётся ещё один важный аспект, рассматриваемый исследователями в дискурсе о полярности, – вопрос силы гегемона или регионального лидера. Чаще всего мощь и влияние государства отождествляются напрямую с военным аспектом, однако вопрос силы имеет комплексный характер. Поэтому одним из научных направлений, которое позволяет рассмотреть понятие государственной мощи, являются количественные исследования международных отношений. Из имеющегося большого списка работ в данной области [Голиней В.А. 2023], в текущей статье предлагается остановиться на модели геополитического потенциала стран, которая является одной из попыток анализа динамики развития мира, осуществляемой в рамках проекта «Комплексного системного анализа и моделирования мировой динамики» проводи-

мых РАН и АВН [22: 85]. В нём встречается попытка переосмысления геополитического положения государств в динамике, с помощью трендов есть возможность дать краткосрочные прогнозы о балансе сил на международной арене.

Предложенная авторами модели формула $S(t) = FA(t) \cdot G(t)$ позволяет определить геополитический статус страны, исходя из доли в мировых показателях. При этом « $S(t)$ – статус в момент времени t ; $FA(t)$ – «функция влияния»; $G(t)$ – геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0,5 \left(1 + X_M^{0,43} \right) X_T^{0,11} X_D^{0,19} X_E^{0,27},$$

где X_i ($i = T, D, E, M$) – доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно» [Акаев А.А. 2012: 91–92].

Такой интегральный показатель включает в себя основные элементы, которые рассматривались большинством исследователей в области измерения баланса сил. В качестве сравнительных элементов используются четыре показателя (территория стран [15], демография [14], военный компонент по численности армии и военным расходам [6; 10], а также экономический компонент в виде ВВП по ППС [7]) за период 1980–2023 годов. Исходя же из основных трендов, в следующем разделе статьи будет представлен прогноз баланса сил на период до 2030 года.

Если же давать непосредственно определение понятию «*полюс*», то с авторских позиций представляется, что в разных международных системах мы должны давать разные определения, исходя из логики распространения влияния разного уровня. Например, говоря об однополярном мире, исследователи имеют ввиду глобального гегемона одной системы. В биполярном мире уровень снижается, распадаясь на две системы с двумя гегемонами в каждой, которые ведут борьбу друг с другом за доминирование одной системы над другой, то есть видно стремление к однополярности. В многополярном мире происходит ещё большая фрагментация, скорее всего по форме региональных систем и валютных зон. Можно ли в таком случае говорить о гегемонизме лидеров этих региональных систем на глобальном уровне? На своём региональном – да, но на глобальном уровне, представляется, что лидеры достигают некоторого консенсуса по основным вопросам и стремятся поддерживать достигнутый статус-кво и баланс сил. В противном случае мы возвращаемся, как маятник, обратно к биполярности и затем к однополярности.

Следуя такой логике, полюс в однополярном мире – это актор международных отношений, который обладает достаточной совокупной мощностью ресурсов, лидерских инициатив и безраздельным влиянием на матрицу общественного сознания и сферы бытия. Это позволяет ему выстраивать систему связей между элементами на глобальном уровне, проводя специальную политику по реализации общемирового геополитического проекта, в котором формируются безаль-

тернативные для этой системы механизмы сотрудничества, институты и структура, ведущие к закреплению определённой иерархии элементов. В биполярном мире – это два подобных актора, выстраивающие альтернативные друг другу системы. В многополярном мире полюс будет совершенно иным – это несколько систем, каждая из которых выстроена своим региональным лидером, проводящим специальную политику по реализации регионального, а не глобального проекта, в котором формируются специфичные для той или иной системы механизмы сотрудничества, институты и структура, ведущие к особой взаимосвязи между элементами. В этом случае возможна вариативность форм и характеристик региональных систем, которые будут учитывать социально-культурный, военно-политический и социально-экономический контекст сотрудничества элементов системы (то есть других государств) с сильным региональным лидером.

Если мы соглашаемся с вышеизложенной логикой теоретических рассуждений об определении понятия *полюс*, то нам необходимо ответить на вопрос, поставленный в самом начале статьи: обладает ли межамериканская система нужными характеристиками, чтобы назвать это региональное пространство полюсом.

МЕЖАМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА КАК ПОЛЮС

Гипотетически межамериканскую систему во главе с США можно представить в виде полюса во всех имеющихся конфигурациях: и в однополярном, и биполярном, и многополярном мирах, так как по модели геополитического потенциала нет ни одной региональной системы, которая бы превзошла её по мощи (см. табл. 1 и рис. 1).

В то же время межамериканская система без Бразилии теряет свои позиции, а без США (представленная только Латинской Америкой с лидирующей ролью Бразилии) абсолютно проигрывает по мощи другим потенциальным полюсам, даже с учётом того, что такие страны, как Аргентина (22-е место), Колумбия (27-е), Перу (35-е) и Чили (40-е), демонстрируют тренд на увеличение своего геополитического потенциала (за исключением Аргентины). В связи с этим стоит предположить, что межамериканская система не будет выстраиваться без лидирующей роли США, и что это один из основных активов Вашингтона на международной арене. При этом важное значение будет иметь позиция Бразилии и её внешнеполитические ориентиры [Воротникова Т.А. 2021], поэтому США будут предпринимать все возможные меры для сохранения этой страны в качестве младшего партнёра, учитывая исторические особенности и ограничения единства «американской семьи». Именно эти ограничения позволяют взглянуть на реальное воплощение межамериканской системы как полюса.

Таблица 1

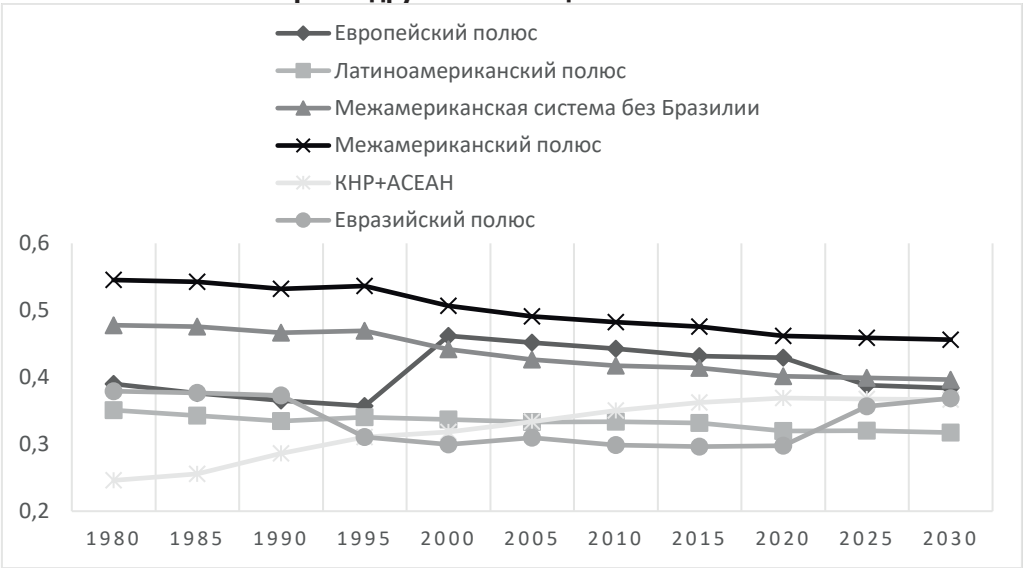
Геополитический потенциал топ-10 лидирующих стран и баланс сил в периоде 1980/2010/2030 годов

Страна	1980	Страна	2010	Страна	2030
США	1	США	1	США	1/2
СССР	2	Китай	2	Китай	1/2
Китай	3	Россия	3/4	Россия	3
Индия	4	Индия	3/4	Индия	4
Бразилия	5	Бразилия	5	Бразилия	5
Япония	6	Япония	6	Индонезия	6/7
Германия	7	Индонезия	7	Мексика	6/7
Мексика	8	Мексика	8	Япония	8
Франция	9	Германия	9	Канада	9/10
Индонезия	10	Канада	10	Германия	9/10

Составлено автором по результатам моделирования.

Рисунок 1

Сравнение межамериканской системы по мощи с некоторыми другими потенциальными полюсами

Составлено автором по результатам моделирования.

1) Так, в рамках биполярности элементы межамериканской системы (связи государств и институтов, главный из которых Организация американских государств, ОАГ) целиком и полностью выстраивались по принципам и правилам, продиктованным латиноамериканским странам со стороны США. Вместе с тем

эта система была далеко не монолитной, о чём свидетельствуют, например, результаты 3-й сессии Генеральной ассамблеи ОАГ (1973 год), итогом которой стало создание Специальной комиссии по изучению межамериканской системы и выработке мер по её реорганизации. В ходе работы данной комиссии региональная система должна была приобрести более латиноамериканский облик, то есть не сводиться лишь к следованию региона в фарватере США, а привнести такие идеи, как «коллективная экономическая безопасность», «идеологический плюрализм», предотвращение «экономической агрессии» и др. [Мартынов Б.Ф. 1979]. Несмотря на некоторые протесты Вашингтону всё же удавалось объединить другие страны Западного полушария в одну американскую семью. Относительное единство семьи достигалось только за счёт актуализации темы внешней опасности, то есть создания образа врага. Эту роль во второй половине XX века активно играла так называемая «красная угроза» в лице СССР и социалистической модели развития государства. Поддерживая те силы в Латинской Америке, которые были против политиков левого толка, всеми доступными способами, в том числе при помощи смены правящих режимов, США, исключив Кубу, смогли выстроить такие связи с другими элитами и странами в межамериканской системе, что её развитие полностью зависело и подчинялось воле Вашингтона, а значит, в рамках биполярности эта система была полюсом.

2) Подобные ограничения межамериканской системы можно найти и в случае с однополярностью. С одной стороны, в 1990-е годы данная система почти подошла к тому, чтобы её считали частью полюса однополярного мира (частью выстраивавшейся по правилам США глобальной системы), принимая во внимание значительную поддержку Вашингтона, его ценностей, положительный образ и одобрение действий США на международной арене в странах Латинской Америки.

Напротив, без угрозы со стороны другого гегемона, безальтернативное доминирование США в Латинской Америке и в мире в целом привело к отторжению государств региона (сработал отрицательный заряд «магнита»). Например, «левый поворот» в Латинской Америке, впервые состоявшийся в период 1998–2013 годов, нарушил планы Вашингтона по формированию монолитного полюса, в основу которого был положен проект зоны свободной торговли (ЗСТ) Северной и Южной Америки (исп. *Área de Libre Comercio de las Américas*, ALCA, АЛКА). Запущенная ещё в 1990 году администрацией Дж. Буша-старшего «Компания для инициативы Америк» должна была к 2005 году привести к созданию АЛКА. Для реализации этого проекта США использовали подход двусторонних договорённостей с каждой отдельной страной всей Латинской Америки по оформлению ЗСТ, начав проводить с 1994 года саммиты Америк. Создаваемые в это время МЕРКОСУР (1991), ЗСТ с Канадой (CUSFTA, 1987–1988), НАФТА (1992–1994), ЗСТ с

Центральной Америкой и Доминиканской Республикой (CAFTA-DR, 2004) и рядом двусторонних ЗСТ с другими странами региона укладывались именно в логику проекта АЛКА, который в свою очередь был прямым отождествлением глобальной повестки либерализации торговли при руководящей роли Всемирной торговой организации.

Представляется, что США понимали растущий потенциал соседней Бразилии, совместно с которой Вашингтон мог бы перераспределить силы в регионе для полного включения Латинской Америки в свои проекты [1]. Таким образом, в 1990–2000-е годы Бразилии отводилась роль лидера, объединяющего всю Южную Америку: в 1992 году на очередном совещании «Группы Рио» Бразилия выдвинула «Инициативу Амазонки», направленную на сближение государств, соседствующих с Амазонией, что, по примеру МЕРКОСУР, могло привести к созданию МЕРКОНОРТЕ [9: 9]. Соединение данной инициативы с МЕРКОСУР и Андским сообществом наций включило бы в интеграционные процессы все страны Южной Америки и должно было привести к созданию Южноамериканской ЗСТ (*South American Free Trade Area, SAFTA*) [Briceño J. 2002] по аналогии с НАФТА. Далее же соединение всех ЗСТ в одну большую – АЛКА – представлялось лишь делом времени. Тем не менее ни МЕРКОНОРТЕ, ни Южноамериканская ЗСТ не были сформированы, а процессы «левого поворота» положили конец реализации проекта АЛКА. Таким образом, создания межамериканской системы как полюса однополярного мира не произошло, хотя на бумаге получился достаточно красивый проект.

3) В рамках понимания полюса многополярного мира у нас имеются лишь гипотетические варианты, так как в историческом плане примеров подобного позиционирования межамериканской системы на международной арене ещё не было. В этом случае можно рассматривать две версии данной системы как полюса: один – в контексте доминирования США, другой – с точки зрения представительства Латинской Америки.

В случае гипотетического сценария, при котором мировое пространство фрагментируется на обособленные регионы и валютные зоны, межамериканская система во главе с США имеет шансы на то, чтобы считаться полюсом многополярного мира, не только благодаря имеющимся разделяемым ценностям, управленческим и нормативным традициям (выразившимся в создании соответствующих региональных структур и связей), устоявшимся видением панамериканизма, долларовой системы, но и вследствие актуализации Вашингтоном вопросов социально-экономического развития и безопасности. Обращение к «изоляционизму», практиковавшемуся в Западном полушарии в XIX – начале XX века, представляется необходимым шагом для урегулирования внутренних проблем как в самих США, так и в соседних странах Латинской Америки. Так, например, если гово-

речь о негативных тенденциях, с которыми столкнётся в ближайшие годы межамериканская система, одной из ключевых сфер станет демографический и миграционный вопрос.

С 1980 года происходит постепенное снижение коэффициентов рождаемости и фертильности в Западном полушарии (см. табл. 2). Согласно данным, Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна ООН (ЭКЛАК) прогнозирует к 2025 году общее снижение рождаемости в большинстве стран региона что приведёт к внутрирегиональным диспропорциям демографического характера. В среднем по региону с 1980 по 2025 год показатели рождаемости падают в 2 раза (с 30,9 человека на 1 000 до 15,3 человек на 1 000), так же, как и коэффициент фертильности (с 3,94 до 1,96).

Таблица 2

Коэффициенты рождаемости и фертильности в межамериканской системе

Годы	1980–1985		1990–1995		2000–2005		2010–2015		2020–2025	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Бразилия	30,9	3,8	23,4	2,72	18,7	2,13	14,9	1,77	12,8	1,67
В среднем по ЛА	30,9	3,94	25,7	3,08	21,1	2,49	17,7	2,14	15,3	1,96
США	16	1,8	15,6	2,1	14	2	12,6	1,9	11,5	1,7
Канада	15	1,7	13,8	1,7	11	1,5	11	1,6	9	1,4

А – Общий коэффициент рождаемости на 1 000 человек; Б – Суммарный коэффициент рождаемости (фертильности).

Источник: для Латинской Америки [2]; для США и Канады [14].

В то же время, по данным ООН, в Латинской Америке прогнозируется рост общей численности населения до почти 700 млн человек [14]. Принимая во внимание качество жизни населения в регионе и статистику прошлых лет, согласно которой уровень бедности населения колебался в пределах 25–40% [3; 11], необходимо понимать, что без улучшения социально-экономических показателей подобный диапазон может означать, например, в 2030 году от 170 до 280 млн человек, находящихся на грани бедности. Часть из них – потенциальные «караваны беженцев», которые будут стремиться в США за хорошей жизнью, что может стать значительным, если вообще посильным бременем для Вашингтона. Подобная негативная тенденция также косвенно связана с вопросом безопасности.

Угрозы безопасности для межамериканской системы сопряжены с высоким уровнем преступности, активностью наркокартелей и увеличивающимся присутствием Китая в странах Латинской Америки. По прогнозам корпорации РЭНД* (RAND Corporation) регион обладает значительным потенциалом для разжигания

* Генеральная прокуратура РФ 6 декабря 2023 года признала деятельность этой организации нежелательной на территории России.

конфликтов, например, в Колумбии, Гаити, Венесуэле-Гайане и других странах [4: 53].

Не получая должное внимание в 2000-е годы со стороны США, которые были заняты в большей степени вопросами борьбы с глобальным терроризмом на Ближнем Востоке, а также в последние несколько лет политикой сдерживания России в Европе и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе [5], государства Латинской Америки использовали по максимуму диверсификацию отношений, найдя в КНР нового партнёра, готового помочь справиться с преступностью в регионе. Например, Пекин активно распространяет технологии слежки для соблюдения правопорядка, в результате чего «Бразилия, Боливия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Панама и Уругвай, получили камеры с распознаванием лиц бесплатно. Аргентина, Эквадор и Мексика купили системы видеонаблюдения у китайских фирм» [13: 28]. Наличие подобных технологий, неподконтрольных США, по представлению Вашингтона, наносят прямой удар по национальной безопасности.

Ещё один удар наблюдается в сфере инфраструктурных проектов. Согласно мнению бывшего руководителя Южного командования США (2018–2021) адмирала К. Фаллера, за счёт многочисленных проектов и аренды портов в Центральной Америке и Карибском бассейне Китай «пытается добиться позиционного преимущества прямо здесь, в нашем районе» [12: 19]. США уверены, что инфраструктурные объекты, возводимые в Латинской Америке при участии КНР, могут использоваться также в военных целях (например, порты могут стать военно-морскими базами). Эти опасения вызваны тем, что «Пекин имеет 29 правительственных программ военного сотрудничества с Латинской Америкой» [8: 1]. Добавив к этому тенденцию наращивания торгово-инвестиционного присутствия Китая с начала XXI века, мы получим образ азиатского дракона, бросающего прямой вызов доминированию США в Латинской Америке, оспаривая первое место в качестве основного импортёра и экспортёра в регионе. Вполне вероятно, что, актуализировав вопрос безопасности в Западном полушарии, Вашингтон представит Пекин в качестве новой угрозы межамериканской системы, предприняв таким образом попытку сплочения стран Латинской Америки против КНР.

Вариант же формирования полюса многополярного мира в лице латиноамериканской системы без США и Канады возможен с точки зрения видения Бразилии в качестве регионального лидера, однако имеет свои ограничения. В период президентства Ф.Э. Кардозу ещё в 1990-е годы политиками и экономистами выдвигались такие концепции, как «страны-континенты» (*países de porte continental*) [Prates A.G.R. 1996] и «страны-киты» (*países baleias*) [Sachs I. 1997] – государства, которые обладают значительным географическим размером, экономическим, геополитическим и ресурсным потенциалом в мире. «Страны-киты», которые, как и «азиатские тигры», сделавшие рывок в экономическом развитии, должны тесно сотрудничать между собой и занять особое место на международной арене, место,

которое соответствует их большому весу и перспективам. Подобный образ «ки-тов» для Бразилии ассоциируется именно с темой многополярности и закрепления статуса лидера в формировании потенциального макрорегиона Латинской Америки. Тем не менее данный вариант представляется маловероятным, потому что, как показывает история, лидеры стран региона часто с трудом находят общий язык вследствие различных идеологических противоречий и разных предпочтений национальных интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на попытки придать межамериканской системе новый облик, учитывающий интересы стран Латинской Америки, она по-прежнему остаётся в значительной степени зависимой от США. В имеющихся конфигурациях однополярного, биполярного и многополярного миров Вашингтон имеет больше всего шансов, ресурсов и инструментов воздействия для сплочения стран вокруг себя, формируя таким образом полноценный полюс. При этом представляется, что дискурс полярности будет продолжать своё развитие и актуализацию в исследованиях международных отношений по мере изменений баланса сил на современной мировой арене.

ИСТОЧНИКИ

1. Burdman, J. et al. 2004. *Latinoamérica 2020: pensando los escenarios de largo plazo*. Santiago de Chile: National Intelligence Council de los Estados Unidos. Available at: <http://www.latinreporters.com/ameriquelatine2020.pdf> (accessed 20.07.2024).
2. CEPAL. 2019. *Observatorio Demográfico de América Latina y el Caribe*. Santiago de Chile, 2019. *Proyecciones de población*. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/d8b3bce8-c5ac-4c2b-80d7-77fd16b4f2ee/content> (accessed 30.05.2024).
3. CEPAL. 2022. *Panorama Social de América Latina y el Caribe 2022: la transformación de la educación como base para el desarrollo sostenible*. Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48518-panorama-social-america-latina-caribe-2022-la-transformacion-la-educacion-como> (accessed 30.05.2024).
4. Chindea, I.A. et al. 2023. *Great-Power Competition and Conflict in Latin America*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-A969-4.
5. Cohen, R.S. et al. 2023. *Great-Power Competition and Conflict in the 21st Century Outside the Indo-Pacific and Europe*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-A969-1.
6. IISS Military Balance. Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (accessed 05.05.2024).

7. IMF. World Economic outlook databases. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending> (accessed 05.05.2024).

8. Posture statement of Admiral C.S. Faller Commander, US Southern Command before the 116th Congress Senate Armed Services Committee, January 30, 2020. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Faller_01-30-20.pdf (accessed 10.07.2024).

9. Sarney, J. 1994. Sarney, em campanha, quer criar Merconorte. *Correio Braziliense*, Brasília, 24 de abril 1994. Available at: http://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/437383/PS_1994%20-%200084.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 15.07.2024).

10. SIPRI database. Available at: <https://www.sipri.org/databases> (accessed 05.05.2024).

11. Statista Research Department, 2024. Number of people living in poverty and extreme poverty in Latin America from 1990 to 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1334376/number-people-living-in-poverty-and-extreme-poverty-latin-america/> (accessed 17.07.2024).

12. Stenographic Transcript of Hearing on U.S. Africa Command and U.S. Southern Command. Washington D.C., January 30, 2020. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/20-02_01-30-2020.pdf (accessed 10.07.2024).

13. Trevisan, C. 2021. Trade, Investment, Technology and Training are China's Tools to Influence Latin America. Council on Foreign Relations. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/trevisan-cfr-cebri-paper_0.pdf (accessed 20.06.2024).

14. United Nations. 2022. *Department of Economic and Social Affairs, Population Division, online edition*. Available at: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed 05.05.2024).

15. World Fact Book CIA 2022-2023. New-York: Skyhorse Publishing, 2022.

16. Большой энциклопедический словарь. Available at: <https://www.vedu.ru/bigencdic/49337/> (accessed 25.04.2024).

17. Бордачёв Т.В. 2023. За исчезающими полюсами: ловушки традиционных подходов к осмыслению международной политики. *Валдайский клуб*. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/za-ischezayushchimi-polyusami/?ysclid=ly5kpmz9jg321129780> (accessed 13.06.2024).

18. Громыко А.А. 2020. Об иллюзиях новой биполярности. *РСМД*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/> (accessed 11.06.2024).

19. Кортунов А.В. 2018. Почему мир не становится многополярным. *РСМД*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (accessed 11.06.2024).

20. Картунов А.В. 2019. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. Рабочая тетрадь РСМД №52. М.: НП РСМД, 40 с.

21. Картунов А.В. 2022. Консолидация Запада и асимметричная биполярность. Рабочая тетрадь №69. М.: НП РСМД, 40 с.

22. Пределы сокращения. 2013. Доклад российскому интеллектуальному клубу / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 496 с.

23. Тимофеев И.Н. 2023. Асинхронная многополярность: управляющие параметры и векторы развития. *Валдайский клуб*. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/asinkhronnaya-mnogopolyarnost/> (accessed 12.06.2024).

24. Фененко А.А. 2018. Что нужно для многополярности? *РСМД*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/> (accessed 11.06.2024).

25. Чжао Хуаишэн. 2020. Биполярность, однополярность и многополярность в современном мире. *РСМД*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolyarnost-odnopolyarnost-i-mnogopolyarnost-v-sovremen-nom-mire/> (accessed 12.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев А.А. и др. 2012. Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: Красанд, 432 с.

Братерский М.В. 2024. Фрагментация *vs* глобализация. *Актуальные проблемы Европы*. №1, с. 7–17.

Воротникова Т.А. 2021. Актуальная траектория взаимодействия Бразилии и США. *Россия и Америка в XXI веке*. Спецвыпуск. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760018152-4-1/> (accessed 11.06.2024).

Голиней В.А. 2023. Методологические основы количественных исследований международных отношений на примере модели геополитического потенциала стран / *Теория и методология науки о международных отношениях. Мировое развитие*. Выпуск 24. М.: ИМЭМО РАН, с. 197–210.

Голиней В.А. 2019. Полос как элемент системы международных отношений в XXI в. *Век глобализации*. № 1, с. 55–67.

Гребнев Р.Д. 2023а. Контуры геополитической стратегии Латинской Америки в условиях формирования полюсов многополярного мира. *Свободная мысль*. № 4, с. 89–98.

Гребнев Р.Д. 2023b. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира. *Век глобализации*. № 3, с. 78–89.

Дугин А.Г. 2013. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 532 с.

Ильин И.В., Леонова О.Г. 2023. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке. *Век глобализации*. № 3, с. 35–47.

Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. 2013. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 296 с.

Мартынов Б.Ф. 1979. Борьба латиноамериканской дипломатии за реорганизацию межамериканской системы в 1973-1975 гг. / Народы Латинской Америки в борьбе против империализма и местной реакции (70-е годы). Отв. ред. Харитонов В.А. М.: ИЛА АН СССР, с. 138–153.

Солуянов В.С. 2021. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 23, №3, с. 424–445.

Солянова М.В. 2011. Дискуссии в США по вопросам миропорядка в XXI веке. *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 8, с. 92–103.

Солянова М.В. 2016. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях. *Вестник МГИМО-Университета*. №5, с.34–47.

Туран И. 2024. Многообразие без полюсов. *Россия в глобальной политике*. Т. 22, № 2, с. 85–96.

Фролов А.В. 2016. «Центры силы» и многополярность: взгляд сквозь время. *Международная жизнь*. № 11, с. 106–121.

Черепанов К.В. 2022. От биполярного мира к многополярности. Эволюция лидерства. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. Т. 9, № 3, с. 164–172.

REFERENCES

Acharya, A., Mathur, S. 2022. Towards Global International Relations / Ed. by McGlinchey S. Foundations of International Relations. London: Bloomsbury, pp. 42–55.

Akaev, A.A. et al. 2012. Projects and risks of the future: Concepts, models, tools, forecasts. Moscow: Krasand, 432 p.

Bratersky, M.V. 2024. Fragmentation vs. globalization. *Actual problems of Europe*. No. 1, pp. 7–17.

Briceño, J. 2002. El Área de Libre Comercio Suramericana y sus interacciones con el ALCA. *Politea*. Vol. 29, pp. 173–190.

Cherepanov, K.V. 2022. From a Bipolar World to Multipolarity. Evolution of Leadership. Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”. Vol. 9, No. 3, pp. 164–172.

Degtarev, D.A. 2019. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19, No. 3, pp. 404–419.

Degtarev, D.A., Timashev, G.V. 2019. Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Международные отношения*. № 4, pp. 48–60.

Dugin, A.G. 2013. Theory of the Multipolar World. Moscow: Eurasian Movement, 532 p.

Goliney, V.A. 2019. The Pole as an Element of the System of International Relations in the 21st Century. The Century of Globalization. No. 1, pp. 55–67.

Goliney, V.A. 2023. Methodological foundations of quantitative studies of international relations on the example of the model of geopolitical potential of countries. *Theory and methodology of the science of international relations. World development*. Issue 24. Moscow: IMEMO RAS, pp. 197–210.

Grebnev, R.D. 2023a. Outlines of the Geopolitical Strategy of Latin America in the Context of the Formation of Poles of a Multipolar World. *Free Thought*. No. 4, pp. 89–98.

Grebnev, R.D. 2023b. Theoretical and Methodological Aspects of Regionalization of a Multipolar World. *The Century of Globalization*. No. 3, pp. 78–89.

Haass, R.N. 2008. The Age of Nonpolarity. What will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. No. 87 (3), pp. 44–56.

Horness, P. 2015. Understanding Paradigms and Polarity in International Relations. *跡見学園女子大学人文学フォーラム*. No. 13, pp. 144–155.

Ilyin, I.V., Leonova, O.G. 2023. New Approaches to the Study of the Phenomenon of Globalization in Foreign Science. *The Century of Globalization*. No. 3, pp. 35–47.

Ilyin, I.V., Leonova, O.G., Rozanov, A.S. 2013. *Theory and Practice of Political Globalistics*. Moscow: Moscow University Press, 296 p.

Martynov, B.F. 1979. The Struggle of Latin American Diplomacy for the Reorganization of the Inter-American System in 1973–1975. *The Peoples of Latin America in the Struggle against Imperialism and Local Reaction (1970s)*. Ed. By Kharitonov V.A. Moscow: ILA AN USSR, pp. 138–153.

Prates, A.G.R. 1996. O Brasil e a coordenação entre os países de porte continental numa perspectiva atual. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Vol. 39, No. 2, pp. 33–50.

Sachs, I. 1997. Brasil e Índia: Duas Baleias no Oceano Global / in Guimarães S.P. (org.), *Estratégias: Índia e Brasil*. Brasília: IPRI, p. 67–78.

Schweller, R.L. 2021. Grand Strategy Under Nonpolarity. Balzacq, Th., Krebs, R.R. (eds), *The Oxford Handbook of Grand Strategy*, pp. 690–705.

Soluyanov, V.S. 2021. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 23, No. 3, pp. 424–445.

Solyanova, M.V. 2011. Discussions in the United States on World Order in the 21st Century. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, No. 8, pp. 92–103.

Solyanova, M.V. 2016. The Problem of World Order in Modern Western Studies. *Bulletin of MGIMO University*. No. 5, pp. 34–47.

Turan, I. 2024. Diversity without Poles. *Russia in Global Politics*. Vol. 22, No. 2, pp. 85–96.

Frolov, A.V. 2016. “Centers of Power” and Multipolarity: A View Through Time. *International Affairs*. No. 11, pp. 106–121.

Vorotnikova, T.A. 2021. The current trajectory of interaction between Brazil and the United States. *Russia and America in the 21st century*. Special issue. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760018152-4-1/> (accessed 11.06.2024).

Wæver, O., Græger, N., Heurlin, B., Wivel, A. 2023. *Polarity in International Relations: Past, Present, Future*. Palgrave Macmillan Cham, 428 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОЛИНЕЙ Владимир Андреевич , кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН). Российская Федерация, 115035 Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16. ассистент экономического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Российская Федерация, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.	Vladimir A. GOLINEY , Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher, Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences. 21/16 Bolshaya Ordynka str., Moscow 115035, Russian Federation. Lecturer at the Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. 6 Mikluho-Maklaya str., Moscow 117198, Russian Federation.
---	---

Статья поступила в редакцию 14.08.2024 / Received 14.08.2024.

Статья поступила после рецензирования 28.08.2024 / Revised 28.08.2024.

Статья принята к публикации 30.08.2024 / Accepted 30.08.2024.

УДК 339.727.24; 327.8

DOI: 10.31857/S2686673024110069

EDN: YMSIPT

Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации

В.И. Бартенев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ResearcherID: AAE-4219-2019

Scopus AuthorID: 57188561575 РИНЦ: 627475

ORCID: 0000-0001-9804-0630

e-mail: vbartenev@hse.ru

Резюме. В статье исследуется процесс трансформации американской модели страхования инвестиций в развитие от политических рисков. Изучен актуальный нормативный контекст применения США данного инструмента, сложившийся в 2018 году. Сопоставлены количественные параметры страховой деятельности Американской корпорации финансирования международного развития (АКФМР) в 2020–2024 фин. годы и её предшественницы – Корпорации зарубежных частных инвестиций – в 2015–2019 фин. годы. Выявлены и объяснены ключевые изменения в масштабах и географических приоритетах страхования. Раскрыто содержание дебатов вокруг продления срока работы АКФМР, промежуточным итогом которых стало закрепление тренда на секьюритизацию сферы поддержки инвестиций в развитие, включая страхование политических рисков.

Ключевые слова: политические риски, страхование, инвестиции, содействие международному развитию, секьюритизация, США, Китай, Украина.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-01060, <https://rscf.ru/project/23-28-01060/>.

Для цитирования: Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(11): 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069

EDN: YMSIPT

The U.S. Model of Insuring Development Investments Against Political Risks: Tracking Transformative Changes

Vladimir I. Bartenev

HSE University.

20 Myasnitskaya st., 101000, Moscow, Russian Federation.

ResearcherID: AAE-4219-2019

Scopus AuthorID: 57188561575 PIИЦ: 627475
ORCID: 0000-0001-9804-0630 e-mail: vbartenev@hse.ru

Abstract. The paper tracks the trajectory of transformation in the U.S. model of insuring development investments against political risks. First it outlines a novel normative context for providing political risk insurance (PRI), which took shape in the United States in 2018. Then, it compares the numerical parameters of insurance activities by the U.S. International Development Finance Corporation (DFC) over FY 2020–2024 with those of its predecessor, the Overseas Private Investment Corporation (OPIC) in FY 2015–2019, analyzing and explaining the main changes in the scope and geographical priorities of PRI coverage. Finally, the paper unveils the substance of debates around the DFC’s reauthorization which have so far resulted in an increased securitization of development investment support, including political risk insurance.

Keywords: political risk, insurance, investment, international development cooperation, securitization, United States, China, Ukraine.

Acknowledgements: This research has been conducted with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01060, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01060>.

For citation: Bartenev, V.I. The U.S. Model of Insuring Development Investments Against Political Risks: Tracking Transformative Changes. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2024; 54(11): 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069 EDN: YMSIPT

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемое в последние годы усиление неопределённости в международной среде ведёт к росту политических рисков для бизнеса. Увеличиваются и масштабы применения инструментов управления такими рисками, в том числе страховых, при этом вариативность моделей их использования весьма высока. Соединённые Штаты Америки, лидирующие по объёмам исходящих прямых иностранных инвестиций, были одними из первопроходцев и в защите капиталовложений от политических рисков посредством их гарантирования и страхования. Эта практика изначально была вписана в контекст иностранной помощи и реализовывалась под эгидой различных структур. Почти полвека (с 1971 по 2019 год) в роли страховщика выступала Корпорация зарубежных частных инвестиций (КЗЧИ) (*Overseas Private Investment Corporation*), но в соответствии с законом «Об оптимизации инвестиций в развитие» 2018 года [4] она уступила место Американской корпорации финансирования международного развития (АКФМР) (*U.S. International Development Finance Corporation*). Сегодня в США полным ходом идёт подготовка продления деятельности АКФМР на очередные семь лет.

Цель статьи – прочертить траекторию трансформации американской модели страхования инвестиций в развитие от политических рисков, раскрыв общую логику и количественные параметры этого процесса.

Поставленная задача ранее не решалась в России за рубежом. В новейших российских исследованиях, посвящённых политике США в области содействия развитию [Белецкая М.Ю., 2022; Сутырин В.В., 2023 и др.], деятельность АКФМР, если и затрагивается, то только по касательной. Среди релевантных трудов специалистов по инвестиционной политике США можно упомянуть статью М.К. Перовой из ИМЭМО РАН [Перова М.К., 2020], в которой подробно были рассмотрены правовые основы функционирования новой корпорации, но не её деятельность, на тот момент только стартовавшая. За рубежом также выходили академические труды, посвящённые анализу закона 2018 года [Parker P., 2020; Powell D., 2020 и др.] и осмыслению произошедших в связи с его принятием изменений [Chaisse J., 2023], но нет публикаций непосредственно о работе АКФМР по страхованию политических рисков (СПР) – учёные всё ещё предпочитают изучать релевантный опыт КЗЧИ [Arel-Bundock V., Peinhardt C., Pond A., 2020; Blanton S.L., Machain C.M., 2022]. По сути, заявленная проблематика разрабатывалась только в практико-ориентированных материалах экспертов американских аналитических центров [3; 6; 11; 12; 15]. Однако их авторы, с одной стороны, освещают тему отнюдь не беспристрастно, а с другой – оперируют данными по всем инструментам, используемым АКФМР, не выделяя отдельно СПР. Все это означает, что существует исследовательская ниша, которую данная статья попытается заполнить.

НОВЫЙ НОРМАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

Закон «Об оптимизации инвестиций в развитие» 2018 года воплотил идею, которую специалисты Центра за глобальное развитие (ЦГР) Т. Мосс и Б. Лео выдвинули в 2011 году [14] в противовес планам администрации Б. Обамы создать «суперминистерство» по администрированию торговли и поддержке бизнеса с включением в него и КЗЧИ. Учреждённая на основе этого акта новая структура – Американская корпорация финансирования международного развития – объединила КЗЧИ и кредитные программы Агентства США по международному развитию (АМР) и получила подчёркнуто девелопменталистское название. Это позволило, с одной стороны, чётче противопоставить её Китайской экспортно-кредитной страховой корпорации (*China Export & Credit Insurance Corporation (Sinasure)*), с другой – приблизить к европейским институтам схожего профиля (германской *DEG (Deutsche Investitions und Entwicklungsgesellschaft)*; британской *CDC (Commonwealth Development Corporation Group)*¹ и т.д.). Указание в названии АКФМР её «национальной принадлежности», в свою очередь, соответствовало тренду на более чёткое подчинение политики развития интересам

¹ В 2021 году произошёл обратный по смыслу ребрендинг: *CDC Group* стала именоваться *British International Investment (BII)*, хотя продолжила позиционироваться как институт финансирования развития.

государств-доноров, особенно рельефно проявившему себя как раз в англосаксонских странах.

Любопытные изменения произошли и в содержании миссии корпорации. Деятельность АКФМР, в отличие от КЗЧИ, должна была способствовать достижению целей США не только в области содействия развитию, но и в сфере внешней политики [4: ст. 1412]. В докладе о координации усилий между АКФМР и АМР, подготовленном в 2019 году в соответствии с законом, увязка задач содействия развитию, внешней политики и национальной безопасности виделась ключевым условием успеха новой структуры [20:12]. Там же обозначалось стремление перейти от модели, определяемой спросом (*demand-driven*), то есть интересами инвесторов, к модели, определяемой политическими приоритетами (*policy-driven*), и опираться в её реализации на сеть дипломатических представительств США [20:12].

Стратегическую компоненту усиливала и ориентация АКФМР на то, чтобы «предоставить надёжную альтернативу инвестициям авторитарных правительств и стратегических соперников США через использование лучших практик по обеспечению прозрачности и соблюдению экологических и социальных стандартов и учёт фактора долговой устойчивости стран-партнёров» [4: ст. 1411]. В этой формулировке содержался недвусмысленный намёк на Китай, противодействие которому было провозглашено администрацией Д. Трампа одним из приоритетов.

Важно и другое. В законе 2018 года был заретуширован акцент на финансово-экономических выгодах от поддержки проектов. КЗЧИ предписано было способствовать улучшению платёжного баланса США (с 1971 года), обеспечению занятости в США (с 1973 года) и извлечению торговых дивидендов (с 1981 года), но в закон о АКФМР ни один из этих пунктов не перекочевал. Экономические интересы США упоминались вскользь – лишь во фрагменте о странах с уровнем доходов выше среднего [4: ст. 1412с].

В этом же контексте следует рассматривать и исключение требования о том, чтобы получателем поддержки (в том числе страховой) обязательно была компания, связанная с США, – составители закона ограничились указанием на предпочтительность такого выбора [4: ст. 1451b]. Данное нововведение противопоставило США Китаю и коммерчески ориентированным развитым странам (в частности, ФРГ, Японии и др.), которые придерживаются такого ограничения в политике гарантирования инвестиций.

Круг государств-бенефициаров поддерживаемых проектов, был, напротив, сужен. В законе 2018 года АКФМР предписывалось отдавать приоритет поддержке проектов в странах с низким уровнем доходов или уровнем доходов ниже среднего, отдельно упоминались страны, «хронически страдающие из-за крайней бедности, хрупких (*fragile*) институтов или последствий вооруженного насилия» [4: ст. 1445a]. Для поддержки же стран с уровнем доходов выше среднего президенту требовалось заверить Конгресс в том, что корпорация будет способствовать

продвижению национальных экономических или внешнеполитических интересов США и достижению значительного девелопменталистского эффекта, в том числе для беднейших слоев населения [4: ст. 1412]. Страны с высоким уровнем доходов в законе 2018 года не упоминались, что оставляло «лазейку», которой администрация Д. Трампа не преминула воспользоваться. Закон «О европейской энергетической безопасности и диверсификации» 2019 года [8] формально разрешил АКФМР поддерживать в таких странах проекты, нацеленные на снижение энергетической зависимости Европы от России.

В организационном плане АКФМР напоминала КЗЧИ, но были существенные отличия. Девелопменталистскую ориентацию её деятельности усиливало учреждение поста директора по вопросам развития, а также Консультативного совета по вопросам развития. Стратегическим же императивом служило реформативное Совет директоров. В КЗЧИ он состоял из 15 членов (включая исполнительного директора), восемь из них представляли частный сектор, а шесть – госорганы, при этом роли председателя и его заместителя законодательно не закреплялись. В АКФМР же Совет был сокращён до девяти человек, функции председателя и его заместителя должен был исполнять госсекретарь и администратор АМР (или назначенные ими лица). Частный сектор представляли лишь четыре члена, рекомендуемые руководством комитетов по международным делам Палаты представителей и Сената [4: ст. 1413b].

Деятельность АКФМР была санкционирована на семь лет. Вдвое увеличился общий лимит обязательств корпорации – до 60 млрд долл. (в КЗЧИ он составлял 29 млрд долл.), распространявшийся на всю совокупность инструментов – в том числе и СПР. При этом АКФМР обязали уведомлять Конгресс о любой сделке стоимостью более 10 млн долл. до её заключения [4: ст. 1446]. Это также было призвано усилить соответствие деятельности корпорации внешнеполитическим интересам США, которыми на Капитолийском холме были озабочены в первую очередь.

Наконец, особый интерес представляют условия непосредственно страхования политических рисков. По закону 2018 года, АКФМР имела право осуществлять страхование (и перестрахование) инвесторов от следующих рисков: 1) неконвертируемость валюты, 2) экспроприация, 3) любые формы политического насилия (войны, терроризм, гражданское неповиновение); 4) разрыв контракта или неисполнение финансовых обязательств [4: ст. 1421d]. Последний пункт в этом списке появился впервые. При этом, как и раньше, АКФМР могла страховать инвесторов от всех типов рисков сразу или от каждого в отдельности и покрывать до 90% суммы инвестиций [4: ст. 1423b].

Остальные параметры страхового покрытия корпорация имела право устанавливать сама (4: ст. 1421d). В итоге максимальный срок (20 лет) был сохранён, а предельный размер увеличен – с 250 млн долл. до 1 млрд долл. Всё это создавало

условия для наращивания объёмов СПР – при одновременном изменении географии страховых контрактов и характера поддерживаемых проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАКТИКЕ СПР

В этом разделе сопоставлены основные показатели страховой деятельности АКФМР в 2020–2024 фин. годы² и КЗЧИ в последние пять лет работы (2015–2019 фин. годы), представленные (преимущественно) в годовых отчётах этих корпораций [18; 22].

Как видно из табл. 1, за неполные пять лет АКФМР превзошла КЗЧИ по всем ключевым параметрам масштаба СПР. При сопоставимом числе проектов, застрахованных от политических рисков (52 к 50), объём взятых АКФМР обязательств оказался в два с лишним раза (и на целых 4 млрд долл.) больше, чем у КЗЧИ за 2015–2019 фин. годы, равно как и за любую из предшествующих «пятiletок» в XXI веке [12], что стало прямым следствием увеличения лимита покрытия.

Таблица 1

**Масштабы страховой деятельности КЗЧИ в 2015–2019 фин. годы
и АКФМР в 2020–2024* фин. годы**

Параметры	КЗЧИ	АКФМР
Количество проектов, получивших поддержку в форме СПР	50	52
Объём страхового покрытия (млрд долл.)	3,042	7,064
Доля СПР в общем числе проектов (%)	11,7	9,4
Доля СПР в общем объёме обязательств (%)	15,7	19,0
Число стран, где реализуются проекты	27	36
Число мультистрановых проектов	2	2

* В 2024 фин. году учитываются данные за I–III кварталы.

Таблица составлена автором.

При этом в одном случае размер страховки составил беспрецедентные 1,5 млрд долл.: речь идёт о защите дочернего предприятия крупнейшей американской нефтегазовой корпорации «Эксон Мобил» (Exxon Mobil) – «Эксон Мобил Мозамбик» (*Exxon Mobil Moçambique, Limitada*) – от рисков, связанных с проектированием, строительством и управлением терминалом для сжижения природного газа (совместно с французской «Тоталь» (*Total*) и итальянской «ЭНИ» (*ENI*) в Мозамбике, в провинции Кабу-Делгаду, которая с 2017 года стала одним из центров джихадистской активности.

² На момент подачи статьи доступны только данные за первые три квартала 2024 фин. года.

Благодаря этому и другим сверхкрупным проектам (с объёмом покрытия более 250 млн долл.) доля СПР в общем объёме обязательств АКФМР оказалась выше, чем у КЗЧИ (19% и 15,7%), а доля в общем числе проектов, напротив, чуть меньше – 9,4% и 11,4%. Эти показатели, впрочем, не идут ни в какое сравнение с началом XXI века, когда после терактов 11 сентября 2001 года объём страхового покрытия был сопоставим с суммой займов и гарантий по займам [12]. В то же время доля СПР в доходах АКФМР гораздо выше, чем в объёмах обязательств: за 2020–2023 фин. годы на СПР пришлось более одной трети (35%) всех доходов корпорации (около 600 млн долл.). Расходы же составили лишь 95 млн долл. (9,6%), из них 45 млн долл. пришлось на страховые выплаты в связи с эскалацией конфликта на Украине в 2022 году [24: 81]. На этом фоне вполне логично, что руководство АКФМР считает СПР успешным продуктом и планирует увеличивать его объёмы [16].

АКФМР, на первый взгляд, стала уделять больше внимания странам с низким уровнем доходов, нежели КЗЧИ (табл. 2). Однако если вынести за скобки проект в Мозамбике, разница между двумя «пятилетками» становится почти незаметна.

Таблица 2

Распределение обязательств по СПР между различными стран-бенефициаров в 2015–2019 и 2020–2024* фин. годы

Группа стран	КЗЧИ (2015–2019 фин. годы)				АКФМР (2020–2024* фин. годы)			
	Число проектов	% **	Сумма покрытия (млн долл.)	% ***	Число проектов	% **	Сумма покрытия (млн долл.)	% ***
Страны с низким уровнем доходов	5	10,4	184	6,1	9	18,4	1677	27,1
Страны с уровнем доходов ниже среднего	26	54,2	1954	64,6	20	40,8	1022	16,5
Страны с уровнем доходов выше среднего	13	27,1	387	12,8	20	40,8	3492	56,4

Страны с высоким уровнем доходов	4	8,3	502	16,6	0	0	0	0
ВСЕГО***	48	100	3027	100	49	100	6191	100
Наименее развитые страны (по актуальному списку ООН)	9	18,8	286	9,4	10	20,4	1927	31,1
«Хрупкие государства» (по актуальному списку ОЭСР)	3	6,3	67	2,1	16	32,7	2262	36,5

Примечание: * 2024 фин. г. – учитываются данные за I–III кварталы; ** – доля в портфеле проектов; *** – доля в общем объеме обязательств; **** – без мультистрановых проектов и проекта 2023 года с заретушированными данными.

Таблица составлена автором.

Если взять страны с низким уровнем доходов и уровнем доходов ниже среднего, показатели АКФМР не впечатляют. Хотя объём страхового покрытия в денежном выражении возрос до 2,7 млрд долл., на эти группы пришлось лишь половина проектов (две трети у КЗЧИ в 2015–2019 фин. годы) и лишь 44% обязательств. Причиной тому стало девятикратное увеличение объёмов поддержки проектов в странах с уровнем доходов выше среднего – с 387 млн до 3492 млн долл., из-за чего доля данной группы выросла в 4 (!) раза – с 12,8% до 56,4%. Такие цифры, противоречившие замыслу авторов идеи учреждения АКФМР, стали возможны, в том числе, благодаря решению Д. Трампа упростить сертификацию проектов в более богатых странах на предмет их соответствия целям внешней политики и интересам национальной безопасности, делегировав ответственность госсекретарю [7].

Что касается стран с высоким уровнем доходов, то проекты в них АКФМР пока не страховала. Это стало её заметным отличием от КЗЧИ, обеспечившей в 2015–2019 фин. годы страховое покрытие для проектов в таких государствах в объёме чуть более 0,5 млрд долл.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о страховании проектов в так называемых «хрупких государствах»: его объёмы выросли с 65 млн до 2262 млн долл. (а доля в портфеле – с 2,1% до 36,5%). Большая часть этой суммы пришлось на

страны, не затронутые конфликтами. Однако следует оговориться, что используемый нами для расчётов актуальный список «хрупких государств» ОЭСР был составлен ещё в 2021 году, и Украина в него тогда не вошла. В случае её включения доля «хрупких государств» в страховом портфеле АКФМР вырастет весьма заметно.

Среди ключевых изменений в региональном распределении обязательств (табл. 3) можно выделить:

- пятикратное увеличение объёмов страхования проектов в Африке южнее Сахары при сопоставимом числе проектов;
- десятикратный рост поддержки проектов в Латинской Америке при существенно возросшем числе проектов;
- трёхкратное сокращение объёмов страхования проектов в Северной Африке и Западной Азии при меньшем числе проектов;
- сокращение объёмов поддержки постсоветских государств, а также числа проектов и стран, где они реализуются.

Преимственность же можно обнаружить лишь применительно к Европе и ИТР (в который мы включили Южную и Юго-Восточную Азию и Океанию). Если низкие объёмы СПР для проектов в Европе вполне объяснимы (к категории развивающихся на континенте (в случае выделения постсоветского пространства в отдельный субрегион) относятся только страны бывшей Югославии), то периферийное место ИТР выглядит несколько странно на фоне роста озабоченности в США вопросами противодействия Китаю.

Таблица 3

**Распределение страновых проектов,
застрахованных КЗЧИ в 2015–2019 фин. годы и АКФМР в 2020–2024
фин. годы между различными регионами**

Регион	КЗЧИ (2015–2019 фин. годы)				АКФМР (2020–2024 фин. годы)			
	Число проектов	% **	Сумма покрытия (млн долл.)	% ***	Число проектов	% **	Сумма покрытия (млн долл.)	% ***
Европа	1	2,1	1,5	0,05	2	4,1	9	0,2
Постсоветское пространство	13	27,1	1041	34,4	8	16,3	786	12,7
Африка южнее Сахары	19	39,6	613	20,3	18	36,7	3062	49,5

Северная Африка и Западная Азия	8	16,7	1173	38,7	3	6,1	366	5,9
«Индо-Ти- хоокеан- ский регион»	2	4,2	10	0,3	6	12,2	15	0,2
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	5	10,4	188,5	6,2	12	24,5	1943	31,4
ВСЕГО****	48	100	3027	100	49	100	6181	100

* 2024 фин. год – учитываются данные за первые 1–3 квартала; ** – доля в портфеле проектов; *** – доля в общем объеме обязательств; **** – без мультистрановых проектов и проекта 2023 года с заретушированными данными.

Таблица составлена автором.

При этом США почти перестали страховать компании, связанные со своими гражданами (но, по данным «Маккинзи» (*McKinsey*), в мире пока ещё бытует мнение, что корпорация обходит вниманием как раз неамериканские структуры [13]). Помимо «Эксон Мобил Мозамбик» страховую поддержку получили только четыре такие фирмы – на сумму около 80 млн долл. Возникает ощущение, что США стремятся противопоставить себя Китаю, который осуществляет СПР в целях продвижения экспорта.

Та же логика просматривается и в страховании экологически ориентированных проектов с большими объёмами покрытия. Среди них особый интерес представляет страхование в 2023 году крупнейшей сделки с Эквадором. В рамках её АКФМР гарантирует займ консорциума организаций (в составе Межамериканского банка развития, Океанской финансовой компании, Океанского наследия Пью Бертарелли, Креди Сюис) на сумму 656 млн долл., финансируемый за счёт выпуска на ту же сумму облигаций, связанных с реализацией программ сохранения морской флоры и фауны Галапагосских островов, в обмен на облегчение задолженности Эквадора на 1,6 млрд долл. Согласно официальному описанию, эта сделка должна была «повысить устойчивость Эквадора перед внешним экономическим принуждением» [25] – со стороны Китая. Китайский фактор подспудно присутствовал и в предоставлении страхового покрытия по схожей схеме для Белиза (425 млн долл. в 2021 фин. году и 185 млн долл. в 2022 фин. году), а также Сент-Люсии (100 млн долл. в 2023 фин. году). Эти два небольших государства – одни из немногих, кто всё ещё признаёт Тайвань.

Важно и другое: в последние годы работы КЗЧИ политическая составляющая была отчётливее всего заметна в двух регионах – в Западной Азии и Северной Африке (в рамках реализации энергетических проектов в Израиле, Иордании, Омане и Египте) и на постсоветском пространстве, в первую очередь в Грузии и на Украине, ставшей крупнейшим бенефициаром СПР от КЗЧИ ещё в 2017 году. После начала специальной военной операции РФ на Украине политизация решений Совета директоров АКФМР по проектам на постсоветском пространстве стала ещё очевиднее. Характерный пример – предоставленное корпорацией в 2022 году СПР для украинской компании *ERU Europe GmbH* под поставки газа в Молдавию с прямо прописанной в документах целью сокращать зависимость Кишинёва от поставок российского газа [23: 15]. Украина же к лету 2024 года стала единоличным лидером по числу проектов, застрахованных АКФМР. При этом корпорация поддерживает либо местные структуры частного сектора, либо фирмы из стран-партнёров (в частности, Канады), но не американские компании. Поддержка проектов на Украине – наряду со страхованием сделок по конверсии задолженности в природоохранные программы – обозначается руководством корпорации в качестве ключевого приоритета и на перспективу [16].

Приведённые примеры не исчерпывают тренд на политизацию СПР для инвестиций в развитие, наметившийся в США в последние годы. Консервативной части экспертного сообщества (в частности, экспертам Фонда «Наследие» [19]), сила этого тренда представлялась с самого начала недостаточной, более либеральной и девелопменталистски ориентированной – напротив, избыточной. Противоборство этих точек зрения вышло на первый план в связи с приближением срока «реавторизации» деятельности АКФМР Конгрессом.

НОВЫЙ РАУНД ДЕБАТОВ О ПУТЯХ ОПТИМИЗАЦИИ МОДЕЛИ

Варианты оптимизации деятельности АКФМР через принятие нового санкционирующего закона американские эксперты начали обсуждать ещё в 2023 году. Большая часть их рекомендаций [3; 10; 11; 15] касалась всех условий деятельности корпорации, но некоторые – непосредственно СПР (в частности, вопроса о переходе к учёту страховых обязательств в качестве условных). Большинство экспертов поддерживало идею продления срока деятельности корпорации на семь лет и повышения лимита обязательств (до 120 млрд долл.) и выступало за усиление её девелопменталистской составляющей – через ужесточение требований к финансированию проектов в более богатых странах, более скрупулезную оценку влияния поддерживаемых проектов на развитие и повышение толерантности корпорации к риску и т. п.

Однако в Конгрессе, напротив, нарастало стремление секьюритизировать деятельность корпорации. Наиболее рельефно оно было отражено в «Стратегии победы США в экономическом соперничестве с КПК», представленной в декабре 2023 года Специальным комитетом Палаты представителей по вопросам стратегического соперничества между США и Коммунистической партией Китая. В ней предлагалось, в частности:

- обязать АКФМР отдавать приоритет проектам, которые снижают зависимость стран от КНР или относятся к стратегически важным для национальной безопасности США секторам (добыча критических минералов, телекоммуникации, транспорт, портовое строительство; энергетика);
- разрешить корпорации осуществлять такого рода стратегические инвестиции в странах с высоким уровнем доходов;
- разрешить АКФМР вступать в отношения с государственными компаниями или компаниями с государственным участием стран-партнёров при поддержке инвестиций в стратегически важные сектора;
- обязать АКФМР отчитываться о том, какая часть выделенного ей «лимита» средств используется для противодействия КНР;
- учредить специальный механизм финансирования – совместно с «государствами-единомышленниками» – для содействия развитию цифровой инфраструктуры в качестве альтернативы китайскому проекту «Цифровой Шёлковый путь»;
- прикомандировать сотрудников АКФМР к боевым командованиям для лучшей увязки деятельности корпорации с приоритетами стратегии национальной безопасности США [21].

В мае 2024 года упомянутый комитет организовал слушания под громким названием «Предлагая лучшую альтернативу: как Запад противостоит проекту “Пояс и путь”». Одновременно в комитете по международным делам Палаты представителей прошли слушания «Обзор деятельности АКФМР по достижению победы в соперничестве с Китаем». Выступая на них, исполнительный директор корпорации Н. Скотт также был вынужден делать упор на вкладе АКФМР именно в реализацию внешнеполитической стратегии США, стремясь добиться главного – продления работы вверенной ему организации и удвоения лимита её обязательств [17]. Вариант максимального расширения мандата АКФМР, в том числе применительно к странам с высоким уровнем доходов, где у США есть стратегический интерес, активно поддерживается и Госдепартаментом [2].

Наличие заметных расхождений в понимании сути работы АКФМР нашло отражение и в проекте соответствующего закона. Он был внесён в Конгресс 2 июля 2024 года руководством комитета по международным делам Палаты представителей в лице М. Маккола (республиканец, штат Техас) и Г. Микса (демократ, штат Нью-Йорк) [9].

Данный законопроект увеличивает объём обязательств АКФМР до 120 млрд долл. и продлевает её деятельность на семь лет. В преамбулу добавлена статья, ориентирующая корпорацию на поддержку проектов в *высокорисковых* странах, регионах и секторах.

Проект закона вводит новые категории стран-реципиентов, отличающиеся от общепринятых. Так, «наименее развитыми» предлагается считать страны, где доход на душу населения не превышает значения, которое ставит вопрос о прекращении выдачи им льготных займов МБРР (*graduation discussion income, GDI*) (сегодня – 7895 долл.). Тем самым расширяется круг стран, поддержка проектов в которых не требует дополнительного обоснования. Под странами с уровнем доходов выше среднего предлагается понимать страны из одноименной группы из классификации Всемирного банка с уровнем доходов выше отметки *GDI*. К проектам в этих странах сохраняются требования по части вклада в обеспечение внешнеполитических и экономических интересов США. Наконец, в категорию стран с уровнем доходов выше среднего включены представители данной группы, которые не относятся к категории «богатых стран» (*wealthy countries*) – топ-40 стран мира по уровню доходов на душу населения. На последнюю категорию может приходиться не более 10% обязательств корпорации. При этом её глава должен заверить Конгресс в том, что поддержка таких государств одновременно продвигает стратегические интересы США по противодействию и ограничению влияния третьих стран, вызывающих обеспокоенность, и нацелена на получение значимых результатов в области развития.

В корпорации предлагается ввести должность вице-президента по вопросам внешней политики и национальной безопасности. В то же время поправка Х. Кастро (демократ, штат Техас) предписывает создать и пост вице-президента по вопросам развития [1], чтобы сохранить баланс.

Другими словами, не все рекомендации девелопменталистского «лагеря» были учтены, и более того обозначились признаки дальнейшей секьюритизации деятельности корпорации – в том числе в области СПР [6].

Республиканцы демонстрируют явное удовлетворение такой траекторией движения. Вынося билль на обсуждение возглавляемым им комитетом, М. Маккол представил его так: «Законопроект модернизирует АКФМР и сохраняет её девелопменталистский мандат. Но важнее всего то, что он укрепляет способность корпорации продвигать наши интересы в области национальной безопасности, позволяя ей предоставлять лучшую альтернативу российским проектам и китайской инициативе “Пояс и путь”» [5]. Такая позиция однозначно показывает, что дилемма между императивами содействия развитию и продвижении интересов национальной безопасности США сохранится и в обозримой перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что при Д. Трампе сложился совершенно новый нормативный контекст для развития американской модели поддержки инвестиций в развитие, включая СПР. Законодательно закрепить девелопменталистскую направленность таких инструментов и минимизировать коммерческую компоненту (в первую очередь в противовес КНР) оказалось возможным только посредством одновременного подчинения их стратегическим задачам, и – как следствие – практика страхования претерпела заметные изменения.

Благодаря четырёхкратному повышению лимита покрытия существенно выросли объёмы СПР в абсолютном выражении, а также доходы от данной деятельности. Однако доля СПР в общем объёме обязательств сокращается, что указывает на приоритет финансовых инструментов поддержки инвесторов, в том числе вложений в акционерный капитал.

Расширение круга страхователей на компании из других стран также дало эффект. Теперь связанные с США фирмы среди бенефициаров можно встретить крайне редко.

Изменилась и география распределения страхового покрытия. Возросли объёмы СПР для проектов в более богатых странах и его доля в общем портфеле – в ущерб наименее развитым странам, но одновременно увеличилась поддержка так называемых «хрупких государств».

Среди макрорегионов на первые роли выдвинулись Африка южнее Сахары и Латинская Америка – регионы интенсивного соперничества США с КНР за влияние, тогда как Северная Африка и Западная Азия ушли на второй план. Что касается постсоветского пространства, то концентрация усилий на Украине, имевшая место ещё в 2010-е годы, после начала СВО РФ стала ещё более заметной, в то время как страховые операции АКФМР на Южном Кавказе и в Центральной Азии почти сошли на нет.

После прихода администрации Дж. Байдена АКФМР стала чаще одобрять проекты, связанные с развитием «зелёной» энергетики и охраной природы – в том числе, в Западном полушарии. Их поддержка, впрочем, чаще всего нацелена на решение конкретных внешнеполитических задач, связанных, главным образом, с противодействием влиянию КНР.

Проблема увязки интересов содействия развитию и национальной безопасности вновь вышла на первый план в рамках дискуссии о продлении срока работы АКФМР. Промежуточным итогом стало закрепление тренда на дальнейшую секьюритизацию в эволюции американской модели финансирования развития, включая СПР, и есть все основания полагать, что в условиях ужесточения межгосударственного соперничества он вряд ли пойдёт вспять.

ИСТОЧНИКИ

1. Amendment to H.R. 8926 Offered by Mr. Castro of Texas. 10.07.2024. Available at: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20240710/117510/BILLS-118-8926-C001091-Amdt-134.pdf> (accessed: 25.07.2024).
2. Assistant Secretary Pyatt's Virtual Press Briefing – Strengthening Energy Security and Transition Partnerships with Brazil. 22.07.2024. Available at: <https://www.state.gov/assistant-secretary-pyatts-virtual-press-briefing-strengthening-energy-security-and-transition-partnerships-with-brazil/> (accessed: 25.07.2024).
3. Auth, K., Moss, T. (2023) BUILDing a DFC Fit for Purpose: Eight Recommendations for a Robust Reauthorization of America's Development Finance Institution. *Energy for Growth Hub*. 14.11.2023. Available at: <https://energyforgrowth.org/article/building-a-dfc-fit-for-purpose/> (accessed: 25.07.2024).
4. Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018 – FAA Reauthorization Act of 2018. Division F. Pub. L. 115–254. Enacted 05.10.2018. Available at: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ254/PLAW-115publ254.pdf> (accessed: 25.07.2024).
5. Chairman McCaul Speaks in Support of H.R. 8926, the DFC Modernization and Reauthorization Act of 2024. 07.10.2024. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/press-release/chairman-mccaul-speaks-in-support-of-h-r-8926-the-dfc-modernization-and-reauthorization-act-of-2024/> (accessed: 25.07.2024).
6. Collinson, E., Landers, C., Hurley, J. Race to Reauthorization: What a New House Bill Would Mean for DFC. *Center for Global Development*. 24.07.2024. Available at: <https://www.cgdev.org/blog/race-reauthorization-what-new-house-bill-would-mean-dfc> (accessed: 25.07.2024).
7. Delegation of Authority Under the Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018. Memorandum for the Secretary of State. 07.07.2020. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-07-29/pdf/2020-16601.pdf> (accessed: 25.07.2024).
8. European Energy Security and Diversification Act – Further Consolidated Appropriations Act, 2020. Pub. L. 116–94. Enacted 20.12.2019. Title XX. Available at: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ94/PLAW-116publ94.pdf> (accessed: 25.07.2024).
9. H. R. 8926. To Modify and Reauthorize the Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018. 02.07.2024. Available at: <https://www.congress.gov/118/bills/hr8926/BILLS-118hr8926ih.pdf> (accessed: 25.07.2024).
10. Herscowitz, A. How to Better Equip the U.S. DFC to Compete with China. *Overseas Development Institute*. 15.04.2024. Available at: <https://odi.org/en/insights/how-to-better-equip-the-us-dfc-to-compete-with-china/> (accessed: 25.07.2024).

11. Landers, C., Lee, N., Collinson, E., Hurley, J. Memo to Congress: A Nine-Point Plan for DFC's Reauthorization. *Center for Global Development*. 14.03.2024. Available at: <https://www.cgdev.org/blog/memo-congress-nine-point-plan-dfcs-reauthorization> (accessed: 25.07.2024).

12. Leo, B., Moss, T. Inside the Portfolio of the Overseas Private Investment Corporation. CGD Policy Paper 081. 2016. Available at: <http://www.cgdev.org/publication/inside-portfolio-overseas-private-investment-corporation> (accessed: 25.07.2024).

13. McKinsey. Capital Mobilization Impacts Resulting from DFC's Political Risk Insurance Product Impact Assessment Report. May 2023. Available at: <https://www.dfc.gov/sites/default/files/media/documents/McKinsey%20PRI%20Capital%20Mobilization%20Impact%20Assessment.pdf> (accessed: 25.07.2024).

14. Moss, T., Leo, B. A Consolidated U.S. Development Bank: Reorganizing Private Sector Policy Tools in Emerging Markets and Fragile States. *Center for Global Development*. 06.04.2011. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/USDB-White-Paper-April-2011.pdf> (accessed: 25.07.2024).

15. Murphy, E., Runde, D.F., Bandura, R., Unger, N. The Next Five Years of the DFC: Ten Recommendations to Revamp the Agency. CSIS. September 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/next-five-years-dfc-ten-recommendations-revamp-agency> (accessed: 25.07.2024).

16. Murphy, H. Devex Newswire: Why US DFC Wants to Expand its High-Risk Insurance. *Devex*. 10.04.2024. Available at: <https://www.devex.com/news/devex-newswire-why-us-dfc-wants-to-expand-its-high-risk-insurance-107431> (accessed: 25.07.2024).

17. Nathan, S. Reviewing DFC's Efforts to Outcompete China's BRI. Testimony by DFC CEO Scott Nathan to the House Committee on Foreign Affairs. 07.05.2024. Available at: <https://www.dfc.gov/media/speeches-testimony/testimony-dfc-ceo-scott-nathan-house-committee-foreign-affairs-1> (accessed: 25.07.2024).

18. OPIC. Annual Reports. Available at: <https://www.dfc.gov/media/reports/archived> (accessed: 25.07.2024).

19. Roberts, J. M., Schaefer, B.D. The U.S. Development Finance Corporation Is Failing to Counter China. Heritage Foundation Backgrounder No. 3649. 17.09.2021. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-09/BG3649.pdf> (accessed: 25.07.2024).

20. U.S. Agency for International Development – U.S. Development Finance Corporation. Coordination Report. July 2019. Available at: https://www.dfc.gov/sites/default/files/2019-10/CoordinationReport_Shelby_7_31_19.pdf (accessed: 25.07.2024).

21. U.S. Congress – House Select Committee on Strategic Competition between the United States and the Chinese Communist Party. Reset, Prevent, Build: A Strategy to Win America's Economic Competition with the Chinese Communist Party. December 2023. Available at: <https://selectcommitteeontheccp.house.gov/sites/evo-subsites/selectcommitteeontheccp.house.gov/files/evo-media-document/reset-prevent-build-scc-report.pdf> (accessed: 25.07.2024).

22. U.S. Development Finance Corporation (US DFC). Annual Reports. Available at: <https://www.dfc.gov/our-impact/reports> (accessed: 25.07.2024).

23. U.S. DFC. Annual Report 2022. Available at: <https://www.dfc.gov/sites/default/files/media/documents/DFC%202022%20Annual%20Report.pdf> (accessed: 25.07.2024).

24. U.S. DFC. Annual Report 2023. Available at: <https://www.dfc.gov/sites/default/files/media/documents/DFC%20FY23%20Annual%20Report.pdf> (accessed: 25.07.2024).

25. U.S. DFC. DFC's Global Portfolio Surpasses \$40 Billion Across More Than 100 Countries. 13.12.2023. Available at: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/dfcs-global-portfolio-surpasses-40-billion-across-more-100-countries> (accessed: 25.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкая М.Ю. Международное сотрудничество в интересах мирового развития: политика США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022. №10. С. 56–71. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022100042>.

Перова М.К. Инвестиционная политика США в меняющемся мире. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020. Т. 50, № 8. С. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300010629-1>.

Сутырин В.В. Трансформация политики США, ЕС и КНР в области содействия развитию на фоне междержавного соперничества. *Международные процессы*. 2023. Т. 21, №4. С. 53–82. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.4>.

REFERENCES

Beletskaya, M.Y. (2022). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v interesakh mirovogo razvitiia: politika SShA [International development cooperation: U.S. policies] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 10. Pp. 56–71. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022100042>.

Perova, M.K. (2020). Investitsionnaia politika SShA v meniaiushchemsia mire [U.S. Investment policy in an evolving world] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. Vol. 50, no.8. Pp. 70–86. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300010629-1>.

Sutyryn, V.V. (2023). Transformatsiia politiki SShA, ES i KNR v oblasti sodeistviia razvitiu na fone mezhderzhavnogo sopernichestva [Transformation of development assistance under great power rivalry] (In Russ.). *International Trends*. Vol. 21, no. 4. Pp. 53–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.4>.

Arel-Bundock, V., Peinhardt, C., Pond, A. (2020). Political risk insurance: a new firm-level data set. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 64, no.5. Pp. 987–1006. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002719875754>.

Blanton, S.L., Machain, C.M. (2022) US military aid, political risk insurance, and foreign direct investment: Overcoming obstacles to U.S. foreign policy. *Journal of Political & Military Sociology*. Vol. 49, no.1. Pp. 87–119. DOI: <https://doi.org/10.5744/jpms.2022.2007>.

Chaisse, J. (2023) Strategic evolution: The changing face of US development finance in world trade. *Journal of World Trade*. Vol. 57, no.6. Pp. 909–932. DOI: <https://doi.org/10.54648/trad2023038>.

Parker, P. (2020) The Build Act: A shift in U.S. global investment strategy and its impact on Sub-Saharan Africa. *Emory International Law Review*. Vol. 34, no.5. Pp. 673–704.

Powell, D. (2020) Legal instrumentalism and development finance: The long game. *Journal of International Law & Policy*. Vol. 27, no.1. Pp. 127–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАРТЕНЕВ Владимир Игоревич, кандидат исторических наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.	Vladimir I. BARTENEV, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University. 20 Myasnitskaya st., 101000 Moscow, Russian Federation.
---	---

Статья поступила в редакцию 5.08.2024 / Received 5.08.2024.

Статья поступила после рецензирования 18.08.2024 / Revised 18.08.2024.

Статья принята к публикации 20.08.2024 / Accepted 20.08.2024.

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024110071

EDN: YMRYYE

Америка против всех. Борьба США за сохранение своей гегемонии в мире

С.М. Самуйлов

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).*

121089, Россия, Москва, Хлебный переулок, 2,3.

РИНЦ 495255 ORCID: 0000-0003-4033-717X

e-mail: fpcenter@rambler.ru

Резюме. Статья-рецензия представляет собой аналитическое исследование фундаментальной, многоплановой, высокопрофессиональной научной монографии «Америка против всех», подготовленной коллективом авторов Дипломатической Академии МИД РФ. В ней, на основе содержания монографии, рассматриваются как исторические аспекты российско-американских отношений – включая содействие России спасению государственности США во время Гражданской войны XIX века и продажу Аляски американцам, – так и их состояние во времена холодной войны, разрядки международной напряжённости 1970-х годов, распада СССР, постсоветского периода и в настоящее время. Обосновывается, что неизбывное стремление США к мировому господству логически вытекает из концепций о расовом превосходстве англосаксов, возникших ещё в начале XX века, над всеми другими расами и народами. Показывается, что Конгресс, проникнутый русофобией, неоднократно препятствовал нормализации отношений США – Россия, а современный раскол общества и элиты в США чреват новой гражданской войной. Делается вывод о том, что данная монография – это большой новаторский вклад в современное развитие российской американистики.

Ключевые слова: США, Россия, спасение государственности, продажа Аляски, расовое превосходство англосаксов, холодная война, разрядка напряжённости, распад СССР, противоборство «демократий» с «автократиями», раскол общества и элиты, гражданская война.

Для цитирования: Самуйлов С.М. Америка против всех. Борьба США за сохранение своей гегемонии в мире. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(11): 111–118. DOI: 10.31857/S2686673024110071 EDN: YMRYYE

America against all: The United States' Struggle to Maintain Global Hegemony

S.M. Samuylov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, *Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.*

ПИНЦ 495255 ORCID: 0000-0003-4033-717X

e-mail: fpcenter@rambler.ru

Abstract. The review article is an analytical study of the fundamental, multifaceted, and highly professional, scientific monograph "America Against All", prepared by a team of authors from the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Based on the content of the monograph, it examines both the historical aspects of Russian-American relations – including Russia's assistance in preserving U.S. statehood during the Civil War of the 19th century and the sale of Alaska to the Americans – as well as their state during the Cold War, détente in the 1970s, the collapse of the USSR, the post-Soviet period, and the present. The article substantiates that the United States' inescapable desire for global domination logically follows from concepts of Anglo-Saxon racial superiority, which emerged at the beginning of the twentieth century, over all other races and peoples. It further shows that Congress imbued with Russophobia. has repeatedly impeded the normalization of relations between the United States and Russia, and that the current divide within U.S. society and the risks leading to a new civil war. The article concludes that this monograph is a significant and innovative contribution to the modern development of Russian American studies.

Keywords: The United States, Russia, the salvation of statehood, the sale of Alaska, the racial superiority of the Anglo-Saxons, the Cold War, détente, the collapse of the USSR, the confrontation between "democracies" and "autocracies", the split in society and the elite, the civil war.

For citation: Samuilov, S.M. America against all: The United States' Struggle to Maintain Global Hegemony. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2024; 54(11): 111–118.

DOI: 10.31857/S2686673024110071 EDN: YMRYYE

При изучении и прочтении коллективной монографии «Америка против всех» [Яковенко А.В., Манасенко К.А., Карпович О.Г., Крамаренко А.М., Егоров В.Н., Гришанов А.А. 2023], состоящей ни много ни мало из четырёх частей и 28 глав, сразу становится понятно, что перед вами с фундаментальный, глубоко исторический, многоплановый в отношении исследуемой тематики и высокопрофессиональный научный труд.

Актуальность исследуемой тематики не вызывает сомнений. Русофобия и восприятие русских как, мягко говоря, белых людей «второго сорта, являются многовековыми неотъемлемыми компонентами внешнеполитического сознания сначала Европы, а сегодня – коллективного Запада, включая США. Именно по этой причине после крушения СССР в 1991 году США и НАТО упорно нарушали все свои обещания, договорённости и соглашения, достигнутые с Россией, настойчиво продвигая блок на восток, к нашим границам. Тем самым постоянно возрастала угроза нашей национальной безопасности. Нас попросту не считали и не считают за равных себе людей.

При этом военная мощь блока, у которого нет единой армии, и технологическое превосходство над Россией, как показал ход СВО на Украине, оказались значительно преувеличенными. Все усилия российского руководства побыстрее стать частью Запада после крушения СССР оказались тщетными. Российско-американские отношения постоянно ухудшались. Сегодня в официальных внешнеполитических документах Вашингтона Россия и Китай характеризуются терминами «соперник» или «противник». Термин «враг» (*enemy*) пока стараются избегать. При Дж. Байдене США полностью втянулись в гибридную (или «прокси») войну с РФ на территории Украины. Понятно, что для срыва их намерений «нанести стратегическое поражение России» необходимо хорошо их знать. В этом видится конкретная актуальность и практическая значимость рецензируемого объёмного научного труда.

Авторы работы удачно определили её актуальность в более развёрнутом виде во введении: «А ведь без глубокого осознания превратностей исторического пути Америки, без тщательного анализа того, в каком месте и по каким причинам она “свернула не туда”, почему американские элиты возмнили себя избранными и развернули настоящий крестовый поход против всех несогласных, включая Россию, – без всего этого невозможно адекватно противодействовать всё более агрессивным и непредсказуемым попыткам Вашингтона и его союзников сохранить свою глобальную гегемонию любой ценой» (с. 6).

При критическом рассмотрении такого глубокого, объёмного и многопланового научного труда невозможно оценить в рамках небольшой рецензии множество новаций и достижений, содержащихся в нём. Пришлось ограничиться лишь некоторыми из них, которые представляются наиболее важными и интересными.

Последовательность четырёх частей работы вполне логична. В них рассматривается формирование в Америке на основе представлений о собственной богоизбранности и исключительности экспансионистских и империалистических концепций, исторические корни американской государственности (XVII–XIX века), распространение гегемонии США начиная с конца XIX века в различных регионах мира и в глобальном масштабе вплоть до современности. В последней части анализируется недемократическая сущность современных США, её глубокое отличие от того, что когда-то провозглашал президент А. Линкольн.

Заслуживает похвалы удачная находка авторов, заключающаяся в размещении в конце каждой главы портретов и фотографий исторических деятелей, политиков, мыслителей, копий картин с историческими сюжетами. Это позволяет визуально представить и оживить в воображении то научное содержание, о котором идёт речь в главах.

В начале работы анализируется понятие «геополитика» как внешняя политика государства, основанная на географическом факторе. Обоснованно говорится о том, что в результате стремительного гигантского территориального

разрастания США в течение XIX века – от небольших бывших английских колоний на Восточном побережье до берегов Тихого океана – на рубеже веков начали появляться работы, пропагандировавшие англосаксонское доминирование в мире на основе американской «исключительности». Уже тогда заговорили о «праве» и «обязанности» США начать распространять свою политическую систему по всему миру и о расовом превосходстве англосаксов над другими народами (с. 16).

Далее изучаются внешнеполитические доктрины американских администраций послевоенного периода, начиная с широко известной концепции «сдерживания коммунизма» (*containment*) Дж. Кеннана (1947 год). Освещаются доктрины «массированного возмездия» времён президентства Д. Эйзенхауэра, «гибкого реагирования» времён Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Упоминается и политика разрядки напряжённости 1970-х годов.

Большое внимание уделяется Стратегии национальной безопасности Б. Обамы 2015 года, аналогичной стратегии администрации Д. Трампа 2017 года, стратегии Дж. Байдена 2022 года.

Делается обоснованный вывод о том, что в ближайшее время Вашингтон будет пытаться сохранить «видимость» однополярного мира, но, если это не удастся, трансформирует его в «лидерство в Западном мире», в кругу «демократических государств», противостоящих «автократиям», в первую очередь России и Китаю (с. 68).

Однако не указывается, что принципиальное отличие СНБ Д. Трампа от стратегий предшественников после распада СССР заключалось в возвращении США к восприятию международных отношений как арены борьбы великих держав. Администрации Дж. Буша-младшего и Б. Обамы главными угрозы для США видели в «международном терроризме» и «авторитарных режимах». Для трампов это стали Китай и Россия.

Удивительно, но, несмотря на всю ненависть демократов и либералов к Трампу, в их СНБ 2022 года они заимствовали его картину мира, как арены борьбы великих держав, также считая РФ и КНР главными противниками.

Во второй части монографии вызывают большой интерес сюжеты, посвящённые малоизученным проблемам спасения американской государственности во время Гражданской войны и «Русской Америки» до продажи Аляски США.

Сегодня следует почаще напоминать Вашингтону, что в 1863 году Россия послала к берегам Нью-Йорка и Сан-Франциско две эскадры общей численностью 12 крейсеров с тем, чтобы поддержать северян и нейтрализовать намерения Лондона и Парижа выступить на стороне отделившейся Конфедерации южных штатов. Это содействовало победе северян (с. 209–211).

Несомненным успехом всей работы является блестящее развенчание исторических мифов о том, что Аляска не была продана, а сдана в аренду на 99 лет, что

Россия никаких денег на деле от США не получила, что пароход с золотыми слитками затонул и т. п. В реальности полуостров был продан за 7,2 млн долл. того времени. Расчёт был безналичным, и почти вся эта сумма была потрачена в США на закупку паровозов и железнодорожного оборудования.

В третьей части прослеживается эволюция и перипетии холодной войны между США и СССР и их сателлитами, начиная с фултонской речи Уинстона Черчилля (1946 год) и до распада Советского Союза. Немалое и вполне обоснованное внимание уделяется политике разрядки напряжённости президента Ричарда Никсона и его помощника по национальной безопасности Генри Киссинджера.

Конгресс в конце 1960-х – начале 1970-х годов, под давлением массового антивоенного движения, начал сокращать бюджет Министерства обороны и финансирование войны во Вьетнаме, в которой Вашингтон терпел очевидное поражение. К этому времени СССР в стратегических ядерных вооружениях достиг паритета с США. Администрация Р. Никсона не могла ответить на это новым наращиванием их из-за позиции Конгресса. Ей пришлось официально признать наличие равенства с Москвой в таких вооружениях, что было сильным политико-психологическим ударом по представлениям американцев о собственной исключительности, подразумевающей, что США должны превосходить все другие государства во всём.

Кроме того, формула разрядки с СССР Никсона – Киссинджера была намного сложнее концепции «сдерживания коммунизма». Она подразумевала, что с Москвой следует сотрудничать там, где интересы совпадают, и продолжать соперничество там, где они расходятся.

Первоначальный замысел «Никсинджера» был таков: СССР должен ограничить свою поддержку «национально-освободительных движений» в развивающихся странах, а в обмен США предоставят кредиты и новые технологии Москве в рамках нового торгового соглашения. Реализацию этой концепции со стороны США не допустил Конгресс. Осенью 1974 года, уже после отставки Никсона в августе из-за Уотергейта, сенаторы «пристегнули» к торговому биллю известную поправку Джексона – Вэника. СССР счёл это грубым вмешательством во внутренние дела и отказался от этого договора. Постепенно, и для либералов в Конгрессе паритет оказался неприемлемым.

Со своей стороны, и престарелое советское руководство не отказывалось от поддержки «революционных движений» в развивающихся странах в соответствии с догмой о «всемирной победе коммунизма», несмотря на все усилия нашего посла А.Ф. Добрынина переубедить старцев на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в ущербности этого для интересов СССР.

В этой части также обоснованно критикуется деятельность Р. Рейгана с его провозглашением СССР «империей зла» (что подразумевало, что

США – «империя добра», то есть всё то же чёрно-белое восприятие мира), развёртыванием ракет средней дальности в Европе, чем он немало напугал европейцев, и пропагандистским блефом относительно программы «звёздных войн», что напугало советское руководство.

Тем не менее при нём началось реальное сокращение ядерных вооружений, и в конце 1987 года был подписан договор о ликвидации целого их класса – ракет средней и меньшей дальности (радиус действия от 500 до 5000 км). Обоснованно говорится о бесконечных односторонних уступках американцам со стороны СССР при М.С. Горбачёве, когда Москва ничего не получала взамен (с. 426–428).

Вполне можно согласиться и с таким выводом авторов: «Таким образом, на рубеже 1980–1990 годов имел место не крах биполярной системы, как это часто преподносят тенденциозные историки, а добровольный выход из холодной войны, отказ одного из полюсов от своих позиций на мировой арене, которые были незамедлительно заняты оппонентом, то есть Соединёнными Штатами. Америка на некоторое время обрела статус глобальной империи, с которой никто в мире не мог соперничать» (с. 429).

Интереснейшей представляется четвёртая, заключительная, часть объёмного труда. В ней авторы убедительно развенчивают линкольновское, почитаемое в США представление об американской демократии. В разгар Гражданской войны в ноябре 1863 года после одной из побед северян президент А. Линкольн произнёс короткую речь в Гёттисберге (штат Пенсильвания). В ней он определил демократию в США как «власть народа, волей народа и для народа».

Авторы убедительно обосновывают, что в современных США никакой власти народа и для народа нет. Нет и никакой свободы слова, о чём убедительно говорит вернувшийся в Россию из США после 50 лет эмиграции Дмитрий Саймс, кстати, бывший заместитель секретаря комитета комсомола ИМЭМО, эмигрировавший в 1973 году.

Многие влиятельные бизнес-организации и администрация Б. Обамы годами лоббировали Конгресс за отмену поправки Джексона – Вэника без всяких условий ради устранения преград для освоения ёмких российских рынков. Однако русофобия среди американских законодателей оказалась настолько сильна, что они проигнорировали интересы своего крупного бизнеса и при отмене поправки «пристегнули» к биллю «Акт Магнитского». Билль с актом был утверждён президентом в декабре 2012 года. В соответствии с актом начали вводить санкции против лиц, «нарушающих права человека» [Самуйлов С.М., Братерский М.В. 2014]. Российско-американские деловые отношения начали быстро ухудшаться. Как и при принятии поправки Конгресс вновь выступил «спойлером».

В монографии вполне обоснованно подчёркивается значительная роль лоббизма как одного из влиятельных политических институтов федерального уровня (с. 523–524). Известно, что до половины американских законодателей

после выхода на пенсию переходят на работу в «свои» лоббистские фирмы в Вашингтоне, где их зарплата сразу возрастает в пять и более раз и с которыми они сотрудничали, находясь в Конгрессе.

Очень важно, что авторы монографии рассматривают и возможность возникновения новой гражданской войны в США, так сказать, в партизанском варианте, в отличие от предыдущей. Они обоснованно пишут: «Более того, немало наблюдателей полагает, что современная Америка вновь оказалась на пороге кровавой междоусобицы. Разделяют это мнение и многие простые граждане. Так, по данным Калифорнийского университета, более 50% респондентов по всей стране согласны с утверждением, что в ближайшие несколько лет в США начнётся гражданская война» (с. 550).

Действительно, сегодня расколоты и американское общество, и политическая элита США [Самуйлов С.М., 2022], за исключением двухпартийного консенсуса в Конгрессе в отношении России и Китая. Как следствие, высока вероятность непризнания сторонами результатов президентских выборов с последующим скатыванием в вооружённое противоборство.

Основной минус работы заключается в её не совсем завершённом характере, поскольку отсутствует полноценное заключение. Сразу же возникает мысль о необходимости нового дополненного и скорректированного издания, в котором был бы ликвидирован этот пробел и учтены замечания рецензий.

В целом можно сказать, что данный объёмный, многоплановый, исторически глубокий труд является большим новаторским вкладом в научное развитие российской американистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Самуйлов С.М. Трампизм: раскол общества и элиты / Институт США и Канады РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 234 с.

Самуйлов С.М., Братерский М.В. Конгресс и торговые отношения США с Россией. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. 2014, № 5. С. 3–22.

Яковенко А.В., Манасенко К.А., Карпович О.Г., Крамаренко А.М., Егоров В.Н., Гришанов А.А. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность (руководитель А.В. Яковенко, руководитель К.А. Манасенко, О.Г. Карпович, А.М. Крамаренко, В.Н. Егоров, А.А. Гришанов). М.: ООО «Содружество культур», 2023. – 588 с.

REFERENCES

Samuylov, S.M. Trumpism: the split of society and the elite / Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Publishing House "The Whole World", 2022. – 234 p.

Samuylov, S.M., Bratersky, M.V. U.S. Congress' role in the U.S. – RF trade relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2014, no. 5. P. 3–22.

Yakovenko, A.V., Manasenko, K.A., Karpovich, O.G., Kramarenko, A.M., Egorov, V.N., Grishanov, A.A. America is against everyone. Geopolitics, Statehood and the global role of the United States: History and Modernity. Moscow: LLC "Commonwealth of Cultures". 2023. – 588 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САМУЙЛОВ Сергей Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121089 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Sergey M. SAMUYLOV, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024 / Received 31.05.2024.

Поступила после рецензирования 18.06.2024 / Revised 18.06.2024.

Статья принята к публикации 20.06.2024 / Accepted 20.06.2024.

УДК 347.65/68

DOI: 10.31857/S2686673024110088

EDN: YMOQFJ

Определение статуса резидента в целях налогообложения в США

И.Ю. Архангельский

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

РИИЦ ID: 499022

ORCID: 0000-0001-5107-2627

e-mail: p.bogorodov@mail.ru

Резюме: В статье изучается зарубежный опыт налогообложения, в частности налогообложения физических лиц, а также налоговый инструментарий, применяемый в промышленно развитых странах для наиболее эффективного сбора налогов и стимулирования развития экономики. Работа может быть также непосредственно обращена к представителям тех министерств и ведомств, которые связаны с задачей наполнения государственного бюджета. Опыт США с их развитой и всеобъемлющей системой контроля налогообложения мог бы стать полезным при организации более эффективного налогообложения иностранных лиц, включая трудовых мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: тест на законное постоянное жительство, тест на основное место пребывания, исключение для освобождённого лица, исключение для тесной связи с зарубежным государством, налоговый дом, основное место для бизнеса, основное место жительства, основное место работы, правило «непрерывности».

Для цитирования: Архангельский И.Ю. Определение статуса резидента в целях налогообложения в США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(11): 119–126. DOI: 10.31857/S2686673024110088 EDN: YMOQFJ

Determining Resident Status for Taxation in the USA

Ivan Yu. Arkhangelsky

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

РИИЦ ID: 499022

ORCID: 0000-0001-5107-2627

e-mail: p.bogorodov@mail.ru

Abstract: This paper examines international taxation practices, in particular focusing on the taxation of individuals as well as tax tools used in industrialized countries to optimize tax collection and stimulate economic development. It is also directly relevant for representatives of ministries and departments involved in managing the state budget. The experience of the United States, with its developed and comprehensive tax control system, could be useful in organizing more effective taxation of foreign individuals, including migrant workers residing on the territory of the Russian Federation.

Keywords: lawful permanent resident test, substantial presence test, exempt-individual exception, closer-connection-to-a-foreign country exception, tax home, principal place of business, principal place of abode, principal place of work, “no-lapse” rule.

For citation: Arkhangelsky, I.Yu. Determining Resident Status for Taxation in the USA. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2024; 54(11):119–126.

DOI: 10.31857/S2686673024110088 EDN: YMOQFJ

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно государственные границы Соединённых Штатов Америки пересекают сотни тысяч зарубежных гостей из всех частей света. Многие из приезжающих проводят там лишь несколько дней, другие живут неделями, месяцами, а иногда и годами, оставаясь подданными иностранных государств. Большинство приезжающих проводят там отпуск, отдыхают и путешествуют, но немало людей приезжает по долгу службы, работает и зарабатывает в США. Отдельные категории иностранцев, такие как туристы и путешественники, транзитные пассажиры не представляют интереса для Налоговой службы. Однако те из них, которые, в силу разных причин, задерживаются дольше обычных туристов, а тем более имеют на территории США какие-либо доходы, немедленно становятся объектом внимания главного налогового ведомства – Службы внутренних доходов (*Internal Revenue Service, IRS*). Кто из иностранцев и при каких обстоятельствах попадает в сферу действия налогового законодательства, идёт речь в данной работе.

Как известно, корпус налогового законодательства США необычайно обширен, законы и правила его составляющие сложны, имеют массу особенностей и исключений. Поэтому ниже будут рассмотрены лишь некоторые формы и методы налогообложения иностранных физических лиц, а именно методы определения статуса резидентов США. В каждом случае иностранец, планирующий сколько-нибудь продолжительное проживание, а также какую бы то ни было деловую активность на территории страны, должен обсудить этот вопрос со специалистом по налогообложению. Причём консультацию необходимо получить как перед приездом в США, так и перед возвращением в страну постоянного проживания. Это позволит учесть особенности американской системы налогообложения и избежать серьёзных нарушений для повторного беспрепятственного визита и не нажить неприятностей по возвращении к месту постоянного проживания.

МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА РЕЗИДЕНТА И НЕРЕЗИДЕНТА

В общем случае иностранный гражданин считается нерезидентом, если он не удовлетворяет статусу резидента. Резидентом США (*U.S. resident*) считается иностранный гражданин (иностранец), который удовлетворяет какому-либо из двух тестов: тесту на законное постоянное жительство (*lawful permanent resident test*) или тесту на основное место пребывания (*substantial presence test*). Данное определение

резидента применяется лишь в целях уплаты подоходного налога иностранными физическими лицами на территории США. Оно не относится к случаям уплаты налогов на имущество (*estate tax*) и дарение (*gift tax*).

Методика проведения теста на законное постоянное жительство, называемого также тестом на «грин-карту» (*the green card test*), в общих чертах заключается в следующем. Иностранец, будучи законным постоянным жителем, то есть обладателем «грин-карты», в соответствии с иммиграционным законодательством, считается резидентом США и должен платить подоходный налог. Тест на законное постоянное место жительства базируется на существовании какого-либо законного основания (*legal authority*) для пребывания лица в США, а не на факте физического присутствия лица на территории страны. Таким образом, обладатель «грин-карты» будет продолжать считаться резидентом, вне зависимости от того, находится ли он в США, в Пуэрто-Рико, на Виргинских островах, в Российской Федерации или в какой-либо другой точке мира. Такое лицо будет считаться резидентом США до тех пор, пока его статус постоянного жителя не будет официально пересмотрен или отменён Службой гражданства и иммиграции США (*United States Citizenship and Immigration Services, USCIS*). Подразделение созданного после теракта 11 сентября 2001 года Министерства внутренней безопасности (*Department of Homeland Security, DHS*), включающего в себя также Службу иммиграционного и таможенного контроля США (*U.S. Immigration and Customs Enforcement, ICE*) и Таможенную и пограничную службу США (*U.S. Customs and Border Protection, CBP*). При получении или возобновлении «грин-карты», иностранный гражданин обязан направить соответствующее обращение в Службу внутренних доходов, которая должна включить данного иностранного гражданина в список лиц, обязанных послать декларацию о доходах и платить подоходный налог.

Методика проведения теста на основное место пребывания заключается в следующем. В отличие от теста на законное постоянное жительство, тест на основное место пребывания сконцентрирован на определении фактов физического присутствия иностранного лица на территории США. В соответствии с тестом иностранец считается резидентом США в целях налогообложения, если:

(1) иностранное физическое лицо присутствует на территории страны на протяжении по меньшей мере 31 дня в течение данного календарного года и

(2) суммарное количество проведённых там дней на протяжении текущего календарного года, плюс одна треть от суммарного количества дней, проведённых в США в прошедшем календарном году, плюс одна шестая от суммарного количества дней, проведённых в позапрошлом календарном году, равняется или превышает 183 дня, то есть

$$a + 1/3 b + 1/6 g \geq 183,$$

Где a , b , g – количество дней, проведённых в текущем, прошлом и позапрошлом календарных годах соответственно.

Для наглядности рассмотрим простейший пример. Пусть *X* – российский разработчик программного обеспечения, нанятый американской компанией, находился в США 130 дней в 2023 году, 120 дней в 2022 году и 120 дней в 2021 году. Разработчик *X* не имеет «грин-карты» и считается резидентом США на протяжении 2023 года, поскольку провёл там в 2023 году более 31 дня и не менее 183 дней в совокупности за истекшие три ближайших года.

Период	Реальных дней	Учётных дней
2023 год	130	130
2022 год	120	$120/3 = 40$
2021 год	120	$120/6 = 20$
Итого:	370	$190 \geq 183$

Создано автором.

Как видно, число учётных дней, проведённых *X* в США за три последние года равняется 190, то есть не менее 183, следовательно, *X* является резидентом США за 2023 год.

Необходимо отметить, что иностранный гражданин считается прошедшим какой-либо день (сутки) на территории США, если в течение данного дня он физически находился на территории США любое по продолжительности время. Исключение из этого правила делается только для жителей Мексики и Канады, которые отправляются в США на работу каждое утро, а на ночь возвращаются к себе в страну, каждый раз пересекая границу, а также для лиц, причисленных к транзитным пассажирам. Такие пассажиры должны проводить на территории США менее 24 часов проездом из одного пункта за пределами США в другой, также находящийся за пределами страны. К таким пассажирам относят также и тех, кто не сумел покинуть территорию США по состоянию здоровья, если ухудшение этого состояния произошло во время их пребывания в стране. Для всех этих лиц закон предусматривает, что количество учётных дней, проведённых ими на территории США, равно нулю.

Существуют два других важных исключения из теста на основное место пребывания. Первое – «исключение для освобождённого лица» (*exempt-individual exception*). Второе – «исключение для тесной связи с зарубежным государством» (*closer-connection-to-a-foreign country exception*).

С точки зрения первого исключения, лицо считается «освобождённым» в том смысле, что время его присутствия на территории страны не учитывается для него как дни пребывания ни в момент нахождения его в США, ни впоследствии. Согласно исключению для «освобождённого лица», иностранец не считается пребывающим в США в течение какого-либо дня, на протяжении которого он имеет статус «освобождённого лица». Кроме случаев, описанных ниже, «освобождённым» считается лицо, временно присутствующее на территории США в качестве представителя иностранного правительства (*foreign government-related individual* –

визы типа "А" и "G"), преподавателя (*teacher*) или стажёра (*trainee*) и имеющее визу типа "J" или "Q". Таким лицом может быть также студент, имеющий визу типа "F", "J", "M" или "Q", либо профессиональный спортсмен, временно находящийся на территории США для участия в некоммерческом спортивном состязании (визы типа "O" или "P"). Что касается представителей иностранного правительства, они считаются нерезидентами независимости от длительности их пребывания в США. Напротив, законом предусмотрено максимальное количество времени, «беспошлинно» проводимое в стране преподавателями, стажёрами и студентами. Преподаватель или стажёр не будут признаны «освобождёнными лицами» за текущий год, если за какие-либо два года на протяжении последних шести лет они уже признавались «освобождёнными лицами» в качестве либо преподавателя, либо стажёра, либо студента. В некоторых случаях двухлетний период продлевается до четырёхлетнего, однако, отсчёт ведётся по тем же последним шести календарным годам. Аналогичным образом, освобождение от начисления учётных дней пребывания для студентов предусмотрено лишь для тех из них, кто не провёл в стране более пяти календарных лет в качестве либо студента, либо преподавателя, либо стажёра. Вместе с тем иностранец и далее по истечении пяти лет может освобождаться от начисления учётных дней пребывания в качестве студента, если он сможет убедить Службу в том, что его пребывание в США находится в соответствии с условиями выданной ему студенческой визы, и что он не имеет намерения остаться на постоянное место жительства.

В соответствии со вторым важным исключением, «исключением для тесной связи с иностранным государством», иностранец, во всём прочем удовлетворяющий условиям теста на основное место пребывания, т.е. теста на резидента США, тем не менее, считается не удовлетворяющим этому тесту в текущем календарном году, если:

- (1) иностранец пребывал в США менее 183 дней на протяжении текущего календарного года;
- (2) в текущем календарном году «налоговым домом» (*tax home*) для иностранца оставалось его страна;
- (3) в текущем календарном году иностранец поддерживал тесную связь лишь с одним иностранным государством, которое было для него «налоговым домом», и эта связь была более тесной, нежели его связь с США.

Можно отметить, что понятие «налогового дома» применяется в законодательстве США по большей части в отношении предприятий. В отношении предприятия «налоговым домом» принято называть место расположения его штаб-квартиры, хотя в последние годы многие федеральные суды трактуют это как «основное место для бизнеса» (*principal place of business*) [1]. В отношении физического лица, очевидно, «налоговым домом» принято считать «основное место жительства» (*principal place of abode*) налогоплательщика [2]. Но, вообще говоря, иностранец имеет право заявить, что его «налоговый дом» находится за пределами США

по двум основаниям: первое, поскольку «основное место его жительства» – иностранное государство; и второе, поскольку «основное место его работы» (*principal place of work*) – иностранное государство. Определением была ли связь иностранца с зарубежным государством более тесной, нежели связь с США, занимаются, оценивая факты контактов в США и факты контактов в иностранном государстве. Понятное дело, что и подобная оценка, и использование неопределённого понятия «налогового дома», вносят элемент неопределённости, поскольку всецело зависят от подбора оцениваемых фактов. Следовательно, иностранец, чтобы не платить налоги в США, должен полагаться на другие определения, то есть на другие исключения из вышеназванных тестов. А уж если ни одно исключение к нему не подходит, попытаться использовать «исключение для тесной связи с иностранным государством». Стоит ещё добавить, что «исключение для тесной связи с иностранным государством» не применяется к тому календарному году, в котором иностранец направил прошение о перемене статуса на статус постоянного жителя, либо предпринял другие фактические шаги к получению статуса законного постоянного жителя США («грин-карты»).

Интересен тот факт, что в течение одного и того же финансового года иностранец может одновременно быть резидентом и нерезидентом США. Подобный двойной статус обычно возникает в том году, в котором иностранец приезжает или уезжает из страны. Статус резидента возникает и утрачивается с определённого момента, когда иностранец начинает и перестаёт удовлетворять тесту на законного постоянного жителя или тесту на основное место пребывания, либо обоим тестам одновременно. Дата начала постоянного жительства в США для иностранца, который удовлетворяет только лишь тесту на законного постоянного жителя, начинается с первого дня его физического присутствия в стране в качестве владельца действующей «грин-карты».

В последний год жительства иностранца в США его статус может стать двойным. Иностранец, имеющий статус законного постоянного жителя в соответствии с тестом на законное постоянное жительство, вообще говоря, перестаёт быть резидентом США в тот день, когда его статус официально прекращён. Иностранец, который удовлетворяет требованиям теста на основное место пребывания, вообще говоря, не считается резидентом США за тот период года, когда он физически находится за пределами страны. Последующие краткосрочные периоды присутствия на территории страны (менее 10 дней за один раз) можно не учитывать. Иностранец также будет считаться нерезидентом на оставшуюся часть года, если он будет иметь более «тесную связь» с иностранным государством в течение этой части года, его «налоговый дом» на этот период будет находиться за пределами страны, и если иностранец не будет признан резидентом ни на какой период времени в последующем календарном году.

Для иностранцев, числившихся резидентами США в течение любых отрезков времени на протяжении двух последовательных лет, применяется правило «непрерывности» (*“no-lapse” rule*). Это означает, что иностранец, числившийся какой-либо отрезок времени резидентом в предыдущем году, и какой-либо отрезок времени в текущем календарном году, будет считаться резидентом США с начала текущего года и, следовательно, подлежит налогообложению. Точно так же иностранец, признанный резидентом в текущем и следующем году, вне зависимости от того, поддерживал ли он тесную связь с иностранным государством, будет признан резидентом США в следующем году и будет подлежать налогообложению с конца текущего календарного года.

Вместе с тем правила, определяющие резидентов США, не являются превалирующими по отношению к правилам жительства, принятым в налоговых соглашениях между государствами. Так, если иностранец по правилам Службы внутренних доходов является резидентом США, но является вдобавок резидентом страны, с которой у США имеется налоговое соглашение, и данный иностранец подпадает под условия освобождения от подоходного налога, то он имеет право числиться нерезидентом в тех пределах, которые определены межгосударственным соглашением. Преимущества налоговых соглашений между странами будут рассмотрены в отдельной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность налогового законодательства США, как, впрочем, всякого развивающегося рыночным путём экономического механизма, в постоянном его изменении. В результате принятых новых законодательных актов и внесения поправок в старые, а также различного рода инструкций, писем, судебных решений и административного «творчества», называемого в Службе внутренних доходов «административным интерпретированием» (*administrative interpretation*), огромная глыба налогового законодательства живёт и развивается практически ежедневно. Кроме того, изложенная информация является обобщённой и не может учитывать отдельных и специальных случаев. Если такие случаи возникают (а это часто происходит), необходимо обращаться за консультацией.

ИСТОЧНИКИ

1. Hertz Corp. v. Friend, 559 U.S. 77, 2010. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/559/77> (accessed 21.05.2024).

2. Revenue Rulings 60-189, 1960-1 C.B. 60. Available at: <https://www.taxnotes.com/research/federal/irs-guidance/revenue-rulings/rev-rul-60-189/d37v> (accessed 21.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л., Опыт налогообложения доходов физических лиц в США для целей налоговых реформ в РФ. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 2020, №6 (126), С. 24–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-nalogooblozheniya-dohodov-fizicheskikh-lits-v-ssha-dlya-tseley-nalogovyh-reform-v-rf> (accessed 21.05.2024).

REFERENCES

Vylkova, E.S., Tarasevich, A.L. Experience in income taxation of individuals in the USA for the purposes of tax reform in the Russian Federation. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2020. No. 6 (126). pp. 24–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-nalogooblozheniya-dohodov-fizicheskikh-lits-v-ssha-dlya-tseley-nalogovyh-reform-v-rf> (accessed 21.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Иван Юрьевич, научный сотрудник Отдела экономических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Ivan Yu. ARKHANGELSKY, Researcher, Department of Economic Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила 25.05.2024 / Received 25.05.2024.

Поступила после рецензирования 10.06.2024 / Revised 10.06.2024.

Статья принята к публикации 12.06.2024 / Accepted 12.06.2024.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюмирующий подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе

«Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.